

А. Валков

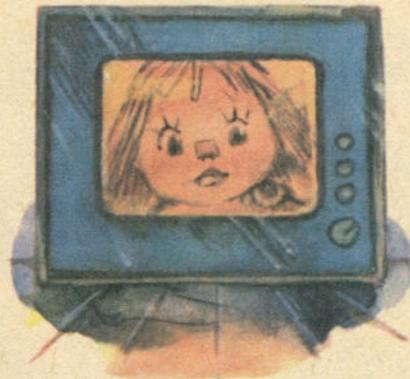
ЖЁЛТЫЙ ТУМАН

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

ЖЁЛТЫЙ ТУМАН
ТАЙНА ЗАБРОШЕННОГО ЗАМКА

Художник А. Владыкинский

A. Волков

ЖЁЛТЫЙ
ТУМАН

ТАЙНА
ЗАБРОШЕННОГО
ЗАМКА

СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

84.8Р744
Б67

Печатается по изданиям:

А. Волков. Желтый туман. М., Советская Россия, 1974;
А. Волков. Тайна заброшенного замка. М., Советская Россия, 1982

4803010102-37
Б—
М756(12)—87 104—87

© Обложка. Издательство «Литература артистикэ». 1987

Ж
ЁЛТЫЙ
ТУМАН

ВСТУПЛЕНИЕ

СОН ДЛИНОЙ В ПЯТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Длинное узкое ущелье Кругосветных гор заканчивалось уютной тёплой пещерой с высоким сводом, с гладкими стенами и ровным полом. В дальнем углу пещеры возвышалось гигантское ложе, и там, на мягкой моховой подстилке, спала глубоким сном женщина исполинского роста.

Сон её был необычен: он продолжался десятки веков. Кто же сумел справиться с этой великаншей, кто и за какие злодеяния навеял на неё очарованный сон?

Чтобы узнать, как и почему свершилось такое удивительное дело, перенесёмся мысленно за несколько тысяч лет назад, в ту отдалённую эпоху, когда в стране, которую позже назвали Волшебной, появился могучий чародей Гуррикап¹.

Это Гуррикап отгородил Волшебную страну от остального мира Великой пустыней и Кругосветными горами, это он дал животным и птицам, её населявшим, дар человеческой речи, он засставил круглый год сиять над её лесами и полями жаркое летнее солнце.

Много добра сделал Гуррикап для Волшебной страны, и обитавшие в ней племена маленьких людей жили весело и счастливо, в спокойном мирном труде.

Но вот прошла тысяча, а может быть, и две тысячи лет, и на

¹ См. сказку «Семь подземных королей».

жителей Волшебной страны начали то и дело сваливаться неожиданные бедствия. То при ясном небе налетит на людское поселение ураган и повалит дома, убивая и калеча тех, кто не успевал вовремя оставить жилище; то наводнение затопит прибрежную деревню; то на домашний скот нападёт повальная болезнь, коровы и овцы гибнут десятками.

Посмотрев в свои магические книги, Гуррикап узнал, что в Волшебную страну явилась из большого мира колдунья Арахна. Ростом она была Гуррикапу только по пояс, но у доброго волшебника голова приходилась вровень с верхушками самых высоких деревьев. Поэтому и Арахна была великаншей, но ниже, всего-навсего локтей в тридцать.

Арахна была очень злая колдунья. Если в какой-нибудь день ей не удавалось никому навредить, она считала этот день пропащим. Зато, причинив кому-нибудь беду, она хохотала так громко, что деревья в ближней роще качались и с них падали плоды.

Только к одному из людских племен Арахна относилась снисходительно,— к немногочисленному племени гномов, которых она привела в Волшебную страну из-за гор. Гномы служили ей верно и преданно, их прадеды дали в этом великую клятву. Но если бы чародейка обидела своих подданных, то гномы разбежались бы по всей стране, и тогда попробуй найди их в густых лесах и высоких луговых травах: ростом они были с локоток и умели удивительно ловко прятаться.

Крохотные старички с длинными седыми бородами и опрятные старушки в белых чепчиках заботились обо всех нуждах своей повелительницы с величайшим старанием. Они жарили ей быков и баранов; гномы разводили их на богатых горных пастбищах. Они пекли пышные булки из пшеницы, которую выращивали на плодородной почве своей уединённой долины. Из маленьких луков подстреливали жирных фазанов и куропаток, ткали материю и окрашивали её в синий цвет, а потом шили новую мантию, когда одежда волшебницы изнашивалась.

За эти неоценимые услуги Арахна не оставляла гномов своим покровительством: заклинания Арахны продлевали их жизнь до ста пятидесяти лет, их дети вырастали, не зная болезней, их стрелы били дичь без промаха, а в сети попадала крупная рыба.

Но Арахна делала добро с величайшей неохотой и вознаграждала себя тем, что остальным людским племенам устраивала всевозможные пакости. И вот, когда об этом проведал Гуррикап, он решил обезвредить злую волшебницу. Однако как это сделать? Проще всего казалось убить колдунью, стукнув её по голове многопудовым кулаком. Но волшебник был так добр, что никогда никого не убивал. Даже шагая по лугу, он нарочно шумел и шаркал

ногами, и всякие лягушки, букашки, таракашки успевали убраться из-под его огромных сапог.

Гуррикап оставилось одно: надолго усыпить Арахну. Он порылся в книге заклинаний и нашел, что самый долгий срок очарованного сна, в который он может погрузить злую волшебницу,— пять тысяч лет.

— Ну что ж, срок подходящий,— задумчиво пробормотал Гуррикап.— Быть может, за это время она отвыкнет делать зло... Но тут написано, что для успеха волшебства я должен собрать всю силу воли, а самое главное, мне нужно находиться рядом с Арахной, когда я буду говорить заклинание, иначе оно не действует. И вот это труднее всего...

От всех разведчиков-зверей и птиц Гуррикап знал, что колдунью Арахну застать врасплох невозможно. Вокруг неё постоянно шныряли гномы, они предупреждали свою госпожу о любой опасности. И кроме того, чародейка умела принимать любой вид, какой только захочет. Она могла прикинуться лисицей или филином, цветущей яблоней или сухим пнём. Изловить её было делом чрезвычайно хитрым.

Гуррикап основательно подготовился к выполнению своего замысла. Он выучил длинное и страшное заклинание наизусть, чтобы в нужный момент не отвлекаться и не шарить глазами по строчкам магической книги. А затем он призвал на помощь всех лесных зверей и птиц. Звери и птицы охотно откликнулись на зов волшебника: Арахна достаточно всем насолила, и они рады были отделаться от злой феи.

В назначенный день и час долину, где находилось убежище Арахны, окружили бесчисленные стада всякого зверья. Пришли бизоны и туры, львы и тигры, гиены, шакалы, волки, барсуки и зайцы, мыши и крысы, по ветвям деревьев прыгали опоссумы, куницы и белки. В воздухе реяли стаи орлов, кондоров, ястребов, стрекотали сороки, каркали вороны, резали воздух быстрыми крыльями ласточки...

Страшный гвалт и гомон наполнили окрестность. И всё это неисчислимое воинство грозно надвигалось на убежище Арахны, окружая его со всех сторон. Вёл это воинство великан с разевающимися седыми кудрями, с очами, пылающими гневом. Трубным голосом, покрывшим шум его разноголосой армии, Гуррикап объявил:

— Выходи, Арахна! Пришла тебе пора держать ответ за все твои злодейства!

Сердце колдуньи затрепетало от страха. Сначала она думала отсидеться в пещере, но поняла, что тут её захватить легче всего. И вмиг из пещеры вылетел орёл и попытался затеряться в орлиной стае. Напрасно! Орлы были начеку и угостили незвано-

го пришельца такими полновесными ударами когтей и крыльев, что фальшивый орёл мгновенно прикинулся ласточкой, которая замешалась в гущу проворных птичек.

Но те тоже не зевали и мигом распознали обманщицу.

Арахна не сдавалась. Среди мышиного полчища, густым ковром покрывавшего землю, появилась ещё одна, быть может, стотысячная по счёту мышь, но и её сразу обнаружили. Дикая кошка крепко схватила её когтями и промяукала задыхающимся от радости голосом:

— Она здесь! Я держу её, повелитель!

Не теряя ни секунды, Гуррикап опустился на колени среди отпрянувших в стороны мышей и быстро-быстро прочитал неотразимое заклинание.

И, о чудо! На земле во весь свой гигантский рост распростёрлась колдунья Арахна. Она заснула глубоким сном, которым ей отныне было суждено проспать пятьдесят веков!

Волшебник поблагодарил зверей и птиц за дружескую помощь, и те быстро рассеялись по лесам и полям. Гуррикап в задумчивости стоял над спящей феей, и вдруг до его слуха донёсся слабый голос. Присмотревшись, волшебник разглядел гнома, вскарабкавшегося на грудь чародейки. Седобородый Антreno обращался к Гуррикапу:

— Могучий повелитель! Ты усыпал нашу госпожу, и мы не смеем оспаривать твою волю: Арахна действительно делала много зла. Но она была добра к нам, и мы не хотим, чтобы шакалы и гиены растаскали по кусочкам её тело. Разреши нам отвезти его в пещеру и там караулить, пока не придёт назначенный ей срок пробуждения!

Гуррикап улыбнулся:

— Вы — добрые маленькие человечки, и я хвалю вас за вашу заботу. Делайте с вашей госпожой что хотите, у меня не было намерения убить её, я лишь постарался помешать ей творить зло.

Гуррикап отправился к себе в замок, а гномы под руководством Антreno принялись за работу. Несмотря на маленький рост, они были искусные мастера. Одни из них сколотили длинную колесницу, а другие привели в порядок каменное ложе, находившееся в дальнем, самом тёплом и укромном углу пещеры, и устлали его толстым слоем свежего мха.

Потом сотни гномов, как муравьи, облепили гигантское тело спящей повелительницы, с помощью блоков и рычагов взвалили его на колесницу, отвезли в пещеру и с превеликим трудом уложили на постель.

Гномы не знали, сколько времени суждено проспать Арахне, и потому устроили так, что всё готово было к её пробуждению в любой момент.

У изголовья стояла бочка с водой, которую часто сменяли, чтобы она не портилась. Через каждые три дня на вертелах зажаривалась пара быков: ведь повелительница проснётся голодной. Но так как мясо долго храниться не может, гномы съедали его сами и тотчас готовили замену. В печи всегда были свежие булки.

Словом, когда бы ни проснулась колдунья, она не могла бы пожаловаться на нерадивость своих слуг.

Но поколения гномов сменялись одни другими, а злая волшебница всё лежала в очарованном сне: Гуррикап не пускал заклинания на ветер.

Раз в сотню лет, когда синяя мантия Арахны истлевала, ста-рушки пряли пряжу, ткали материю, шили новую мантию, и гномы с трудом надевали её на бесчувственное тело чародейки.

А как следили неусыпные стражи за чистотой пещеры! Пол, потолок и стены обметались ежедневно, а раз в неделю мылись. Комары, мухи и пауки, пробравшиеся в помещение, уничтожались беспощадно, а мыши и крысы изгонялись с позором. Над головой спящей волшебницы было установлено опахало, и круглые сутки дежурный страж приводил его в движение, так что воздух вокруг Арахны никогда не застаивался. И не от этих ли забот преданных гномов длинная вереница веков бесследно пролетала над Арахной, а она лежала на мягкой постели такая же румяная и свежая, как в тот момент, когда усыпал её Гуррикап?

В продолжение столетий гномы забыли обстоятельства, при которых была усыплена фея, и им казалось, что она вечно спит в своей пещере чудесным сном и будет спать до конца мира. Но уход за ней превратился в религиозный обряд и соблюдался весьма строго. Малейшее отступление от него считалось грехом и беспощадно каралось старейшинами.

Время в тёмной пещере точно остановилось, но не стояло оно в большом мире за Кругосветными горами. Человечество от каменных орудий перешло к бронзовым, а потом к железным. Поплыли по морям парусные корабли. Отгремели греко-персидские войны. Сметая всё на своём пути, прошли по устрашённой Европе римские легионы. Началась и кончилась эпоха средневекового варварства. Колумб открыл Америку, а соратники Магеллана первыми из мореплавателей совершили кругосветное путешествие. Поднялись в небо воздушные шары, первый пароход забил по воде колёсами, первый неуклюжий паровоз потащил по стальным рельсам смешные коробочки-вагоны... А колдунья всё спала очарованным сном.

Что происходило в Волшебной стране? История и тут шагала своей медлительной поступью. Племена маленьких людей сменялись одни другими, возникали и распадались крохотные государства, гордо считавшие себя центром мира, королевские династии следовали одна за другой. И за всем этим бдительно наблюдали гномы, подданные спящей Арахны.

Невидимками шныряли они по стране, всё выглядывали, подслушивали, запоминали. И так как заботливый Гуррикап открыл народам Волшебной страны секрет изобретенной им письменности задолго до того, как он стал известен в большом мире, то гномы вели летопись. Разведчики, возвращаясь в родную пещеру, рассказывали очередному летописцу новости, а тот старательно записывал их на пергamentные свитки, которые маленький народец искусно выделял из телячьей кожи.

И такие пергamentные свитки копились и копились, они уже наполнили целый шкаф в пещере, составляя правдивую повесть о всех событиях, случившихся в Волшебной стране за тысячелетия очарованного сна Арахны.

Гномы относились к летописи, как к величайшей святыне, и после того, как законченный свиток ложился на полку, никто не осмеливался к нему прикоснуться. Так и лежали свитки бесполезной грудой десятки веков.

КОЛДУНЬЯ АРАХНА

ПРОБУЖДЕНИЕ

то был необыкновенный день в маленьком государстве гномов. С утра всё шло как всегда, но в полдень непривычный звук потряс пещеру. Он походил не то на могучий вздох, не то на гулкий порыв ветра, не то на рык огромного зверя. Воздух в пещере заколебался, и часть светильников погасла. С потолка пещеры посыпались камешки, а эхо непонятного звука вырвалось наружу и потревожило окрестность.

Гномы, находившиеся в долине, со всех ног бросились к пещере, а им навстречу спешила перепуганная стража. Все с удивлением спрашивали друг друга:

— Ты слышал?! Что это такое? Уж не наступает ли конец света?!

И только мудрый Кастальо, старейшина гномов и их летописец, догадался, что случилось. Он поднял палец и торжественно провозгласил:

— Это просыпается госпожа!

Кастальо был прав. Странный звук оказался зевком пробуждающейся волшебницы. За ним последовали другие, не менее мощные, они погасили все остальные светильники, переломали мебель — маленькие столики, стульчики и кроватки гномов, заселили зловеще затрещать стены пещеры...

И вот Аракна пришла в себя. Спящий человек не замечает течения времени, и колдунье показалось, что она какую-нибудь

минуту назад спасалась от звериной рати, которую натравил на неё могучий Гуррикап. Непонятно только было, куда девались звери и птицы, и почему она, Арахна, лежит у себя в пещере, на постели. Волшебница позвала:

— Эй, кто там? Идите сюда!

В пещеру робко вошли гномы, пробираясь среди обломков и освещая себе путь факелами. Шествие возглавлял Кастальо.

— Позовите Антreno! — приказала колдунья. — Пусть он объяснит, что здесь случилось.

— У нас нет такого человека, госпожа, — осмелился доложить Кастальо. — В нашем племени давным-давно никого не называли таким именем.

— Так значит, я очень долго спала? — недоверчиво спросила Арахна.

— На памяти людской ты почивала много веков, повелительница, — сказал старый гном. — Мы не знаем, когда и как ты заснула, и почему этот сон был таким долгим. Но мы всегда помнили свои обязанности и хорошо охраняли твой покой.

— Благодарю вас за верную службу, — небрежно молвила Арахна. — Я надеюсь, вы меня накормите: я зверски голодна.

Обеденным столом Арахны был высокий камень с плоской верхушкой, находившийся невдалеке от входа в пещеру; он сохранился с древних времён. Гномы поднимались на него по длинным лестницам, а чтобы доставлять туда очередные блюда, они приспособили остроумную систему блоков: всё это веками оберегали гномы.

Колдунья съела всё, что было в запасе, и потребовала добавки. Она уплела четырёх жареных быков и трёх баранов, семнадцать фазанов и шестьдесят четыре куропатки, закусила двумя десятками булок и выпила полную бочку воды. Потом, поглаживая живот, разнеженно сказала:

— После такого обеда не мешало бы вздремнуть.

Но волшебница тут же сообразила, что и так проспала слишком долго, и решила заняться делами.

— Всё-таки надо разузнать, — пробурчала она, — сколько времени продолжался сон, который навеял на меня Гуррикап.

Она расспросила Кастальо о великом волшебнике. Колдунья испытала злое удовлетворение, узнав, что в течение многих поколений никто в этих краях слыхом не слыхивал о чародее с таким именем.

— Что, просчитался, голубчик, — ядовито усмехнулась Арахна, — тебя давно на свете нет, а я живу, и теперь никто не помешает мне распоряжаться в этой стране, как я хочу.

Кастальо рассказал волшебнице, что в шкафу хранится множество рукописей — летопись Волшебной страны. Прежде чем

приступить к решительным действиям против обитателей этого затерянного мирка, Арахна надумала познакомиться с его историей. Вдруг за протекшие века здесь вновь появился какой-нибудь могучий чародей, которого нужно остерегаться.

ЛЕТОПИСЬ ГНОМОВ

Арахна принялась за чтение. Пергаментные свитки лежали под номерами, и нетрудно было разобраться, с чего начинать. Грамоту волшебница знала плохо, и дело у неё подвигалось медленно.

Повествование о древних временах Арахна просматривала невнимательно. Только рассказ летописца о том, как её, Арахну, усыпал Гуррикап, она изучила с большим старанием. Она узнала, что добрый волшебник разрешил гномам перетащить её бесчувственное тело в пещеру и ухаживать за ним, чтобы сохранить на долгие века. Когда она прочитала, с какими предосторожностями подданные охраняли её от губительного влияния времени, даже в её жестокой душе шевельнулось что-то вроде благодарности.

— Надо вознаградить гномов,— сказала сама себе колдунья.— Я разрешу им бить в моих лесах столько дичи и ловить в моих реках столько рыбы, сколько они хотят...

Историю древних королевств и империй Арахна пропускала не читая.

— Королевство Феóма... Империя Балланагáр... Могучий за воеватель Агранáт... Кому какое дело до этих призраков, давно ушедших в мир теней?

Она начала интересоваться летописью лишь с того момента, когда нашла рассказ о королевиче Бофáро, жившем тысячу лет назад в Западной стране. Бофаро задумал свергнуть с престола своего отца, так как тот, по мнению сына, слишком долго царствовал¹.

Сыновня неблагодарность не удивила злую женщину. Ведь и она обокрала свою мать, стащив у неё все принадлежности колдовского ремесла. Мало того: она увела её подданных гномов из Большого мира в Волшебную страну, оставив беспомощную старуху одиноко доживать век.

Арахна с интересом читала, как Бофаро и его сторонники, изгнанные на вечное поселение в мрачную Подземную страну,

¹ См. сказку «Семь подземных королей».

устраивались там на житьё. Они стали добывать металлы, и за это их прозвали подземными рудокопами. Волшебница с любопытством прочитала, как первый король Пещеры Бофаро, будучи не в силах выбрать кого-либо из семи сыновей, назначил их всех наследниками престола, и они стали царствовать поочерёдно, каждый по месяцу. Когда летописец рассказал, какая неразбериха и путаница из этого получилась, колдунья пришла в восхищение.

Семь королей! И у каждого своя свита придворных, своё

войско, свои законы, устанавливаемые только на месяц, свои налоги, собираемые с народа...

Арахна хохотала так громко, что свод пещеры чуть не обрушился на неё, и колдунье пришлось поспешно выскочить на улицу. А гномы, вскарабкавшись на лестницы, принялись цементировать потолок.

— Ай да Бофаро, ай да молодец! — в восторге орала чародейка. — Весёлую жизнь устроил своим подданным, нечего сказать!

Колдунья утихомирилась, когда вычитала в летописи, что после нескольких столетий трудной жизни в лабиринте, окружавшем пещеру, был случайно найден источник Усыпительной воды. Выпив этой воды, человек надолго засыпал и просыпался неприспособленным к жизни, как новорождённый младенец. Его всему приходилось учить заново. Правда, обучение отнимало всего лишь несколько дней.

Мудрый Хранитель времени Беллино придумал усыплять жадные оравы придворных, солдат и шпионов, а заодно и самих королей с семьями на то время, когда они не царствовали. Жизнь королей превратилась в сплошной праздник, прерываемый шестимесячными периодами очарованного сна, пролетавшими, как одна минута.

Перебирая свитки, колдунья отбрасывала их, не находя в них ничего интересного. Но вот одно давнее событие приковало к себе её внимание. За Кругосветными горами, за Великой пустыней в разных концах громадного материка жили две добрые и две злые волшебницы. Добрых волшебниц звали Виллина и Стёлла, а злых Гингёма и Бастинда. Людские поселения всё ближе придвигались к убежищам волшебниц, они посмотрели в свои магические книги, и всем им по душе пришла Волшебная страна.

Четыре феи пустились в путь в одно и то же время и неприятно удивились, столкнувшись в новом месте жительства лицом к лицу. Они немножко повздорили, но воевать не решились и поделили Волшебную страну.

— Попробовали бы эти балаболки заняться делёжкой при мне! — сердито воскликнула Арахна. — Они бы у меня света не взвидели!

Подданные добрых волшебниц продолжали вести счастливую мирную жизнь, зато горькая доля выпала Жевунам, подвластным Гингеме, и Мигунам, которыми стала править Бастинда.

ДЕЛА НЕДАВНИХ ДНЕЙ

Е

щё протекли медленные века. Арахна спала очарованным сном, четыре волшебницы худо ли, хорошо ли правили своими народами. Но вот лет за сорок до пробуждения колдуны произошло удивительное событие. Однажды во время урагана в центре Волшебной страны из-под облаков спустился огромный шар: под шаром болталась корзина, и из неё на землю спрыгнул человек в пёстром костюме и странной шапке на голове. Удивительный пришелец назвался Гудвином, и обитатели тех мест приняли его за Великого Волшебника: ведь он сизошел с неба и, по его словам, был близким другом Солнца¹.

— Здравствуйте, ещё один чародей появился,— проворчала недовольная фея, читая летопись.— Лезут сюда, как мухи на мёд.

Арахна совершенно забыла, что и сама явилась в Волшебную страну незваная-непрошена.

Гудвин сделался повелителем Центральной страны. Под его руководством был построен прекрасный город, названный Изумрудным: он весь сверкал изумрудами, вделанными в городские стены, в кровли домов и даже в щели мостовых. Гудвин стал именовать себя Великим и Ужасным Волшебником Изумрудного города.

Чтение захватывало колдуны всё больше, она просиживала над летописью целыми днями и даже забывала вовремя пообедать, что при её аппетите было удивительно.

Новые необычайные события произошли в Волшебной стране. Ураган, накликанный колдуньей Гингемой, принёс из-за гор домик-фургон, в котором находились девочка Элли и её пёсик Тотошка. Домик обрушился на злую Гингему и раздавил её. Пёсик нашёл в пещере Гингемы волшебные серебряные башмачки и отдал их своей маленькой хозяйке.

На место происшествия явилась добрая фея Виллина. Она сказала, что если Элли добьётся исполнения заветных желаний трёх существ, то Великий Гудвин вернёт её на родину, в Канзас. И Элли, надев серебряные башмачки, храбро зашагала в Изумрудный город по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом. Её сопровождал весёлый Тотошка.

Элли недолго пришлось дожидаться встречи с тремя существами, имевшими заветные желания. В пшеничном поле она сняла с кола соломенное чучело по прозванию Страшила. Страшила объявил, что у него есть заветное желание получить мозги.

¹ См. сказку «Волшебник Изумрудного города».

Далее новые друзья увидели в лесу Железного Дровосека: он стоял там целый год и ржал от дождей и непогоды. Когда его смазали и он смог заговорить, Дровосек признался, что самое его заветное желание получить любящее сердце.

Третьим существом с заветным желанием оказался Трусливый Лев. Он был так робок, что боялся даже мелких зверушек и больше всего на свете хотел получить смелость.

Эта странная компания, преодолев по дороге множество препятствий, добралась до Изумрудного города и рассказала Гудвину свои желания. Великий и Ужасный объявил просителям, что их желания будут исполнены лишь в том случае, если они победят коварную Бастинду и лишат её волшебной силы.

Это была трудная задача, и всё же они справились с ней. Бастинде суждена была смерть от воды, она пятьсот лет не умывалась и не чистила зубов. А Элли во время ссоры облила её ведром воды, и колдунья растаяла, как кусок сахара в стакане чая.

Когда Элли и её смешные и милые друзья вернулись с победой и потребовали у Гудвина исполнения их желаний, Великий и Ужасный признался, что никакой он не волшебник, а просто обманщик, морочивший людям голову. Он скрывался в своём дворце от настоящих волшебниц, потому что ужасно их боялся.

— Я с самого начала предполагала тут что-то неладное,— самодовольно заметила Арахна.— Этот самозваный друг Солнца сразу показался мне подозрительным. Тем лучше, одним врачом меньше.

Впрочем, хотя Гудвин и был фальшивым волшебником, у него нашлось достаточно сообразительности, чтобы дать Страшиле умные мозги из отрубей, смешанных с иголками и булавками. Дровосеку Гудвин подвесил в грудную клетку тряпичное сердце, набитое опилками. А Льву дал выпить смелость из золотого блюда, где она шипела и пенилась. Три друга стали горды и счастливы, их заветные желания исполнились.

Гудвину надоело прятаться от людей, и он вернулся в Канзас на том самом шаре, на котором прилетел в Волшебную страну. Вместо себя он назначил правителем Изумрудного города Страшилу Мудрого. Железный Дровосек возвратился к Мигунам и стал правителем Фиолетовой страны. А Смелого Льва избрали своим царём звери.

— Смотри-ка ты, как оно любопытно получилось! — удивилась Арахна, узнав, чем кончились приключения друзей Элли.— Все стали знатными особами, правителями и царями. Ну, а девчонка? Что стало с девчонкой?

Читая далее свиток, колдунья узнала, что Элли вернулась

домой: её перенесли в Канзас волшебные башмачки Гингемы.

Подозвав Кастьяль — он и был последним летописцем,— Арахна строго спросила:

— Послушай ты, малыш, всё, что тут написано про Элли и её приятелей, правда или выдумка? Уж очень всё это похоже на сказку!

— Всё это чистая правда, госпожа, клянусь жизнью моих

внуков! — заверил летописец.— Да это что, читайте дальше, там вы найдёте ещё более удивительные вещи.

Арахна, съев трёх быков и парочку баранов, с новым интересом взялась за летопись. Из последующего свитка она узнала, что колдунье Гингеме до её гибели прислуживал злой и завистливый столяр Урфін Джюс. Когда Гингему раздавил домик Элли, Урфин ушёл в лес и жил там одиноко, никого не любя и никем не любимый¹.

Однажды буря принесла в его огород семена удивительного растения, обладавшего необычайной жизненной силой. Они проросли у него на грядках, и когда Урфин выдергал их, измельчил и высушил на железных противнях, то получился живительный порошок.

Урфин сделал армию мощных деревянных солдат и назвал их дуболомами. Оживив дуболомов, Джюс с их помощью сделался повелителем Жевунов и Мигунов и королём Изумрудной страны.

Попав в плен к Урфину, Страшила и Железный Дровосек не захотели признать власть захватчика. Они ухитрились написать послание к Элли, и ворона Кагги-Карр, совершив долгий путь в Канзас, разыскала девочку.

Когда Элли узнала, что её друзья в беде, она отправилась к ним на выручку, но не одна. Её сопровождал дядя, одногоний моряк Чарли Блек, мастер на все руки. Моряк и девочка пересекли Великую пустыню на сухопутном корабле на колёсах.

Они перешли Кругосветные горы и оказались в Волшебной стране.

Борьба с Урфином и его деревянными солдатами была долгой и трудной, но закончилась победой Элли и её друзей. Урфина Джюса присудили к изгнанию, а дуболомам по предложению Страшилы вместо свирепых рож вырезали весёлые улыбающиеся физиономии, и деревянные люди превратились в услужливых трудолюбивых работников.

Покончив с владычеством Урфина, Элли и её дядя вернулись на родину.

Узнав о бесславном конце блестящей карьеры Урфина Джюса, Арахна пожалела столяра: его злой и завистливый нрав пришёлся колдунье по душе.

— Надо взять на заметку этого предпримчивого человечка,— сказала колдунья.

Арахну заинтересовала и судьба Руфа Билана, главного государственного распорядителя при короле Урфине Первом. На эту высокую должность Урфин назначил Руфа Билана за измену:

¹ См. сказку «Урфин Джюс и его деревянные солдаты».

тот предал родной город и тайком открыл врагам городские ворота. Когда власть Урфина пала, Руф Билан не стал дожидаться кары за свои преступления и сбежал в Подземелье. Спасаясь от преследователей, Руф Билан заблудился в лабиринте и попал к источнику Усыпительной воды. Случайно найденной киркой изменник стал прорубать проход сквозь каменную стенку, окружавшую бассейн, прервал течение водяной струи, и вода ушла в землю¹. За этот тяжкий проступок царствовавший в то время король разжаловал бывшего министра в лакея, а в Подземной стране исчезновение Усыпительной воды нарушило порядок, существовавший там в течение столетий. Короли, которые кончали царствовать и должны были уснуть на полгода, теперь слонялись по дворцу со своими семьями в каком-то оцепенении. Не засыпали придворные, лакеи, солдаты, шпионы...

Всю эту прожорливую ораву приходилось кормить трудовому люду, а продуктов на всех не хватало, в стране наступил голод. И тут неожиданно в Подземной стране появилась Элли. Прочитав об этом, Арахна фыркнула от удовольствия.

— Ну и девчонка — хват! По всему видать — фея! Чую, придётся мне с ней воевать, станет она на моё пути!..

Элли и её троюродный брат Фред Каннинг приплыли в Пещеру семи королей в лодке по подземной реке. Руф Билан налгдал, что Элли может восстановить источник Усыпительной воды, исчезновение которого причинило тяжкие беды Подземной стране. Короли объявили, что Элли и её брат останутся в плену до тех пор, пока Священный источник не начнёт действовать.

Пришлось посыпать гонца за Страшилой, Дровосеком, Львом и другими друзьями Элли. Искусный механик Лестар привёл с собой бригаду дуболовов, а те принесли насосы, буравы и прочий необходимый инструмент.

Мастера пробурили глубокую скважину, спустили в неё трубы и добрались до ушедших в землю водоносных слоёв. Когда снова забил фонтан Усыпительной воды, королям было объявлено, что это совершилось по волшебству Элли.

— Да так, наверно, оно и было,— пробурчала недоверчивая Арахна.

Когда в Подземной стране вновь появилась Усыпительная вода, мудрый Страшила придумал ловкий трюк. Всех семерых королей усыпили сразу, ни одного не оставили царствовать. А когда они проснулись, невинные, как новорождённые младенцы, им внушили, что один из них раньше был ткачом, другой — кузнецом, третий — хлебопашцем... И они повели скромную трудовую жизнь.

¹ См. сказку «Семь подземных королей».

Так было покончено с владычеством семи королей, и страна стала свободной. Подземные рудокопы переселились наверх, под благодатное солнце Волшебной страны. Они построили деревни по соседству с Жевунами и занялись земледелием и скотоводством.

Дочитав до этого места, Аракна язвительно усмехнулась:
— Свободными стали голубочки, да? Ну, ничего, вот я до вас доберусь, ещё пожалеете о своих семи королях!

В последние дни пребывания у рудокопов Элли повидалась с Раминой, королевой полевых мышей. И королева предсказала девочке, что та больше не вернётся в Волшебную страну, Страшила и остальные друзья Элли очень огорчились, узнав об этом предсказании, и обещали навсегда сохранить благородную память о маленькой девочке из большого мира, сделавшей так много добра для народов Волшебной страны.

Элли и Фреда усадили в беседку, укреплённую на спине ручного дракона Ойххо, и тот отнёс их на родину, в Канзас.

Колдунья спросила летописца:

— Скажи мне, Кастальо, Рамина была права, и Элли действительно не вернулась в Волшебную страну?

— Читайте дальше, госпожа, — уклончиво ответил гном. — Читайте и всё узнаете.

ОГНЕННЫЙ БОГ МАРРАНОВ

Арахна вновь принялась за чтение. Летопись возвратилась к Урфину Джюсу и начала рассказывать, как он проводил скучные годы в своём уединённом доме, в стране Жевунов¹.

Десять лет копался Урфин в своём огороде, и вдруг судьба его круто изменилась. Близ его жилища упал гигантский орёл Карфакс, раненный в битве с другими орлами. Бывший король вылечил Карфакса, и между ними завязалась дружба. Хитрый Урфин уверил благородную птицу, что у него в мыслях только одно: осчастливить других людей. Хорошо бы ему сделаться королём отсталого народа, живущего в нужде и невежестве. Этот народ под правлением Урфина заживёт на славу.

Самым тёмным народом в Волшебной стране были Прыгуны, населявшие уединённую долину среди гор. Прыгуны, называвшие себя Марранами, настолько отстали от других племён, что даже не знали употребления огня. Этим и воспользовался ловкий Джюс. Он прилетел в страну Марранов ночью, на спине гигантского орла, в пурпурном одеянии, с горящим факелом в руке. Джюс объявил себя огненным богом, спустившимся с неба, и легковерные Марраны подчинились его владычеству.

Урфин начал с того, что привлёк на свою сторону князя и старейшин. Вместо шалашей, в которых они жили, для них были построены тёплые уютные дома. Джюс научил знатных Марра-

¹ См. сказку «Огненный бог Марранов».

нов готовить на огне вкусные блюда, приучил их к роскоши и пирам, и они стояли за Урфина горой: он принёс им лёгкую привольную жизнь за счёт простых людей.

Простонародье готово было взбунтоваться, но Урфин ловко направил их гнев на соседние племена.

— Ваше счастье не здесь! — сказал Марранам Урфин.— Из вашей скучной неплодородной земли я поведу вас на завоевание богатых равнин с фруктовыми рощами, со стадами жирных овец. Мы захватим удобные жилища Мигунов и Жевунов, завладеем богатствами Изумрудного города.

Воинственные Марраны с восторгом отозвались на призыв Урфина. Собралась сильная армия. Джюс взял в плен Железного Дровосека, покорил Мигунов и повёл солдат на Изумрудную страну. К тому времени Изумрудный город превратился в остров, дуболомы под руководством Страшилы окружили его широким каналом.

Солдаты Урфина навели мост через канал, городские укрепления пали под натиском врага. Страшила, Длиннобородый Солдат Дин Гибр и Страж Ворот Фарамант снова оказались в плена у дерзкого захватчика. И опять на помощь к ним пришли девочка и мальчик из большого мира.

Дочитав до этого места, Арахна торжествующе воскликнула:

— Ага, я так и знала, что Рамина ошиблась! Все-таки Элли снова появилась в Волшебной стране.

Но вскоре колдунья приумолкла. Девочка оказалась младшей сестрой Элли, и звали её Энни. Энни была на десять лет моложе сестры. Наслушавшись рассказов Элли об её чудесных приключениях, Энни и её друг Тим О'Келли стали мечтать о путешествии в Волшебную страну, и их мечты сбылись. Они пересекли Великую пустынью и Кругосветные горы на удивительных животных, называемых мулами. Что это были за животные, гномы толком не разузнали, но им стало известно, что мулы питаются солнечным светом. Энни и Тим побывали в лисьем государстве, оказали важную услугу лисьему королю Тонконюху XVI, и тот в благодарность подарил девочке серебряный обруч, делающий невидимкой каждого, кто его надевал.

Этот магический обруч да ещё волшебный всевидящий ящик, полученный Страшилой в подарок от добной феи Стеллы, очень помогли Энни и Тиму в их борьбе с коварным Урфином. Освободив из заточения Дровосека и остальных пленников, Энни и Тим перебрались вместе с ними в Фиолетовую страну, которая уже свергла владычество Марранов.

Урфин повёл своё войско в поход против Энни и её друзей. Случилось так, что, когда армия Урфина подходила к Фиолетовому дворцу, у Мигунов две команды проводили заключительный

матч на первенство страны по волейболу. (Играть в волейбол Мигунов научил Тим О'Келли.) Марраны шли на врагов в самом воинственном настроении. Они горели жаждой мести: Джюс выдумал, что их родные и друзья, оставленные в Фиолетовой стране для поддержания порядка, перебиты Мигунами, а трупы изрезаны на куски и скормлены свиньям.

И вот Марраны, спешившие на смертный бой, заметили среди игроков и болельщиков своих друзей и братьев, тех самых, которые, по словам Урфина, были зверски убиты. Эти «убитые» смеялись, шутили с Мигунами и весело перекидывали мяч.

Марраны поняли, что их одурачили, что Огненный бог — обманщик, который натравливал народы друг на друга с единственной целью — господствовать над ними. Власть Урфина пала в одно мгновение, и низверженный бог бежал с позором. Его честолюбивые надежды снова рухнули.

— Эх, как же не везло бедняге, — сочувственно вздохнула Арахна. — Планы у него были большие, да вот уменья не хватило...

Дальше колдунья прочитала, как воины обеих армий побрались и принялись играть в волейбол, составив смешанные команды. А Тим и Энни на своих солнечных мулах отправились на родину.

Случилось это около года назад.

ИСКУШЕНИЯ УРФИНА ДЖЮСА

Чтение обширного рассказа о событиях последних десятилетий в Волшебной стране отняло у Арахны несколько недель. И после этого её обуяла страстная жажда действия. Она горько жалела, что спала в то время, когда здесь совершались такие удивительные дела.

— Эх, если бы я не дрыхнула, как самая распоследняя дура, я бы показала всем этим правителям, — вздыхала колдунья. — Они бы у меня узнали, кто такая Арахна!

Честолюбивой волшебнице мерещилась пурпурная императорская мантия или, на худой конец, королевская корона. Она воображала себя повелительницей Волшебной страны и в мыслях отдавала приказы не только своим покорным наместникам Страшиле и Железному Дровосеку, но и этим заносчивым феям Виллине и Стелле.

Несколько послушных гномов во главе со старейшиной Кастальо отправились разыскивать Урфина Джюса с целью привести его в пещеру Арахны. Удалось ли им исполнить это пору-

чение и согласился ли бывший король пойти на службу к злой колдунье?

Чтобы это узнать, вернёмся на год назад и посмотрим, как перенёс низвергнутый властитель своё новое падение.

Ни Марраны, ни Мигуны не хотели смерти обманщика, они просто прогнали бывшего Огненного бога со свистом, с криком, с насмешками. Верный Топотун покинул своего повелителя, преданный Урфину деревянный клоун Эот Линг затерялся в суматохе, и с Джюсом остался только филин Гуамбко.

Сидя на плече Урфина, филин шептал ему на ухо:

— Ничего, не падай духом. Держись!.. Ещё придёт наше время, мы им покажем, этим насмешникам...

Урфин понимал, что это пустые слова, что они говорятся только для его ободрения, но был благодарен филину за его утешительные речи.

Невыносимый стыд жёг душу Урфина. Он вспоминал прошлое. Всего несколько месяцев назад, при необычной обстановке, в мантии огненного цвета, с горящим факелом в руке, появился он перед Прыгунами на спине гигантского орла, и эти простаки легко признали его божеством, отдали в его руки свою судьбу.

И что же он совершил для них хорошего? Он сделал богатых ещё богаче, бедных беднее, он вселил в их сердца жадность к чужому добру, повёл воевать с соседями. И вот какой бедой всё это для него кончилось...

Что было ему делать? Ни одного человека в Волшебной стране не мог Урфин назвать своим другом, нигде не было у него пристанища. Даже свой скромный домик близ деревеньки Когиды он сжёг, когда на спине Карфакса отправился к Марранам. Теперь он шёл навстречу неизвестности с пустыми руками, с пустыми карманами. Всё его имущество осталось у Прыгунов в армейском обозе: постель, тёплая одежда, оружие, инструменты...

Вернуться и просить? Великодушные Марраны, конечно, отдаут его вещи, но слышать их насмешки или, ещё того хуже, сожаления?.. Нет, этого он не перенесёт! И Урфин, мрачно стиснув зубы, нахмурившись, быстро зашагал прочь от Фиолетового дворца.

«Никто ещё не умирал от голода в Волшебной стране, — думал Джюс. — На деревьях достаточно плодов, а сучьев для шалаша, чтобы ночевать в лесу, я и руками наломаю...»

Немного успокоившись, Урфин вспомнил, что в бывшей его усадьбе, в стране Жевунов, на дворе есть погреб, а в погребе хранится запасной набор столярных инструментов: топор, пилы, рубанки, долота и свёрла. Если дом сгорел, то погреб, конечно, цел, а значит, цели и инструменты. Честные Жевуны ничего не тронули, он в этом был уверен.

«Что ж,— с кривой усмешкой подумал Урфин,— дважды в жизни я был столяром, дважды королём. Придётся в третий, теперь уж последний раз...»

Своими намерениями Джюс поделился с филином, единственным своим советчиком, и Гуамоко эти намерения одобрил.

— Нам не остаётся ничего другого, повелитель,— молвил филин.— Вернёмся на твою усадьбу, построим дом и будем жить, пока опять что-нибудь не подвернётся.

— Ах, Гуамоко, Гуамоко,— вздохнул Урфин,— напрасно ты teшишь меня пустыми надеждами. Я уже не молод, и ждать десять лет нового чуда у меня не хватит сил. И, пожалуйста, не зови меня повелителем. Какой я теперь повелитель, кем повелеваю? Называй меня просто хозяином!

— Слушаю, хозяин,— покорно отозвался Гуамоко.

И Урфин решительно зашагал на запад.

Трудным оказался путь Урфина Джюса в Голубую страну. Путник ночевал в лесу, зарываясь от ночной прохлады в сухие листья или строя немудрёный шалаш. Разводить костры он не мог: его знаменитая зажигалка тоже осталась в обозе у Марранов. Питался он фруктами и пшеничными колосьями, сорванными в поле. Филин не раз приносил ему пойманных куропаток,

но Урфин не мог есть их сырыми и со вздохом возвращал Гуамоко.

Странник сильно отощал, его смуглые щёки ввалились, большой нос, казалось, сделался ещё больше и торчал, как башня, над впалым ртом. Лицо Урфина обросло клочковатой щетинистой бородой, а побриться было нечем.

Неотвязные мысли о прошлом всё время лезли в голову Урфина. Был ли он счастлив, когда повелевал Волшебной страной?

«Нет, не был,— признавался сам себе бывший король.— Я захватывал власть силой, лишал людей свободы, и меня все ненавидели. Даже мои придворные, которым я дал высокие должности, и то только притворялись, что любят меня. Льстецы и подхалимы восхваляли меня во время пиров, но лишь для того, чтобы получить от меня орден или иную милость. Я разорил Изумрудный город, снял с домов и башен драгоценные камни, и в меня летели кирпичи, когда я ходил по улицам. Так зачем же я стремился к власти? Зачем?..»

И Урфин не находил на этот вопрос ответа.

Через Большую реку Урфин переправился на кое-как связанным плотике, и тут, совсем некстати, пришло к нему воспоминание, как его деревянная армия очутилась в воде во время похода на Изумрудный город.

«Лучше бы река унесла её совсем... Проклятый живительный порошок! Зачем он попал мне в руки? Ведь с него всё и началось...»

Легче стало Урфину, когда он наконец добрался до дороги, вымощенной жёлтым кирпичом. Она приветливо светлела перед ним, точно приглашая идти всё вперёд и вперёд. Приближались родные места, и даже воздух здесь казался Джюсу более свежим и ароматным, чем на чужбине. Да и мягкосердечные Жевуны, встречавшиеся на дороге, относились к бывшему королю совсем неплохо.

Маленькие люди, одетые в голубое, в голубых остроконечных шляпах с колокольчиками, не раз приглашали усталого путника в свои голубые домики за голубыми изгородями. На столике, покрытом голубой скатертью, в голубых тарелках появлялись вкусные кушанья, и улыбающаяся хозяйка усердно угождала изголодавшегося гостя. А два-три раза Урфин даже переночевал в уютных голубых домиках...

И суровая душа Урфина Джюса начала понемногу оттаивать.

«Как же это так?! — с поздним раскаянием думал он.— Я столько зла причинил этим добрым людям, я мечтал лишь о том, чтобы властвовать над ними, угнетать их, а они забыли всё плохое, что я им сделал, и так приветливо обращаются со мной... Да, видно, не так я прожил свою жизнь, как надо было...»

Но с хитрым коварным филином Джюс не решался делиться

этими новыми мыслями и чувствами, он понимал, что злая птица не одобрит их.

И вот в один прекрасный полдень странник оказался на родном пепелище. От дома остались только размытые дождями угли, но Урфин с радостью увидел, что погреб цел и замок на его двери никем не тронут. А когда Джюс выдернул кольцо и открыл дверь, он убедился, что и весь его богатый набор инструментов цел. По заросшей щеке Урфина пробежала слеза...

— Жевуны, Жевуны,— прошептал он со вздохом.— Только теперь я начинаю понимать, какие вы хорошие люди... И как я перед вами виноват!

Ещё в пути Урфин решил избрать себе новое место жительства где-нибудь подальше от Когиды и поближе к Кругосветным горам.

«Пусть люди забудут о моих злодеяниях,— думал бывший повелитель Волшебной страны.— Это случится скорее, если я не буду торчать у них на глазах, а уберусь куда-нибудь подальше...»

Прежде чем покинуть родную усадьбу, Урфин вздумал пройтись по всем её уголкам, попрощаться с грядками, которые он так долго и заботливо возделывал.

Пройдя на пустырь, отделённый от огорода забором, Урфин ахнул и схватился за сердце. В дальнем углу поднималась поросль ярко-зелёных растений с продолговатыми мясистыми листьями, с колючими стеблями.

— Они!! — глухо воскликнул Урфин.

Да, это были они, те самые удивительные растения, из кото-

рых он много лет назад получил живительный порошок. Проснулись ли от долгого оцепенения их семена, попавшие глубоко в землю? Нет, их скорее всего опять принёс ветер. Урфин вспомнил, что два дня назад случилась сильная буря с дождём и градом, от которой ему пришлось укрыться в лесной чаще под развесистым деревом.

— Да, конечно, это опять проделка урагана, — сказал Урфин, а филин Гуамоко радостно заухал.

Великое искушение охватило Урфина Джюса. Вот оно, то самое чудо, о котором говорил Гуамоко по дороге на родину. И его не придётся ждать десять лет, оно здесь, перед глазами. Урфин протянул руку к одному из стеблей и отдернул, уколовшись об острый шип.

Итак, у него появилась возможность начать всё снова. И теперь, когда у него уже большой опыт, он не повторит прежних ошибок. Он может наготовить пятьсот... нет, тысячу сильных, послушных дуболовов. Да и не только дуболовов: можно сделать неуязвимых летающих чудовищ, деревянных драконов! Они будут быстро носиться по воздуху и обрушиваться на голову испуганным людям нежданной грозой! Все эти мысли мгновенно пронеслись в уме Урфина. Он весело взглянул на филина.

— Ну, что скажешь, Гуамоко, об этом новом подарке судьбы?

— Что скажу, повелитель? Готовь побольше живительного порошка — и за дело! Мы им теперь покажем, этим насмешникам!

Но долгие размышления во время пути на родину не прошли для Урфина даром. Что-то изменилось в его душе. И вновь открывшаяся перед ним блестящая перспектива его не увлекла. Он присел на пенёк и долго думал, внимательно рассматривая каплю крови, расплывшуюся на пальце после укола шипом.

— Кровь... — шептал он. — Опять кровь, людские слёзы, страдания. Нет, надо покончить с этим раз и навсегда!

Он принёс из погреба лопату и выкопал все растения с корнем.

— Знаю я вас, — бормотал он сердито. — Оставь вас тут, вы заполоните всю округу, а потом кто-нибудь догадается о вашей волшебной силе и наделает глупостей. Довольно и одного раза!..

Филин пришёл в отчаяние от этого неожиданного решения хозяина и долго умолял его не отказываться от счастья, снова выпавшего ему на долю.

— Ну, хоть горсточку порошка наготовь на всякий случай, — гудел он сердито. — Мало ли что может случиться?

Урфин отверг и эту просьбу. Сушить растения на противнях было долго, и Джюс сжёг их на костре. Когда от чудесных стеблей осталась одна зола, Урфин закопал её глубоко в землю. Потом сделал тачку, погрузил на неё имущество, сохранившееся в погре-

бе, и двинулся в путь. Рассерженный Гуамоко остался на усадьбе.

Но часа через два Урфин услышал хлопанье крыльев: филин догнал его.

— Знаешь, хозяин,— смущённо признался Гуамоко,— ты, пожалуй, прав! Ничего хорошего не принёс нам живительный порошок, и ты верно сделал, когда отказался начинать снова всю эту историю.

Гуамоко, конечно, хитрил: не мог он так легко и быстро перестроиться на хороший лад. Просто за свою долгую жизнь он привык жить с людьми, и ему скучно пришлось бы в лесу одному. Урфин это прекрасно понимал, но всё равно был доволен: ведь и ему трудно было бы проводить время в одиночестве.

Несколько дней человек и филин держали путь к горам. И когда до них оставалось уже недалеко, Урфину попалась очаровательная поляна, через которую протекала прозрачная речка, а по берегам её росли деревья с ветвями, усеянными плодами.

— Вот хорошее место для жилья,— сказал Урфин, и филин с ним согласился.

Здесь Урфин Джюс построил себе хижину и развёл огород.

В трудах и заботах проходили его дни, и тяжёлые воспоминания о прошлом начали стираться из памяти изгнанника.

И здесь год спустя нашли Урфина Джюса посланцы Арахны. Нелёгкое это получилось дело. Гномы были крошечные, ножки у них коротенькие, и как они ни спешили, не могли пройти в день больше двух-трёх миль. Да и разыскать новое жилище Урфина оказалось не просто. Сначала Касталью и его спутники пришли в Голубую страну, и там Жевуны рассказали им, что Джюс покинул родные места.

Пришлось расспрашивать птиц и зверей, и вот после долгого и утомительного пути, отнявшего целый месяц, обрадованные гномы добрались наконец до прекрасной поляны, где стояла новая хижина Урфина.

Джюс очень удивился, увидев у своих ног маленьких человечков с седыми бородами. Он сорок лет прожил в Волшебной стране, но никогда не слыхал о существовании гномов. Впрочем, он знал, что чудеса Волшебной страны неисчерпаемы, поэтому вежливо приветствовал нежданных посетителей и осведомился, какое у них к нему дело.

Касталью только открыл рот, чтобы заговорить, но вдруг в изнеможении опустился на землю. То же случилось и с другими гномами.

Урфин Джюс хлопнул себя по лбу.

— Эх, я глупец! Вы устали, вы голодны, а я сразу завёл разговор о делах. Прошу меня простить, живя в уединении, я совсем одичал...

После обильного угощения и отдыха Касталью поведал Урфину о цели своего прихода. Он рассказал о том, кто такая Арахна и за что усыпал её в незапамятные времена могучий волшебник Гуррикап. Он не скрыл и того, что колдунья намерена стать повелительницей Волшебной страны и рассчитывает на помощь Урфина Джюса, которому дважды удалось завоёвывать Изумрудный город. Посылая гномов к Урфину, Арахна намекнула, что щедро вознаградит своих помощников, сделает их правителями и наместниками покорённых стран.

Урфин Джюс долго молчал. Судьба опять ввела его в большое искушение. Достаточно пойти на службу к злой волшебнице, и он снова станет повелителем Изумрудного города или страны Марранов и с лихвой расплатится за унижения, которым его подвергли. Но вот вопрос — стоит ли? Опять он придёт к власти силой, и опять угнетённый народ станет его ненавидеть...

Год, прожитый в одиночестве, когда так много было передумано, не прошёл даром. Урфин поднял голову и, взглянув в глаза Касталью, твёрдо сказал:

— Нет! Я не пойду на службу к вашей госпоже!

Кастальо не удивился, услышав такой ответ, но попросил:

— Почтенный Урфин, ты, может быть, сам скажешь это нашей повелительнице?

— А зачем это? — поинтересовался Джюс. — Разве вы не сумеете передать ей мои слова?

— Видите ли, в чём вопрос, — объяснил гном. — Госпожа сказала нам, что, если мы не приведём тебя к ней, значит, мы плохие, нерадивые слуги. И за невыполнение её поручения она лишит нас на целый месяц права бить дичь в лесах и ловить рыбу в её ручьях. Ну что же, подтянем потуже пояса и как-нибудь перебьёмся со своими запасами.

Урфин усмехнулся:

— А разве вы не можете ловить рыбу и добывать дичь тайком от своей госпожи? Вы такие маленькие и проворные, она вас не выследит.

Глаза Кастальо и других гномов расширились от ужаса.

— Воровать дичь и рыбу?! — воскликнул Кастальо дрожащим голосом. — Почтенный Урфин, ты не знаешь племени гномов! Оно существует тысячи лет, но никогда ни один из нас не нарушил данного слова, никогда никого не обманул. Мы скорее умрём от голода.

Растянутый Урфин подхватил Кастальо в свои крепкие объятия, осторожно прижал старика к груди.

— Милые маленькие человечки! — любовно сказал он. — Чтобы не накликать на вас беду, я отправляюсь с вами и сам объяснюсь с Арахной. Надеюсь, она не покарает вас за мой отказ стать её помощником?

— За твоё поведение мы не ответчики, — с достоинством объяснил Кастальо.

— Мы отправимся в путь завтра, — сказал Урфин. — Сегодня вы должны хорошенько отдохнуть.

Чтобы развлечь гостей, Урфин вынес из хижины кучу игрушек и разложил перед гномами. Это были деревянные куклы, клоуны, фигурки зверей. Мастер раскрасил их в светлые тона, лица кукол и клоунов улыбались, олени, серны были такими лёгкими, воздушными, что казалось — вот-вот они побегут. Как поразительно отличались эти весёлые солнечные игрушки от тех угрюмых и мрачных, которые когда-то делал Урфин, чтобы напугать ребят!

— Этим я занимался на досуге, — скромно пояснил Урфин.

— О, какая прелесть! — вскричали гномы.

Они разобрали кукол и зверушек, нежно прижимали к груди, гладили. Видно было, что чудесные игрушки страшно понравились им. Один старишок сел на деревянного оленя, другой начал плясать с игрушечным мишкой. Лица гостей сияли блаженством,

хотя, надо признаться, по их росту игрушки были порядком великоваты.

Видя радость гномов, Урфин великодушно сказал:

— Эти игрушки ваши! Несите их в свою страну, и пусть ими тешатся дети.

Восторг гномов был неописуемым, они не знали, как и благодарить Урфина.

На следующий день компания двинулась в путь. После первой же сотни шагов Джюс почувствовал, что дело неладно. Гномы вообще не были хорошими ходоками, а нагруженные игрушками чуть не с них ростом, они пыхтели, сопели, еле плелись, но расставаться с подарками никак не хотели. На то расстояние, которое Урфин проходил за две минуты, им требовалось двадцать. Посмотрев на запыхавшихся, потных гномов, Урфин рассмеялся.

— Нет, милые старички, у нас так дело не пойдёт! Сколько времени вы потратили на дорогу ко мне?

— Месяц, — ответил Кастальо.

— А теперь будем идти год.

Урфин вернулся на усадьбу, выкатил из сарай тачку, усадил туда человечков с подарками и зашагал лёгким пружинистым шагом, катя перед собой тачку.

Гномы были на верху блаженства.

Дорога до пещеры Арахны отняла у Джюса всего три дня.

В ожидании, пока к ней явятся Урфин Джюс и Руф Билан, Арахна решила проверить свои колдовские способности. Ведь, прежде чем начать борьбу с народами Волшебной страны, следовало убедиться, все ли её чары сохранили свою злую силу.

Читатели, конечно, помнят, что Арахна обладала волшебным умением превращаться в любое животное, птицу, дерево... Для победы над врагами это было первейшее средство. И вот Арахна убедилась, что этим волшебством она уже не владеет. Для неё это было великим горем.

Как это могло случиться? Дело в том, что заклинание было очень сложным и длинным и таким секретным, что Арахна побоялась записать его, чтобы оно не попало врагам. И вот во время сна она это заклинание позабыла! Что вы хотите — проспать пять тысяч лет, это не то, что вздрогнуть после обеда. Тут можно забыть даже собственное имя.

Да, теперь Арахна в битве с неприятелями уже не могла превратиться в белку или льва, в могучий дуб или быструю ласточку. Отныне колдунья могла рассчитывать только на свой гигантский рост и силу.

Оказалось, что Арахна утратила и ещё кой-какие колдовские чары, но у неё оставалось достаточно возможностей вредить

людям. Она не разучилась, например, вызывать землетрясения, ураганы и другие стихийные бедствия.

— Ничего, мы ещё повоюем, — сказала себе успокоенная волшебница, когда по её приказу с вершины горы обрушилась скала и разбилась на тысячу кусков.

Да, грозным противником была злая чародейка Арахна, и худо придётся тому, кто осмелится выступить против неё!

А тем временем в долину Арахны пришли Урфин Джюс и катившаяся в тачке весёлая стайка гномов. Указав Урфину вход в пещеру, крохотные старички со всех ног побежали к своим домикам, скрытым в кустах и под большими камнями, и вызвали совсем уж крохотных ребятишек, чтобы отдать им подарки доброго дяди Урфина...

Здесь автор откладывает перо, так как восторг малышей описать невозможно. За тысячи лет существования племени гномов никогда ещё их дети не видели таких прекрасных игрушек...

Урфин Джюс вошёл в пещеру Арахны неторопливым шагом, с достоинством поклонился волшебнице.

— Что угодно госпоже? — спросил Джюс.

Он обещал гномам сделать вид, что совершенно не знает, зачем его призвала Арахна. И он совсем не испугался при виде гигантской фигуры злой феи и её грозно нахмуренных густых бровей.

— Ты знаешь, кто я такая?

— Почтенный гном Касталь рассказал мне о вас.

— Значит, тебе известно, что я проспала пять тысяч лет и горю желанием действовать! Моё первое намерение — захватить власть над Волшебной страной, а потом я, быть может, переберусь и за горы.

Джюс с сомнением покачал седеющей головой.

— Я два раза пытался стать повелителем Волшебной страны, и вы знаете, чем это кончилось, — спокойно сказал Урфин.

— Ты — жалкий червяк по сравнению со мной! — надменно воскликнула колдунья и выпрямилась так, что её голова упёрлась в потолок.

— Простите, госпожа, — твёрдо возразил Джюс, — я поступал не так уж необдуманно. В первый раз у меня была мощная армия послушных деревянных солдат, а во второй — войско в две тысячи ловких, сильных Марранов. И оба раза я потерпел неудачу. Госпожа, я много думал за последний год и понял, что не так-то легко повергнуть к своим ногам свободные народы...

— Вот как, ты ещё осмеливаешься читать мне нравоучение? — презрительно усмехнулась Арахна. — Из твоих слов как будто вытекает, что ты не одобряешь моих намерений и отказываешься мне служить.

— Да, не одобряю и отказываюсь! Жизнь меня многому научила, и я хочу жить в одиночестве до тех пор, пока со мною не примирятся люди, которых я обидел.

— Иди, жалкий человек, и забудь о нашем разговоре! — гневно приказала волшебница — Ты ещё пожалеешь о своём отказе. Ведь я могла так возвысить тебя!..

Урфин с поклоном удалился. На пороге он обернулся и сказал:

— Боюсь, что по дороге войны вы пойдёте навстречу своей гибели!..

Арахна насмешливо улыбалась, но у неё шевельнулось невольное уважение к этому маленькому человечку, который не испугался её, могучей чародейки.

«А ведь я осыпала бы этого упрямца почестями, если бы он согласился служить мне,— подумала колдунья.— Чувствуется, что этот человек может твёрдо идти к намеченной цели...»

На поляне перед пещерой Урфин встретил Руфа Билана, за которым другая партия гномов ходила в Подземелье. Бывший король с презрением отвернулся от своего бывшего первого министра.

«Уж этот не откажется от соблазнительных предложений Арахны»,— подумал Урфин.

Он не ошибся.

ИСКУШЕНИЕ РУФА БИЛАНА

В

ыпроводив Урфина Джюса, колдунья долго сидела в задумчивости. Потом она тряхнула огромной головой и приказала ввести в пещеру Руфа Билана, о приходе которого ей доложили гномы.

Руф Билан вполз в пещеру чуть не на коленях, его румяное лицо побледнело от страха, он едва осмелился поднять глаза на волшебницу и тотчас боязливо опустил их.

— Это ты Руф Билан? — спросила колдунья.

— Да, госпожа, подземный рудокоп говорил, что меня именно так зовут,— отвечал дрожащим голосом Билан.— Но я ничего не помню о том, кем я был и что я делал в своей прежней жизни...

И он действительно всё забыл о своём прошлом. Когда гномы разыскали Билана в Подземелье, он всего за два дня перед тем очнулся от долгого сна. К тому времени он только-только выучился ходить и говорить и по развитию напоминал пяти-

летнего ребёнка. Рудокоп, его воспитатель, ещё не успел внушить Билану, что такое добро и что такое зло.

Улучив момент, когда воспитатель Руфа отлучился, хитрые гномы выманили это большое дитя из пещеры, соблазнив его принесёнными с собой лакомствами. Дорогой спутники Билана на вопросы, куда его ведут и что с ним будет, не отвечали.

Вид великанши привёл Руфа в трепет, и он с ужасом смотрел на грозную фею.

— Значит, от тебя скрыли, что ты когда-то занимал очень высокое положение в родной стране? — с коварной усмешкой спросила волшебница.

— Я ничего не знаю об этом, госпожа, — смириенно сказал Руф Билан, но в глазах его блеснуло странное чувство, похожее на гордость.

Проницательная Арахна заметила, какое впечатление произвели её слова, и тотчас же наметила план действий.

— Кастальо, ты отведи этого человека к себе, научи его грамоте, и пусть он прочитает в летописи всё, что там говорится о его жизни и делах, — приказала колдунья. — И когда Билан вспомнит своё прошлое, ты снова приведёшь его ко мне.

Летописец отлично понял, куда клонит его повелительница.

Кастальо привёл Билана к волшебнице через две недели.

Выражение лица и осанка бывшего государственного распорядителя совершенно изменились. Он держался прямо, ступал твёрдо. Руф Билан до мельчайших подробностей вспомнил всё, что с ним было. Он решил начать всё сначала, если представится возможность. И он уже не был тем слабым беспомощным

ребёнком, каким гномы вывели его из пещеры. Перед Арахной стоял взрослый человек, интриган и честолюбец, способный на любое предательство. Хитрый поступок Арахны воскресил в Руфе Билане все его худшие качества.

Слегка кивнув головой в ответ на поклон Билана, колдунья молвила:

— Ты, без сомнения, хочешь знать, зачем я призвала тебя сюда?

— Да, госпожа, но прежде разрешите задать один вопрос?

— Говори!

— Кто был человек, которого я встретил в ваших владениях две недели назад?

— Это Урфин Джюс, бывший король Изумрудной страны.

— А, значит, вот почему его лицо показалось мне таким знакомым! Это при нём я был первым человеком в государстве! — Билан гордо выпрямился.

— Да, и ты можешь снова подняться очень высоко, если пойдёшь на службу ко мне! Мои силы неизмеримо больше, чем у Джюса, хотя его смелость мне нравится. Жаль, что неудачи сломили его и он смирился перед судьбой.

И Арахна посвятила Руфа в свои планы, рассказала, что намерена стать императрицей Волшебной страны.

— Хочешь стать моим соратником? — спросила колдунья.

— Милостивая госпожа, я готов служить вам по мере моих сил! — с восторгом воскликнул Билан.

— И ты считаешь, что моё желание сбудется?

— В этом нет никаких сомнений! Народы Волшебной страны считут за счастье покориться такой могучей повелительнице, как вы!

— Ты в этом уверен? — с сомнением спросила волшебница.

— Жизнь готов отдать!

— А твой бывший король думает по-иному.

— Он ошибается, милостивая повелительница! Он ошибается, и вы скоро в этом убедитесь.

— Хорошо, Руф Билан, я принимаю тебя на службу. Ты будешь моим послом по важным поручениям, и, если отличишься, я тебя ещё возвышу!

Лицо Руфа загорелось радостью, и он снова начал уверять Арахну в своей преданности.

— Иди! — кивнула ему колдунья, и Руф Билан выбрался из пещеры, пялясь и непрестанно кланяясь.

— Ну и человечишка! — презрительно молвила фея. — Плесень! Он при первом удобном случае так же легко изменит мне, как легко согласился служить. Но, к несчастью, у меня нет выбора...

ПЕРВЫЙ БЛИН КОМОМ

С

реди волшебного хозяйства Арахны имелся ковёр-самолёт, который она украла у матери, когда сбежала от неё в Волшебную страну. Это был очень старый, потрёпанный ковёр, и уверёгся он от сырости и моли только благодаря неусыпным заботам гномов. Крохотные человечки каждый месяц чистили его щётками, выбивали, сушили на солнышке, штопали, и к моменту пробуждения колдуны он вполне годился в действие.

Приступая к осуществлению своих замыслов, Арахна решила облететь по порядку все области Волшебной страны, посмотреть, как там обстоят дела, и потребовать признания её верховной власти.

Арахна разостлала ковёр перед входом в пещеру, уселась посередине и посадила рядом Руфа Билана, которого брала, чтобы он вёл от её имени переговоры.

— Ковёр, неси меня в Розовую страну, к волшебнице Стелле, — приказала колдунья.

Ковёр тотчас поднялся и быстро понёсся над землёй. Лицо Билана побелело от ужаса, и он громко застонал.

— Что с тобой? — сухо спросила Арахна.

— Милостивая госпожа, заклинаю вас во имя святого, не вступайте в борьбу с волшебницей Стеллой!

— Это почему же? Ты думаешь, она сильнее меня?

— Я не сомневаюсь в вашей силе, госпожа, но знайте, что Стелле известен секрет вечной юности.

— А какое до этого дело мне, мне — которая насчитывает уж не помню сколько тысяч лет от роду? — гордо возразила Арахна.

— Хорошо, госпожа, не будем говорить о возрасте, — согласился Руф Билан. — Но у госпожи Стеллы прекрасные отношения с могущественным племенем Летучих Обезьян. Это — страшные звери, и если их стая набросится на вас, я не ручаюсь за нашу победу, несмотря на всю вашу силу и мужество.

Волшебница призадумалась, велела ковру остановиться, и тот неподвижно повис в воздухе.

— Да, я кое-что слыхала в былое время о Летучих Обезьянах. Пожалуй, с этими созданиями лучше не связываться, — согласилась Арахна. — А что ты скажешь насчёт того, чтобы навестить Виллину и потребовать от неё покорности?

— На что вам дались эти феи? — взмолился Билан. — Вы сами — фея и, простите за откровенность, отлично знаете, что это за пренеприятный народ! Госпожа Виллина, правда, стара, но у неё есть волшебное свойство мгновенно переноситься с места на

место. Сейчас она здесь, а через секунду за тысячу миль отсюда. Как вы можете победить такого неуловимого врага?

— Кажется, ты прав,— неохотно признала Арахна.— Оставим фей в покое. Ведь и кроме них в Волшебной стране достаточно земель и народов. Я читала в летописи Кастальо о Марранах. Это самый тёмный и отсталый народ в здешних краях. Не начать ли нам с Марранов, Билан?

— Начнём с Марранов, госпожа,— обрадовался Билан, хотя, проспав последние десять лет в пещере, ровно ничего не знал о событиях, которые развернулись в их стране; а те главы летописи, которые об этом рассказывали, он прочитать не успел.

И Арахна приказала ковру-самолёту доставить её в долину Марранов. Через несколько часов полёта ковёр опустился на одной из гор, кольцом окружавших эту страну.

Большие изменения произошли в долине Марранов с тех пор, как её жители прогнали Огненного бога Урфина Джюса. Раздевавшись с самозванцем, Прыгуны устроили настоящую революцию: они свергли власть аристократов и перестали работать на них. Вместо прежних жалких соломенных шалашей, где обитало простонародье, в опрятных деревеньках стояли вдоль прямых улиц небольшие, но тёплые и уютные домики. Из труб поднимался дымок, свидетельствуя о том, что Марраны забыли стаинный страх перед огнём и научились им пользоваться.

Плохо возделанные пшеничные поля они заменили прекрасными фруктовыми рощами, где деревья были усыпаны спелыми плодами. По склонам гор под надзором весёлых мальчишек паслись стада коров и овец. И около каждой деревни обязательно виднелась волейбольная площадка — волейбол, наследие Тима О'Келли, сделался национальным спортом Прыгунов.

Когда гигантская чёрная фигура Арахны, стоявшей на горе, обрисовалась на голубом фоне неба, в деревнях Марранов поднялась тревога. Женщины и дети попрятались в домах, а мужчины возбуждённо переговаривались.

Вскоре на дороге, ведущей к центральному поселению Прыгунов, показалась фигурка Руфа Билана; напыжившись от гордости, он шёл послом от злой феи. Ему навстречу поспешили Харт, Бойс и Клем, выборные старейшины Марранов. В руках у них на всякий случай были увесистые дубинки, и Руф Билан оробел. Вместо того чтобы заговорить громко и внушительно, он, дрожа, пролепетал, что пришёл от великой волшебницы Арахны с требованием к ним, Марранам, признать её своей императрицей и платить ей ежегодно дань.

Старейшины переглянулись, и Бойс сказал:

— Передай своей госпоже, что мы просим полчаса на размышление, а потом явимся к ней с ответом.

Билан сразу приободрился и спесиво зашагал назад, считая, что дело сделано.

— Конечно, эти простаки до смерти испугались, когда я очень сурово передал им ваше требование, госпожа, — доложил он колдунье. — Они скоро явятся к вам с изъявлением покорности, и речь, очевидно, пойдёт только о том, чтобы вы наложили на них не слишком большую дань.

Волшебница сухо поблагодарила Билана кивком головы и стала ждать. А в домиках Прыгунов заметно было оживлённое движение. Из дома в дом поспешно переходили мужчины, что-то передавали друг другу, а мальчишки шныряли по дворам, часто нагибаясь к земле.

И вот к горе, на которой стояла Арахна, двинулась толпа в несколько сот человек. Странным казалось, что в ней незаметно было ни детей, ни женщин, ни стариков: её составляли одни лишь взрослые, сильные мужчины — цвет племени. Странными были и их позы: каждый шёл, держа правую руку за спиной, что-то скрывая от взора колдуньи.

Толпа полукольцом окружила волшебницу, стоявшую на ковре-самолёте. Она горделиво смотрела на подходивших, и у её ног жался Руф Билан. Старейшины Клем, Бойс и Харт выступили вперёд.

— Волшебница Арахна,— заговорил звучным голосом Харт,— вы хотите, чтобы мы подчинились вам и платили дань. Но довольно с нас князей, волшебников и богов! Вот наш ответ! Пли!!

И Харт выбросил правую руку вверх. По его сигналу над толпой мгновенно взметнулись и закрутились заряжённые пращи, и камни сотнями засвистели в воздухе!

Три снаряда врезались в широкий лоб колдуньи, два в подбородок, несколько десятков камней попали ей в плечи, грудь и живот, порядочный булыжник сбил с ног Руфа Билана.

Нападение оказалось таким организованным и внезапным,

что Арахна растерялась. Но когда она увидела, что Марраны нагибаются за камнями, чтобы вновь зарядить пращи, она завопила диким голосом:

— Ковёр, неси меня прочь отсюда!

И ковёр мгновенно взвился в воздух. Несколько снарядов наиболее проворных стрелков настигли его и пробили в нём дыры (кстати, от этого подъёмная сила и скорость ковра порядком уменьшились).

Колдунья так разозлилась на Билана, что сжала его в кулаке и чуть не раздавила — а для этого ей нужно было сделать лишь слабенькое усилие.

Но сообразив, что предатель ей ещё понадобится, она выпустила его и только злобно прошипела:

— Так вот с какой покорностью привёл ты ко мне Марранов, дурак!

Руф Билан ловко вывернулся.

— Если уж ваша мудрость не обнаружила их коварного замысла, где уж было мне, простому смертному, разгадать его!

Колдунья прикусила язык. Действительно, что требовать с Билана, когда она сама, волшебница, с детства привычная ко всевозможным хитростям и уловкам, попалась в такую простую ловушку!

Чтобы отомстить Марранам, Арахна решила вызвать землетрясение. Но так как в пылу раздражения она перепутала заклинание, то и землетрясение получилось жиденьким: с гор скатилось несколько камней да кое-где в домах с полок попадала посуда.

Если бы Арахна и Руф Билан знали поговорки далёкой северной страны, затерянной за океаном, то они очень кстати могли бы припомнить такую: «Первый блин комом».

ПУШКА ЛЕСТАРА

С

видетельницей позорной неудачи чародейки Арахны оказалась старая мудрая сойка. Сообразив, что опасность нападения в следующую очередь грозит Фиолетовой стране, сойка тотчас разыскала ласточку.

— Лети во весь дух к Фиолетовому дворцу, — приказала она. — Пусть первая же встреченная тобой подруга передаст по эстафете Железному Дровосеку, что на его страну надвигается беда: её хочет завоевать великанша-колдунья в тридцать локтей ростом. Пусть Мигуны готовятся!

Птичья эстафета была привычным делом в Волшебной стране. Её организовала ворона Кáгги-Карр, которая являлась главным начальником связи и имела в этом деле большие заслуги.

Тут надо, кстати, сказать, что люди Волшебной страны жили с лесными зверями и птицами в дружбе. Благодатная природа так щедро одаряла жителей страны урожаями злаков, овощей и фруктов, на их лугах паслось столько домашнего скота, что надобность в охоте на лесную дичь совершенно отпадала.

Наоборот, люди часто приходили на помощь лесным обитателям. Если случалась засуха и плоды, не созрев, преждевременно опадали с деревьев, поселяне подкармливали зверей и птиц из своих запасов.

В свою очередь, звери и птицы помогали людям, когда те оказывались в беде. Такой помощью и были птичьи эстафеты.

Быстро крыла летунья помчалась, со свистом рассекая воздух. Она без труда обогнала ковёр-самолёт Арахны, пострадавший под снарядами Марранов. Известие передавалось по эстафете с такой скоростью, что на три часа опередило Арахну.

Какая началась тревога! Ведь последний год, после низвержения Огненного бога Марранов, Мигуны со всеми соседями жили в мире и дружбе. Ни о каких злых волшебниках и волшебницах не было слышно, и казалось, ничто не грозило спокойствию страны.

И однако сомневаться не приходилось. Опасность приближалась, и опасность грозная: по птичьей эстафете передавались только самые важные сообщения, а обычные донесения доставляли деревянные курьеры, бывшие полицейские Урфина Джюса.

Железный Дровосек только что прошёл очередной курс диспансеризации. Его заново перебрали, прочистили и смазали все детали, набили шёлковое сердце свежими опилками. Он вышел из мастерской отполированный и сияющий так, что на него было смотреть.

Узнав от механика Лестара, маленького старишка с живыми движениями, о приближающейся беде, Правитель тотчас отдал ряд распоряжений, говоривших о его уме и большом опыте в военных делах.

Во все стороны побежали гонцы с приказом очистить ближайшие деревни; жители должны были оставить фермы и укрыться в Фиолетовом дворце за прочными стенами. Пастухи погнали стада в овраги, известные только им одним. Одни воины, вооружившись луками, заняли оборонительные позиции в каменных башенках, другие сидели на крыше дворца, скрываясь за трубами, а некоторые прятались в засаде за большими камнями, разбросанными вдоль дороги.

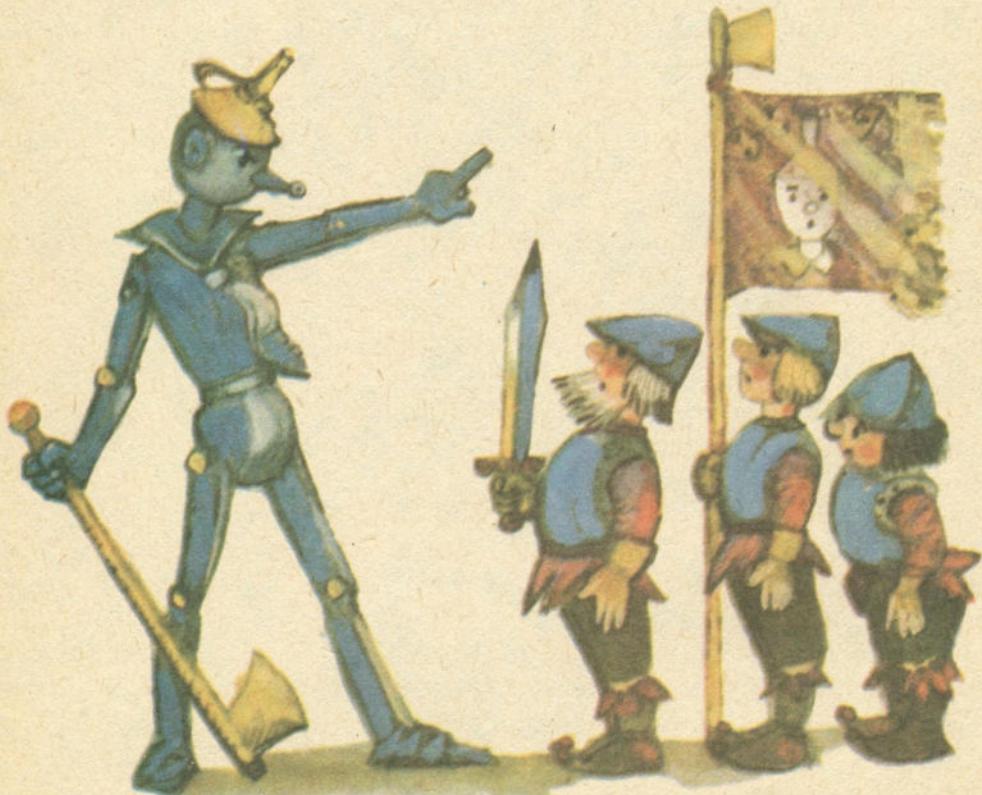
Окрестность Фиолетового дворца быстро приобрела вид военного лагеря, готового к осаде.

А механик Лестар занялся большой деревянной пушкой, той самой, которая когда-то позволила Мигунам без боя победить дуболомов, напугав их одним-единственным выстрелом. Правда, при этом выстреле пушка лопнула, но Лестар тогда же починил её, набив на ствол железные обручи. У механика ещё оставался запас пороха, приготовленного одноногим моряком Чарли Блеком.

Лестар зарядил пушку порохом, а вместо картечи насыпал внутрь гнутых гвоздей, обломков лошадиных подков и другой железной мелочи. Орудие было готово к бою. Бомбардир стоял около него с горящим фитилем в руке.

Но вот показался в воздухе ковёр-самолёт, а на нём огромная чёрная фигура волшебницы Арахны, которая на этот раз вооружилась огромным деревом, вырванным из земли прямо с корнями.

Ковёр опустился на землю в некотором отдалении от дворца, парламентёр Руф Билан двинулся к Железному Дровосеку, размахивая вместо флага белым полотенцем; он стащил его в опустевшей хижине какого-то Мигуна.

Дровосек узнал Билана. Он презрительно сказал:

— А, это ты, предатель? Оказывается, тебе не свернули шею в Подземной стране?

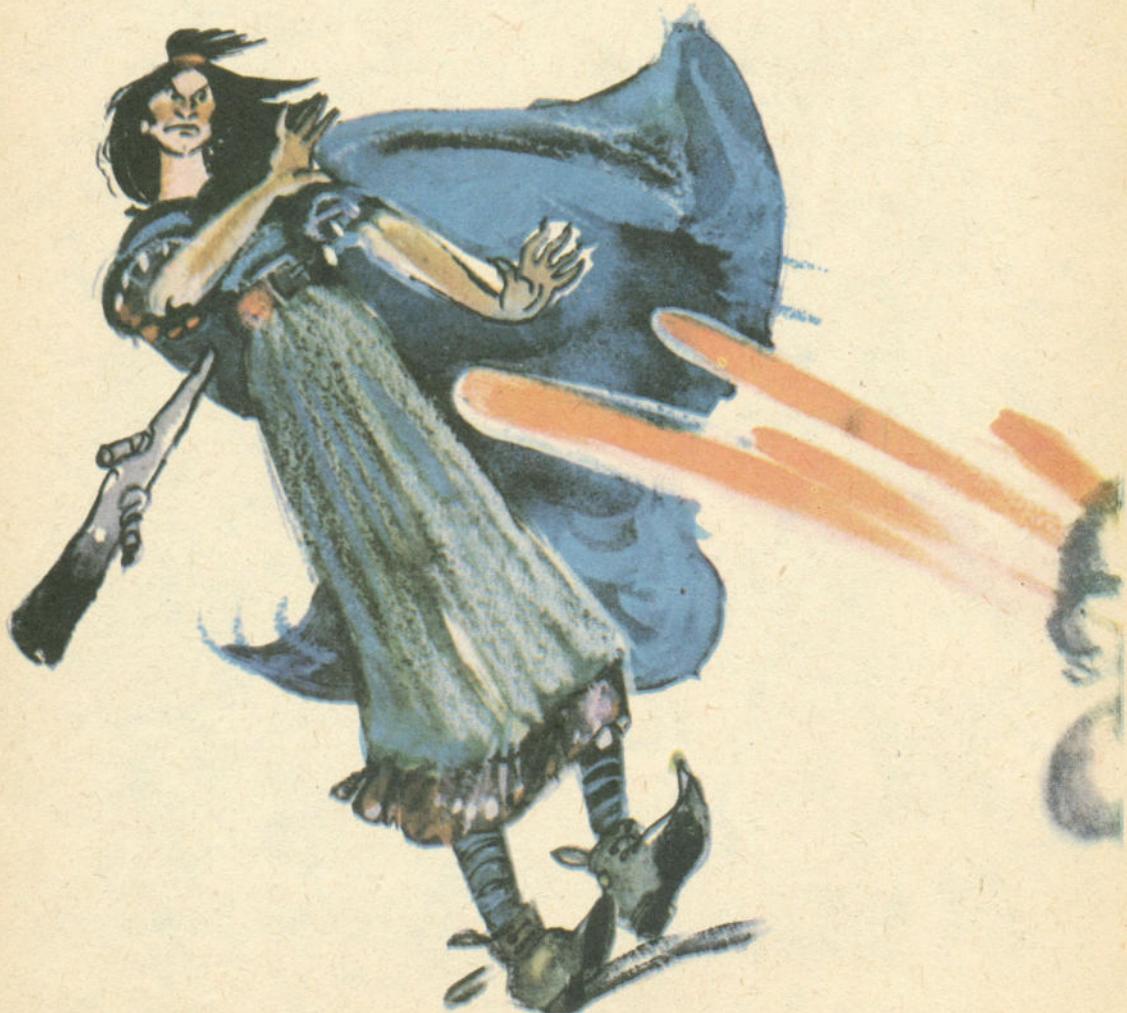
— А за что бы мне её свернуть? — огрызнулся Билан. — Но сейчас речь не обо мне, и давай перейдём к делу. Ты видишь там, вдали, могучую волшебницу Арахну; я пришёл сюда её посланником.

— И что же она велела передать? — поинтересовался Дровосек.

— Прежде всего она требует от вас безусловной покорности и признания её вашей королевой отныне и во веки веков.

— Так. И это всё? — спокойно спросил Дровосек.

— Конечно, нет. Вы будете платить королеве ежегодную дань в тысячу быков и две тысячи баранов, а гусей и уток сколько

потребуется. Поначалу вы зажарите для повелительницы три быка и пяток баранов, а мне достаточно жирной курицы, мы с госпожой проголодались во время путешествия.

— Разве Марраны не угостили вас сытным завтраком? — с притворным простодушием спросил Билана **Железный Дровосек**.

Руф Билан дико вытаращил глаза: он понял, что неудача Арахны у Прыгунов уже стала каким-то образом известна в Фиолетовой стране, и спесь с него сразу спала.

— Так вы намерены подчиниться Арахне или нет? — спросил он, потеряв всякую уверенность.

— Иди к своей госпоже и скажи, что мы будем драться до последнего! — гневно воскликнул Правитель. — И помни, что тебя спас от гибели только твой парламентёрский флаг.

И он так мощно взмахнул топором над головой изменника, что воздух загудел вокруг.

Ноги Билана подкосились от страха, и он, спотыкаясь, поспешил к своей повелительнице. Услышав донесение Руфа, волшебница очень рассердилась и двинулась на Мигунов, опираясь на чудовищную палицу. Навстречу ей отовсюду засвистели стрелы: они летели из боевых башенок, с крыши дворца, из-за придорожных камней. Они вонзались в лоб и щёки колдуны, застревали в мантии, поражали голые щиколотки. Правда, для великанши это было не страшнее, чем булавочные уколы, но ведь и булавочные уколы не очень приятны.

И всё-таки гигантская фигура Арахны продолжала продвигаться вперёд, а её палица, ударяя по земле, выбивала в ней глубокие ямы. Вот когда **Железный Дровосек** пожалел о

том, что в первые же дни своего правления велел убрать высокую стену с острыми гвоздями наверху, которая окружала Фиолетовый дворец во времена Бастинды. С этой стеной дворец сильно напоминал тюрьму, но теперь, быть может, стена задержала бы Арахну...

И тут оглушительно грянула пушка Лестара. Выстрел картечью, угодивший на близком расстоянии прямо в грудь чародейки, произвёл поразитель-

ное действие. Арахна даже пошатнулась и чуть не упала, но удержалась на ногах. Рана не была для неё смертельной и даже опасной, однако волшебнице показалось, что её ударил какой-то великан, равный ей по силе, а рёв пушек она приняла за голос разгневанного чудовища...

И Арахна испугалась! Да, она испугалась, бросила дубину и побежала искать спасения на своём волшебном ковре. По дороге она соследу наступила на две оборонительные башенки и раздавила их, но воины, которые в них сидели, к счастью, вовремя выскошили и спрыгнули в ров.

В спешке колдунья потеряла кожаные башмаки и даже не остановилась, чтобы их подобрать. Их судьба оказалась весьма любопытной.

Башмаки были непромокаемые: то ли кожу пропитали особым составом, то ли Арахна их заколдовала. Железный Дровосек умело воспользовался этим свойством башмаков. Он приказал отвезти их на Большую реку. Там Мигуны оснастили их палубами, мачтами, парусами, приделали к ним рули, и башмаки обратились в корабли под названием «Правый» и «Левый». Они вошли в состав флота Фиолетовой страны, и на этих кораблях Мигуны совершали далёкие плавания, перевозили в трюмах грузы. «Правый» и «Левый» отличались большой грузоподъёмностью и маневренностью.

Но самым интересным их качеством оказалось то, что они отгоняли крокодилов, в изобилии водившихся в реке. На деревянные суда чудища нападали нередко, и от них приходилось отбиваться стрелами и копьями. Но, завидев кожаные корабли, крокодилы разбегались кто куда. Наверно, их пугал необычный вид кораблей-башмаков или им не нравился исходивший от них резкий запах. Так или иначе, от желающих поплавать на кораблях-башмаках не было отбою.

Битва Мигунов с могучей Арахной продолжалась не более десяти минут. Бегство колдуньи было встречено торжествующими криками победителей.

А волшебница, подняв ковёр в воздух и направив его по дальше от этих мест, подумала:

«Урфин Джюс, пожалуй, был прав: не так-то легко подчинить своей власти свободолюбивые народы. Но мы ещё посмотрим!..»

И она приказала ковру нести её к Изумрудному городу. Она не знала, что, опережая её, несётся по птичьей эстафете донесение Страшиле обо всём, что случилось в долине Марранов и у Фиолетового дворца.

НОЧНОЙ ШТУРМ

К

овёр Арахны тащился по воздуху со скоростью захудалого железнодорожного поезда, а колдунья вновь и вновь переживала унижения, испытанные ею при встречах с Марранами и Мигунами. Как?! Эти жалкие крохотные людышки заставили с позором бежать её, могучую волшебницу, доселе побеждённую одним лишь Гуррикапом! И, однако, приходилось признать, что сила оказалась на их стороне.

«Всё это потому, что их много, а я одна,— рассуждала Арахна.— Нельзя же в самом деле считать помощником этого ничтожного труса, что скорчился у моих ног. Он не может толком выполнить даже самого простого поручения. Но кого бы мне привлечь в союзники?..»

Поразмыслив, колдунья созналась самой себе, что в Волшебной стране не найдётся ни людей, ни зверей, которые стали бы ей помогать.

— Ну что ж, буду, как прежде, действовать одна,— сердито пробурчала Арахна.— А на болтовню Урфина не стоит обращать никакого внимания.

Но уж если фея об этом говорила, значит, предсказание бывшего короля всё же запало ей в память.

Настроение у колдуньи было отвратительное, и не только потому, что она потерпела два поражения, но и потому, что у неё зябли босые ноги и её мучил голод. Она не ела целый день и готова была съесть стадо быков. Однако нигде не встречалось никакой живности.

На фермах, попадавшихся по пути, было пусто. Птицы, летевшие впереди Арахны, предупреждали фермеров об опасности, и те успевали спрятать скот и сами укрывались в тайниках. Пришлось Арахне снизиться у фруктовой рощи и принадлечь на плоды, хотя она их терпеть не могла.

Кое-как заморив червячка, волшебница двинулась дальше. А в это время птичья почта уже донесла до Изумрудного острова весть о приближении врага. Страшила тотчас собрал свой штаб. На его зов первым пришёл фельдмаршал Дин Гиор, расчёсывавший золотым гребешком свою роскошную бороду, спускавшуюся ниже колен. За ним явились заведующий снабжением армии Фарамант и начальник связи Кагги-Карр. До принятия каких-либо решений следовало узнать, какая им грозит опасность. На тумбочке стоял розовый ящик с матовым стеклом, подарок Стеллы.

Члены штаба расположились вокруг телевизора, и Страшила произнёс магические слова:

«Бирέлья-турέлья, бурида́кль-фурида́кль, край неба алеет, трава зеленеет. Ящик, ящик, будь добренький, покажи нам колдунью, летящую на ковре-самолёте!»

И тотчас волшебный экран осветился, и на фоне неба стал виден распластавшийся в воздухе ковёр и сидящая на нём великанша. При виде такого зрелища всем членам штаба и самому Страшиле стало как-то не по себе. Уж очень зловещий вид имела колдунья в длинной синей мантии, со свирепым красным лицом, с копной чёрных волос на голове. У ног Арахны скользила маленькая фигурка, в которой Страшила и его друзья узнали Руфа Билана.

— Смотрите-ка, этот изменник уже тут,— удивился Фарамант.— Как это он успел снохаться с колдуньей?

— Др-рянь к др-ряни липнет,— сердито объяснила ворона.— Я ничуть не удивлюсь, если где-нибудь поблизости окажется и этот неугомонный честолюбец Урфин Джюс. Он ведь того же поля ягода...

Страшила загорелся любопытством.

— А давайте-ка, в самом деле, посмотрим, где этот фрукт. Всегда полезно наблюдать за врагом. Я и так виноват в том, что слишком редко пользовался подарком Стеллы.— И он обратился к телевизору: — Ящик, ящик, будь добренький, покажи нам Урфина Джюса, где бы он ни был.

И вдруг на экране появилась прелестная поляна с уютным домиком и кой-какими постройками на заднем плане, а впереди, у огородной грядки, стоял на коленях Урфин и полол огурцы. Рядом примостился филин Гуамоко. Страшила и его друзья услышали их разговор.

— ... так-таки ни в какую? — закончил, видимо, начатую ранее фразу филин.

— Ни в какую, — подтвердил Урфин. — Она мне и так и эдак, а я твержу одно: «Я вам в этом чёрном деле не помощник!»

— Так и сказал, хозяин?

— Так и сказал!

— А она?

— Затопала ногами, заорала так, аж пещера затряслась, я думал, обвалится. «Я, кричит, могучая волшебница, я, кричит, тебя одним пальцем раздавлю, как муху, если не пойдёшь ко мне на службу!»

— А ты?

— А я опять: «Давите, я против своих не пойду! Достаточно я им напакостил...»

— А она?

— А она как поднимет надо мной кулачище чуть не с мой дом!..

Страшила и его друзья переглядывались с недоумением и радостью. Вот, значит, каким стал этот Урфин, который дважды захватывал власть над Волшебной страной?! Конечно, слушатели не знали, что, рассказывая о разговоре с Арахной, бывший король преувеличил угрозы злой феи, попросту говоря, малость прихвастинул, но ведь главное-то было верно, в главном он говорил правду! Если бы он поддался на уговоры колдуны, то сейчас сидел бы на ковре-самолёте рядом с Арахной, а он у себя, возделывает огурцы в своём далёком владении.

Разговор между Урфином и филином перешёл на другое, но Страшиле было достаточно того, что он услышал. Урфин им не враг, а союзник, и не исключено, что он придёт на помощь людям, если его позовут.

Страшила выключил телевизор. Теперь он и его штаб знали, с кем им придётся иметь дело. Они не очень испугались. Им приходилось защищать Изумрудный город от сотен дуболовов Урфина, от целой армии Марранов, а тут только один враг, правда огромный и сильный, но всё же один: ведь Руфа Билана в расчёт принимать не стоило.

До прибытия Арахны оставались ещё целые сутки, и горожане принялись за оборонительные работы. От птиц военные руководители города уже знали, что волшебница разорила целую плодовую рощу, значит, она была голодна. Надо лишить её продовольствия!

Все окрестные фермы опустели. Часть скота переправили в город, а часть запрятали в таких дебрях, что его не обнаружил бы самый искусный сыщик. На городских стенах снова появились котлы с водой, и под ними запылал хворост. За каменными

зубцами прятались стрелки с луками и арбалетами, а Дин Гиор, забросив бороду за спину, налаживал катапульты, с помощью которых можно было бросать огромные камни.

Арахна приближалась к Изумрудному острову, не подозревая, что за каждым её движением следит дежурный у волшебного ящика. И даже разговоры её с Руфом Биланом явственно слышались с экрана.

— Мы подберёмся к ним ночью,— доверительно говорила колдунья своему спутнику.— В городе, конечно, ничего обо мне не знают и будут спокойно спать. А я перелезу через городскую стену, проникну во дворец и захвачу в плен их правителя, этого невесть за что превознесённого молвой соломенного человека. Посмотрим, как тогда осмелятся противиться мне его подданные...

Руф Билан очень сомневался насчёт того, что в Изумрудном городе неизвестно, о приближении чародейки. Но свои сомнения он благоразумно держал при себе. А Фарамант, дежуривший у телевизора, прямо корчился от смеха, представляя себе, как великанша Арахна пытается претиснуться сквозь двери дворца, рассчитанные на обычновенных людей.

— Ладно, ладно, хвастунья, мы тебе устроим почётную встречу с факелами,— пообещал Фарамант, погрозив экрану кулаком.

Помешкав, сколько нужно, злая фея действительно оказалась в окрестностях Изумрудного города ночью. Но для неё полной неожиданностью оказалось, что он окружен широким каналом, через который не было моста, а паром стоял у противоположного берега. Это ей мешало подобраться к городу незаметно.

— Почему ты мне не рассказал, болван, что ваш город расположен на острове? — злобно набросилась колдунья на Билана.

Изменник начал оправдываться:

— Клянусь жизнью, госпожа, десять лет назад этого не было! Канал выкопан после того, как я покинул эти места.

— Эх, ты, недотёпа! — с презрением молвила Арахна.— Ну да ладно, думаю, вода не очень глубока.

Арахна оставила ковёр на берегу под присмотром Руфа Билана и плюхнулась в канал. Сначала вода доходила ей до колен, потом до пояса, а дальше — всё глубже, глубже... Вот из воды виднелись только плечи великанши да голова с огромной копной чёрных волос. И в этот момент на городской стене вспыхнули костры и зажглись яркие фонари. В руках горожан запылали сотни смоляных факелов, и вокруг сделалось светло как днём.

Дин Гиор и его помощники хлопотали у катапульт. Они отпустили защёлки, удерживавшие верёвки из скрученных воловых жил, которые заменяли пружины. И тотчас концы длинных брёвен взвились в воздух и начали стрелять огромными каменными глыбами.

Вода вокруг колдуньи забурлила под ударами падающих снарядов. Великанша металась туда и сюда, и тут тяжёлый мельничный жернов стукнул её по самой макушке. Копна волос смягчила удар, да и череп волшебницы был так крепок, что легко его не пробьёшь. Всё же Арахна на миг потеряла сознание и скрылась в глубине канала.

Горожане закричали от радости, но колдунья быстро пришла в себя и вынырнула из воды. Теперь уж не могло быть и речи, чтобы Арахне незаметно пробраться в город и похитить Страшилу, и Арахна пустилась наутёк. Вслед ей неслись стрелы, поражая незащищённую шею и плечи: казалось, гигантскую женщину жалит рой разъярённых ос.

Не помня себя от боли и страха, чародейка кое-как выкарабкалась на берег, плюхнулась на ковёр и заплетающимся языком приказала нести себя прочь от страшного места.

— Ар-рахна др-рянь! — было последнее, что услышала злая фея, улетая.

Так проводила её Кагги-Карр, а в это время на городской стенае восторженные горожане качали Страшилу, Фараманта и запутавшегося в своей роскошной бороде фельдмаршала Дина Гиора.

— Мне бы хоть полк таких храбрых бойцов, — в полузабытии прошептала Арахна, — я завоевала бы с ними весь материк...

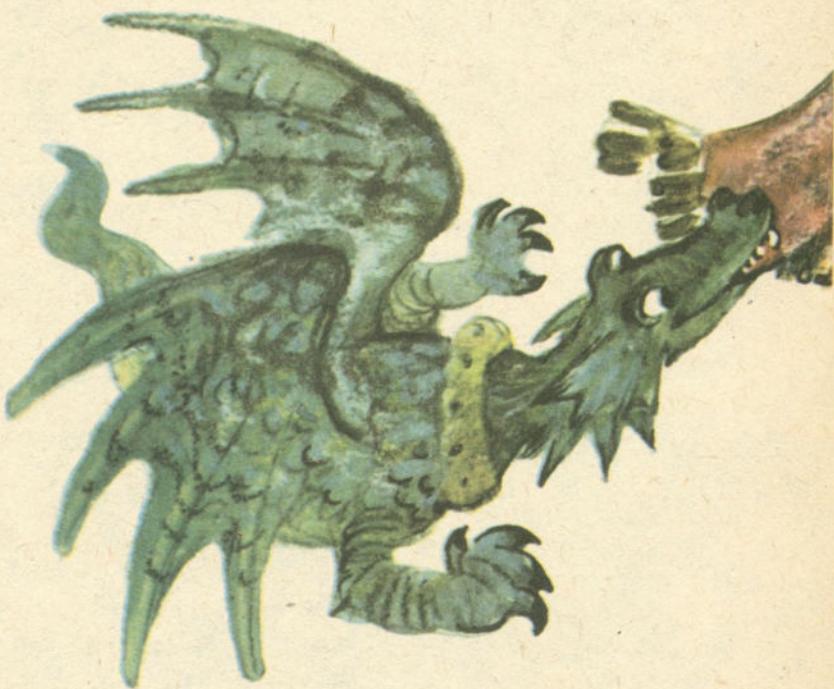

ПРОИСШЕСТВИЕ С КОВРОМ

К

овёр нёс волшебницу в страну Подземных рудокопов, а она раздумывала:

«В первой схватке с людьми я отдалась синяками на лбу и подбородке; во второй меня ранило в грудь какое-то ревущее чудовище, и я осталась без обуви; в третьей мне чуть не проломили голову, и я могла утонуть... Чем дальше, тем хуже. Что ещё меня ждёт? А вдруг мне грозит гибель, как предсказал этот неудавшийся король? Уж не повернуть ли в пещеру и спокойно доживать век повелительницей моих верных гномов?.. Но нет, я должна испытать свою судьбу до конца!.. »

Упрямство и злость гнали Арахну на новые, быть может, ещё более опасные приключения.

Выбрав в лесу удобную поляну, колдунья выжала мокрую одежду, подсушила её на костре и проворочалась всю ночь на жёсткой земле. Трепещущий от страха Руф Билан всё ещё находился при ней. Уж он и не рад был, что связался с Арахной: как видно, служа ей, не заработаешь богатства и почестей. Скорее всего вздёрнут тебя на виселице. Но когда Билан на рассвете по-

пытался удратить, Арахна проснулась и так цыкнула на него, что у предателя отнялись руки-ноги.

— Если ещё раз замечу такое,— прикрикнула фея,— смерть тебе!

В полдень показалось поселение Подземных рудокопов. Конечно, там уже знали о предстоящем нападении Арахны и приготовились к приёму незваной гостьи. Женщины, дети и старики попрятались, мужчины вооружились мечами и кинжалами.

Для великанши они были не опаснее зубочисток, но рудокопы приготовили и кое-что другое.

Деревню кольцом окружили Шестилапые. Конечно, эти звери ростом едва доходили до колен волшебницы, но если их свирепая стая набросится со всех сторон на Арахну, ей плохо придётся от их мощных клыков и острых когтей.

— Пожалуй, я не буду слишком требовательна и удовольствуясь званием владычицы Подземных рудокопов, даже без того, чтобы они платили мне дань,— сказала фея Билану.

Как видно, её притязания после перенесённых поражений стали значительно скромнее.

Ковёр-самолёт по приказанию хозяйки описывал круги над деревней, а колдунья старалась разглядеть, какие ещё средства борьбы есть у рудокопов. И когда она пролетала над пальмовой рощей, оттуда вдруг вынырнула чешуйчатая голова, величиной с бочонок, щёлкнула зубастой пастью и вцепилась в край ковра. Это нападение было настолько неожиданным, что ковёр накренился, и Арахна чуть не потеряла равновесие. Перепуганный

Руф Билан покатился по ковру и свалился бы на землю, если бы колдунья не успела ухватить его огромной ручищей.

Началась борьба. Арахна, напрягая всю силу воли, приказывала ковру подниматься вверх, а дракон Ойххо упрямо тянул его к себе. И так как силы у крылатого зверя было достаточно, то ковёр начал снижаться. Огромная лапа дракона уже тянулась к нему, но в этот момент ветхая ткань не выдержала, и большой её кусок с треском оторвался.

Голова Ойххо нырнула в рощу с добычей, а ковёр, как-то нелепо колыхаясь, понёс свою владелицу вверх.

Здесь надо рассказать о судьбе того куска чудесного ковра, который достался Подземным рудокопам.

Он сохранил подъёмную силу соответственно своей величине и мог носить в воздухе человека. Рудокопы почистили ковёр, подштопали, обметали края, и правитель страны Ружеро стал пользоваться им для деловых поездок по области. А раз он даже слетал на нём в гости к своему другу Прему Кокусу, правителью страны Жевунов.

Когда схватка с Ойххо кончилась, Арахна сердито крикнула:

— Нет, с меня довольно! Я вижу, как прав был Урфин Джюс! Народы не хотят расставаться со своей свободой... Ковёр, к пещере!

Но тут поднял свой голос Руф Билан.

— Милостивая госпожа, мы ещё не побывали у Жевунов! Чем угодно ручаюсь, они покорятся вам при одном вашем появлении в их стране. Это — самые робкие и миролюбивые люди на свете, и они страшно боятся всякого оружия. Даже вид кухонного ножа приводит их в трепет. Полетим к Жевунам, госпожа!

— Хорошо, я послушаюсь тебя в последний раз,— мрачно согласилась колдунья.— Неси меня к Жевунам, ковёр!

Да, Жевуны были робкие и миролюбивые люди, и, конечно, они никогда не осмелились бы вступить в борьбу с могучей чародейкой. Но они нашли другое средство избавиться от нашествия Арахны.

Задолго предупреждённые по птичьему телеграфу о предстоящем появлении колдуньи, они попрятались по дебрям и трущобам, которых так много было в их стране. Ещё год назад, готовясь к нападению Марранов, они вырыли в лесной чаще просторные землянки и теперь забились туда со своими семьями и домашним скотом!

Когда ковёр-самолёт, с трудом удерживая равновесие и то и дело кренясь набок, принёс Арахну в Голубую страну, чародейка и её слуга напрасно обшаривали весёлые приветливые деревеньки Жевунов.

Везде было хоть шаром покати.

Ярость колдуны не знала пределов. Найдя в одной хижине покинутого кота, она схватила несчастное животное за хвост и так трахнула его о дерево, что от кота ничего не осталось.

— Так бы поступить с тобой, проклятый лгун! — прошипела она, злобно глядя на обмершего от страха Руфа Билана. — «Жители Волшебной страны с радостью покорятся такой могущественной повелительнице, как вы!» — передразнила она изменника. — Где же эта радость, где она, скажи мне! Я что-то не заметила! — издевательски допрашивала Арахна дрожавшего от страха маленького человечка.

Внизу медленно проплывали одетые туманом поля и леса.

ТРУДНЫЕ ДНИ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ

ЖЁЛТЫЙ ТУМАН

П

овреждённый ковёр-самолёт кое-как дотянул свою хозяйку до пещеры. Едва завидев сбежавшихся встречать её гномов, Арахна повелительно крикнула:

— Обедать! Быков жарьте! Быстрее! Да побольше!..

На трёх кострах жарились быки и один за другим исчезали в огромной пасти великанши. Гномы-повара уже начали валиться с ног от усталости, когда колдунья наконец откинулась от стола.

— Теперь спать... — пробормотала она.

Но прежде чем улечься, Арахна велела гномам сшить ей новые башмаки. Летописцу Кастальо очень хотелось узнать, как его госпожа оказалась без башмаков, но он не осмелился спросить её об этом.

Его любопытство удовлетворил Руф Билан. Болтливый изменник не смог удержаться от искушения выболтать летописцу историю печальных приключений Арахны. Кастальо вписал рассказ Билана в очередной том летописи, и эти события стали нам известны.

Едва добравшись до постели, волшебница заснула мёртвым сном. Три недели подряд спала Арахна, и гномы начали уж надеяться, что на неё вновь напал многолетний сон. Но нарушить её приказ маленькие человечки не осмелились и сшили своей госпоже новые башмаки.

Нелёгкая это была работа! На выполнение заказа понадобилась целая сотня бычьих шкур, и хорошо ещё, что такое количество нашлось в кладовых запасливого народца. Обмерив ноги спящей колдуньи, тридцать сапожников принялись кроить и шить на лужайке перед пещерой, а десять подмастерьев готовили дратву. С подошвами сапожники управились довольно легко, а с боками и вёрхом помучились вдоволь, пришлось подставлять лестницы.

На шитьё башмаков сапожники потратили четыреста семнадцать клубков дратвы и поломали семьсот пятьдесят четыре шила: кожа была толстая, а работать неудобно.

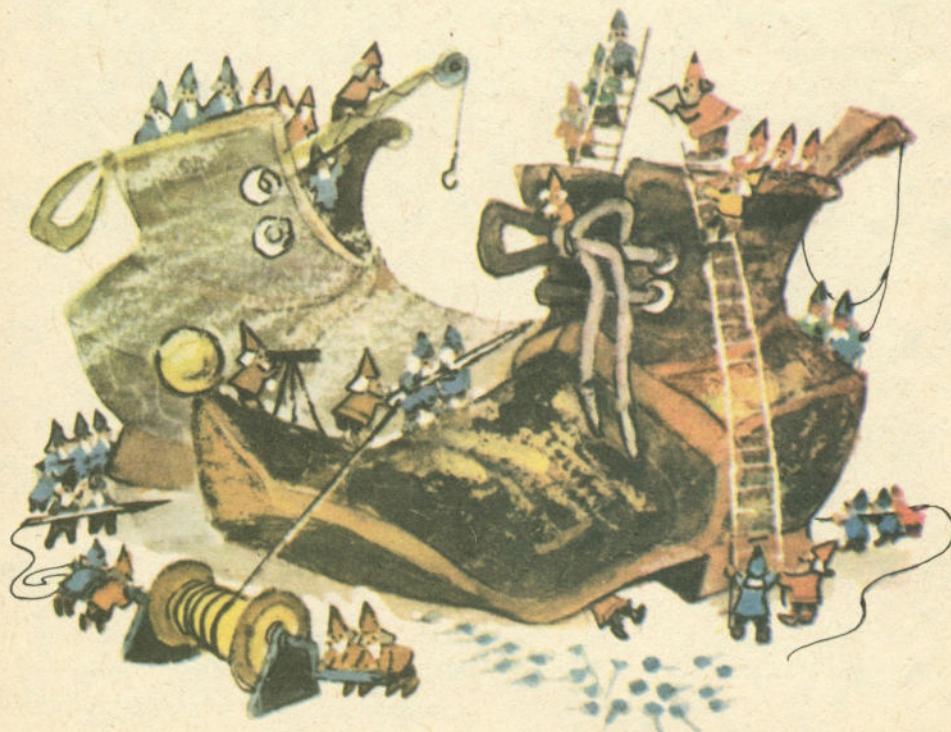
Как-никак, к пробуждению Арахны пара колоссальных башмаков стояла на площадке.

Колдунья надела их и осталась довольна: мастера знали своё дело.

— А теперь обедать! — приказала она.

Утолив голод, фея разлеглась на солнышке и начала раздумывать, как отомстить людям.

— Предположим, я попробую устроить им хорошенёкое землетрясение? — размышляла Арахна. — Пожалуй, не выйдет. Я долину Марранов даже не могла встряхнуть как следует, а на всю

Волшебную страну у меня силы не хватит. Может, саранчу на них наслать? До моего сна это волшебство мне удавалось неплохо. Саранча сожрёт урожай на полях, траву на лугах, плоды на фруктовых рощах... А дальше что? Скот у фермеров подохнет от бескорьи, и мне же нечего будет с них брать. Нет, это не годится! — приказала сама себе Арахна. — Ещё что у меня есть в запасе? Ага, наводнение. Вот чем я их дойму! Как зарядит ливень недели на три, да выйдут реки из берегов, да придётся людышкам спасаться от потопа на крышах, вот тогда они взвоят. — Помолчав, колдунья продолжала: — Взвыть-то они взвоят, да мне какой от этого толк? Ведь они не поверят, что всё это устроила я, скажут: «Природа!» Поди, доказывай! — Арахна долго лежала в раздумье, потом вдруг подпрыгнула от радости. — Вспомнила! Жёлтый Туман! Вот когда они запляшут, голубчики!.. Жёлтый Туман! Я помню, как моя мать Карена сломила гордых тауреков, напустив на их область Жёлтый Туман. Они только две недели и выдержали, а потом пришли с повинной головой. Чем хорош Жёлтый Туман? — продолжала рассуждать Арахна. — Я могу его вызвать, могу и убрать в любой момент, значит, все поймут, что это — моё колдовство... А главное, его никогда не бывало в Волшебной стране, и это будет страшная новинка для людей и для зверей.

Волшебница отправилась в пещеру и, выгнав из неё гномов, чтобы они не подсмотрели, достала из потайной ниши книгу заклинаний. Несмотря на прошедшие тысячелетия, книга, написанная на пергаменте, хорошо сохранилась. Арахна полистала её, нашла нужную страницу.

— Так вот, — обратилась она к книге, — предупреждаю: мой приказ должен исполниться, когда я скажу: раз, два, три! Но запомни предварительно: Жёлтый Туман не должен проникнуть во владения Виллины и Стеллы. Я не хочу связываться с этими гордячками, кто их знает, какие волшебства у них в запасе и чем они могут мне отплатить. Второе: Жёлтый Туман не должен простираться над окрестностями моей пещеры, над моими полями и фруктовыми рощами, над лугами, где пасутся мои стада. А теперь слушай: убурру-курубурру, тандарра-андабарра, фарадон-гарабадон, шабарра-шарбарра, появись, Жёлтый Туман, над Волшебной страной, раз два, три!

И только что вылетели последние слова из уст колдуньи, как тотчас странный Жёлтый Туман заволок всю Волшебную страну, кроме владений трёх фей — Виллины, Стеллы и Арахны. Туман этот был не очень густой, и сквозь него виднелось солнце, но оноказалось большим багровым кругом, точно перед закатом, и на него можно было смотреть сколько угодно, не боясь ослепнуть.

Как будто бы появление Жёлтого Тумана не было таким уж большим бедствием для Волшебной страны, но погодите: в ходе дальнейшего правдивого повествования вы ещё узнаете его злобные свойства.

Начать с того, что волшебный телевизор во дворце Страшилы перестал работать. Правитель Изумрудного острова и его друзья всё время следили за злоключениями Арахны. Они видели, как находчивый дракон оттяпал у ковра-самолёта целый угол и как после этого ковёр еле-еле булыхался в воздухе. Они со смехом наблюдали, как Руф Билан шнырял по деревням, покинутым Жевунами, в поисках съестного, и каждый раз возвращался к своей повелительнице с постной рожей.

Расправа колдуны с бедным котом привела Страшилу и его друзей в негодование, а чудовищный пир Арахны заставил хохотать до колик.

— Вот это аппетит! — восклицали далёкие зрители, наблюдая, как бык за быком переправлялись с обеденного стола Арахны в её необъятный желудок.

С любопытством смотрели они, как гномы шили Арахне огромные башмаки, и восхищались их ловкостью и трудолюбием. Страшила и прочие интересовались также и тем, что происходило в долине Марранов и у Мигунов. Там после победы над злой волшебницей всё уже пришло в порядок, и каждый занимался своим делом.

И вот ежедневным наблюдениям пришёл конец: в волшебном стекле виднелась только мутная колышущаяся пелена тумана. Контроль за действиями врага отныне был потерян, и что предпримет Арахна, никто не мог предсказать.

В

идимость в Жёлтом Тумане сократилась необычайно. Предметы, находившиеся за полсотни шагов, ещё с грехом пополам можно было различить, а всё что было дальше — исчезало в мутной мгле, и это действовало угнетающе. Мир каждого человека стал ничтожно малым. Какие события происходили за пределами этого крохотного мирка, люди догадывались только по звукам, но и звуки искались в тумане. Человеческий голос можно было смешать с карканьем вороны, а стук лошадиных копыт превращался в барабанный бой. Странным и непривычным казалось людям всё, что их окружало. Они считали Жёлтый Туман стихийным явлением, не подозревая, что это проделки колдуны Арахны, надеясь, что беда вот-вот кончится.

О том, что дышать Жёлтым Туманом вредно, обитатели Волшебной страны узнали не сразу. Через несколько дней, когда люди волей-неволей приспособились к необычной обстановке, они вдруг начали покашливать. Оказалось, что мельчайшие частички тумана, проникая в лёгкие, раздражают их, и с каждым днём это раздражение усиливалось. Звуки кашля наполняли всю Волшебную страну. Кашляли люди, кашляли олени, лоси, медведи в лесу, кашляли белки на деревьях, кашляли птицы, находясь в покое, а во время полёта они прямо захлёбывались кашлем.

В один из таких бедственных дней к парому, перевозившему путников в Изумрудный город, подошёл кругленький румяный человек. У него было отличное настроение. Посмеиваясь, он попросил перевозчиков дуболомов переправить его через канал. Те привычно принялись за дело. Пока они перетягивали паром по канату, путник заговорил с ними:

— Ну, как вы себя чувствуете, братцы, при такой прекрасной погодке?

— А что нам сделается? — ответил перевозчик Арум. — Это людям плохо, а нам хоть бы что.

И действительно, дуболомам Жёлтый Туман был нипочём, они-то ведь не дышали. Из всех обитателей Волшебной страны только дуболомы да деревянные курьеры, словом, существа, оживлённые чудесным порошком Урфина Джюса, чувствовали себя как всегда. И конечно, Жёлтый Туман не повредил Страшиле и Железному Дровосеку: ведь у них тоже не было лёгких.

Паром причалил к городскому берегу, и путник трижды позвонил в колокол над калиткой. Открылось окошко, и оттуда выглянул Фарамант. Страж Ворот ни при каких обстоятельствах не покидал своего поста!

Узнав посетителя, Фарамант удивлённо воскликнул:

— Руф Билан! Зачем ты явился в наш город?

Речь Фараманта прервал удущливый кашель. Билан спокойно ответил Стражу Ворот:

— Я прибыл сюда по очень важному делу и прошу проводить меня к его превосходительству, правителю Изумрудного острова!

— Ну что ж, идём,— проворчал Фарамант.— Я провожу тебя

к Страшиле Мудрому. Но только сначала надень зелёные очки.

— Вы всё ещё носите зелёные очки? Но ведь и без них в этой каще ничего не видно!

— Закон есть закон, особенно, когда он установлен Великим Гудвином! — сурово отозвался Фарамант.

Несмотря на возражения Билана, Страж Ворот надел и на него зелёные очки и защёлкнул их сзади маленьким замочком. Видимость сразу сократилась до трёх-четырех шагов, и Билану показалось, что он очутился среди тёмной ночи. Он шёл за своим проводником почти ощупью, и ему помогало сохранять нужное направление только то, что он родился и вырос в Изумрудном городе.

— Как о тебе доложить Страшиле Мудрому? — неприветливо спросил Фарамант, когда они пришли во дворец.

Руф Билан, подбоченившись, ответил:

— Я — посол её милости, могущественной волшебницы Арахны!

— Ах, той самой особы, которой мы залепили камнем по макушке! — насмешливо уточнил Фарамант.

— Ничего, вы дорого платите за этот камень, — молвил Руф Билан.

Эти слова показались Стражу Ворот непонятными, но он ничего не сказал, а пошёл с докладом. Страшила принял гонца немедленно. В зале, как всегда, собрался его штаб: Длиннобородый Солдат Дин Гиор, Страж Ворот Фарамант, ворона Кагги-Карр. На тумбочке стоял бесполезный теперь телевизор.

— С каким сообщением ты к нам явился? — спросил Страшила.

— С очень важным, — дерзко ответил посол. — Да будет вам известно, что Жёлтый Туман, от которого все вы, как я вижу, сильно страдаете, навела на Волшебную страну моя повелительница Арахна с целью принудить её народы к покорности.

Заявление Билана было принято с недоверием.

— Чем ты можешь это доказать? — поинтересовался Дин Гиор, кашляя.

— Чем? Если я дам честное слово, вы, конечно, не поверите? Члены штаба рассмеялись, закашлявшись.

— Честное слово предателя? Клянусь троном Великого Гудвина, это самое наглое заявление, какое я когда-либо слышал! — вскричал Фарамант.

— Я так и знал, — не обижаясь, сказал Билан. — Но посмотрите на мой цветущий вид, обратите внимание, что я не кашляю, как все вы. Чем вы это объясните?

— Вероятно, ты отсиживался в каком-нибудь убежище, куда не проникает Жёлтый Туман, — предположил Дин Гиор, любовно

разглаживая бороду, заботу о которой он не бросал даже в этих трудных обстоятельствах.

— На этот раз ты угадал,— согласился Билан.— Но это убежище очень обширно: это владения феи Арахны, над которыми совсем нет тумана.

Члены штаба недоверчиво молчали. Посол снисходительно заметил:

— Я понимаю, что и это доказательство вы считаете недостоверным. Что ж, у меня приготовлено более веское и абсолютно убедительное. Мне кажется, сейчас несколько минут до полудня? — спросил он.

— Солнечные часы не работают, так как солнце не даёт тени,— ответил Фарамант,— но ты не ошибаешься, действительно скоро наступит полдень.

— Так вот, ваше превосходительство, и все вы, господа, здесь присутствующие,— торжественно заявил Руф Билан.— Ровно в полдень фея Арахна снимет Жёлтый Туман, и вы вновь увидите яркое солнце и голубое небо, и это будет продолжаться ровно пять минут! Этого достаточно, чтобы доказать мою правоту, а потом я изложу вам условия, на каких госпожа Арахна избавит вас от Жёлтого Тумана навсегда.

Потекли минуты томительного ожидания.

И вдруг... Ослепительный свет залил Тронный зал, и с непривычки он показался настолько ярким, что Дин Гиор и Кагги-Карр невольно зажмурились. Только нарисованные глаза Страшилы могли вынести безболезненно такую резкую перемену освещения, а Фарамант и Руф Билан были в зелёных очках.

Всё волшебно преобразилось вокруг. Засияли бесчисленные изумруды на стенах и потолке, на спинке трона, и теперь действительно трудно было переносить этот необыкновенный блеск без зелёных очков.

Не успели члены штаба опомниться от изумления, как нерастерявшийся Страшила бросился к телевизору, сделав знак Фараманту. Страж Ворот понял его и быстро вывел посла за дверь: нельзя было выдавать врагу тайну чудесного ящика.

Страшила, протирая запотевшее стекло телевизора, наскоро пробормотал заветные слова: он просил ящик показать ему волшебницу Арахну. И он её увидел.

Колдунья стояла у входа в пещеру с магической тетрадью в руках, как видно, она только что прочитала заклинание, снимающее туман. У неё был торжествующий вид, возле ног Арахны копошились гномы, а в сторонке сушился на площадке ковёр-самолёт.

Да, отныне не оставалось никаких сомнений: Жёлтый Туман был делом рук феи Арахны. И это поразило всех присутствую-

щих в зале, как неожиданный удар грома. С экрана послышались слова колдуньи:

— Кастальо, посмотри на солнечные часы. Прошло пять минут?

— Время истекает, госпожа, — был ответ.

И внезапно точно тёмная пелена возникла перед глазами Страшилы, Дина Гиора и остальных. И это подействовало на них так удручающее, что они едва сдержали горестный крик.

— Вы видите теперь, как велико могущество моей госпожи, —

самодовольно сказал Руф Билан, которого ввели в зал.— Она даже распоряжается солнечным светом! Я уж не говорю о том, что Жёлтый Туман ядовит, надо полагать, вы сами в этом убедились. И теперь вам представляется выбор: или признать себя рабами могущественной Арахны и платить ей дань, какую она соизволит на вас наложить, или медленно чахнуть в ядовитом воздухе, пока вас не настигнет смерть.

Страшила и члены его штаба мрачно молчали. Что тут было говорить? Смерть ужасна, но и рабская жизнь не легче. Правда, соломенному человеку не грозила гибель от удушья, но что он будет делать, когда его подданными останутся одни лишь дуболомы? Нет, тогда он найдёт себе быструю смерть на костре!

Руф Билан снова заговорил:

— Госпожа Арахна не требует немедленного ответа. Она даёт вам трое суток на размышление. За это время вы должны принять решение и сообщить его мне.

Фарамант вывел Руфа Билана за городские ворота и снял с него зелёные очки. Всё посветлело перед глазами посла, и он снисходительно улыбнулся:

— Вот чудаки, сами себе навязали обузу!

Переправившись через канал, Билан пошел в ближнюю рощу и стал ждать, когда за ним прилетит Арахна. Ковёр-самолёт был перекроен и сшит таким образом, что снова получил правильную четырёхугольную форму. Площадь его сделалась меньше, зато он теперь не колыхался в воздухе и не терял равновесия.

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРОВ БОРИЛЯ И РОБИЛЯ

С

рок, данный колдуньей Арахной для размышлений, истекал. Кончались трети сутки, и к полудню должен был явиться за ответом Руф Билан.

Жёлтый Туман по-прежнему висел над страной, и припадки кашля, всё более жестокие, потрясали людей, зверей и птиц. Во дворце Страшилы шли непрерывные совещания, где присутствовали все желающие. В совещаниях принимали участие Прем Кокус и Ружеро. Через несколько дней после появления Жёлтого Тумана обеспокоенный Ружеро оседлал маленький ковёр-самолёт и приказал везти себя в резиденцию Према Кокуса, правителя Жевунов. И это было очень хорошо, что волшебный ковёр сам находил путь к заданной цели, будь то хоть в непроглядную ночь, иначе Ружеро, конечно, сбылся бы с дороги в жёлтой мгле, покрывавшей всё вокруг.

Посовещавшись, два приятеля решили отправиться за советом к Страшиле Мудрому, умнейшему человеку в Волшебной стране, получившему мозги от самого Гудвина Великого и Ужасного. Ковёр не был рассчитан на двух человек, но, поднатужившись, всё-таки дотянул Ружеро и Кокуса до Изумрудного города. Теперь и они вместе со всеми ломали голову над тем, как выйти из трагического положения, в которое поставила их Арахна.

Уступить ей? Сделаться рабами на целый ряд поколений? Или ответить гордым отказом и погубить весь народ, и в первую очередь невинных детей, которые труднее всех переносили пребывание в отравленном воздухе?

Фарамант предлагал дать колдуны притворное согласие на её требование и получить временную передышку, а затем искать средства борьбы с Арахной. Другие считали, что злую фею не так-то просто обмануть. Она потребует заложников, и если народ восстанет, заложники погибнут.

Во время самого горячего спора дверь Тронного зала неожиданно распахнулась и вбежали доктора Бориль и Робиль. Читатели, вероятно, помнят кругленького весёлого Бориля и долговязого тощего Робиля, двух докторов из страны Подземных рудокопов. Эти друзья-соперники вечно спорили, вечно высмеивали один другого, но не могли провести и дня, чтобы не встретиться.

Бориль и Робиль выглядели странно. Из ноздрей у них торчала вата, а рты были заложены большими древесными листьями, державшимися на завязках. Доктора возбуждённо и быстро бормотали что-то непонятное: говорить им мешали листья. Тогда Бориль сердито рванул завязки и убрал лист ото рта.

— Открытие! Великое открытие! — завопил он. — Мы нашли...

— Средство борьбы с Жёлтым Туманом! — подхватил Робиль, тоже освободившись от листа: ему нестерпима была мысль, что его друг один расскажет обо всём.

Доктора, волнуясь и перебивая друг друга, рассказали следующее. После того, как, спасаясь от Жёлтого Тумана, рудокопы с семьями ушли в Подземелье, захватив с собой и Жевунов (на пещеру не распространялось колдовство Арахны), Бориль и Робиль одни остались в посёлке. С их стороны это было настоящим геройством, потому что кашляли они не меньше других. Но два доктора не думали о себе, подвергаясь длительному воздействию отравленного воздуха: они искали средство борьбы с ним. Сначала они убедились в том, что если дышать сквозь марлю, смоченную водой, то Жёлтый Туман не так губительно действует на лёгкие, и кашель смягчается. Хорошее средство, слов нет, но где набрать столько марли, чтобы снабдить ею всех жителей Волшебной страны от мала до велика? А кроме того,

надо ведь подумать и о животных и птицах. И доктора решили, что помочь должна природа.

«Неужели в наших лесах не найдётся деревьев с такими по-ристыми листьями, которые пропускали бы чистый воздух и задерживали вредные частички тумана?» — думали Робиль и Бориль.

Они прошли по лесам и рощам десятки миль, осмотрели сотни разных пород деревьев. Плотные кожистые листья они отбрасывали сразу без исследования — ясно, что они задержат не только туман, но и самый воздух.

Зато листья с мелкими дырочками — пропори — доктора рассматривали и проверяли особенно тщательно. И наконец их терпение увенчалось успехом. Листья с дерева рафалоо оказались такими, что лучше не придумаешь. Поры у них задерживали ядовитые капельки, а чистый воздух проходил свободно. И листья

рафалоо обладали достаточной прочностью, чтобы прикреплять к ним завязки.

Правда, время от времени с листьев придётся смыть налипшие на них капельки тумана, но это не будет стоить большого труда. Окончательно удостоверившись в необычайной ценности своего открытия, радостные Робиль и Бориль поспешили в Изумрудный город.

— Мы всю дорогу дышали сквозь листья рафалоо,— наперебой докладывали доктора,— и кашель у нас почти прошёл.

Это заявление было встречено восторженными aplodисментами.

— Надо немедленно снарядить экспедицию в Голубую страну за листьями рафалоо,— распорядился Страшила.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство,— отозвался Бориль.

— У нас в посёлке работали на постройке плотины пять дуболовов, и они по нашему приказу принесли сюда десять огромных мешков с драгоценными листьями. Хватит на всю страну!

Правитель Изумрудного острова подошёл к стенному шкафчику, открыл его, достал два ордена и молча прикрепил к кафтанам покрасневших от радости докторов.

— Сейчас в этом зале откроется временный кон-суль-та-цион-ный пункт,— сказал Страшила.

— Сейчас же собрать всех городских докторов, медицинских сестёр, сиделок, санитаров,— велел он Фараманту.— Вы, господа, про-ин-стру-кти-ру-е-те их, как пользоваться листьями рафалоо, а они научат народ.

— Кон-суль-та-ци-он-ный пункт... Про-ин-стру-кти-ру-е-те... Какие трудные слова! — с великим уважением прошептала ворона.— И подумать только, что это я посоветовала Страшиле раздобыть мозги! Самой не верится...

Страшила услышал похвалу Кагги-Карр, и голова его начала раздуваться от гордости, из неё полезли иголки и булавки. В этот момент в комнату вошёл Руф Билан. Помощник Фараманта, дежуривший у ворот, пропустил Билана в город без зелёных очков.

Заметив в зале оживление, посол Аракны заговорил:

— Судя по вашим радостным лицам, господа, я полагаю, что отнесу фее Аракне благоприятный ответ. Очевидно, вы решили покориться ей?

Страшила, не торопясь, подошёл к трону, важно уселся на него и суроно отчеканил:

— Наши радостные лица означают, что мы презираем угрозы твоей госпожи и ка-те-го-ри-че-ски отвергаем её власть! Знай, предатель, что мы нашли,— взглянув на Ружеро, который предостерегающе поднёс палец ко рту, Страшила ловко вывернулся:—

мы нашли более приличествующим нашему достоинству ответить на её наглые притязания отказом! С тем и можешь возвратиться к чародейке!

Руф Билан покинул дворец в недоумении, а Ружеро сказал Правителю:

— Вы чуть не выдали врагу важнейшую военную тайну!

— Да, признаюсь, я едва не оплошал из-за своей горячности, и кто знает, какие меры приняла бы колдунья, если бы я преболтался о нашем секрете Руфу Билану. Но, уж коли речь зашла об этом предателе, скажите, почтенный Ружеро, почему ваши рудокопы не перевоспитали Билана после его пробуждения?

Ружеро ответил:

— Из донесения дежурного по пещере я знаю, как обернулось дело. Когда Руф Билан проснулся, его перевоспитание прошло обычным порядком. Однако оно продолжалось всего два дня, а потом Билан исчез. В домике, где он жил, нашли недоеденные лакомства из верхнего мира, а рядом с его следами на дорожке виднелись следы чьих-то маленьких ног...

— Все понятно,— сказал Страшила.— Его увели посланцы Арахны, и колдунья воспитала Билана по-своему. Очень жаль, что так получилось, но теперь этого не исправишь...

Тем временем в зале начали собираться приглашённые во дворец медицинские работники: доктора, сёстры, санитары. Дуболовы внесли мешки с листьями рафалоо и целые охапки завязок. Доктора Бориль и Робиль показывали медикам, какой стороной прикладывают листья ко рту, как прикреплять к ним завязки...

Пока в зале шла деловая суматоха, Страшила подозревал ворону.

— Как ты полагаешь, Кагги-Карр, в окрестностях Изумрудного острова растут деревья рафалоо? — спросил он.

— Почему ты этим интересуешься?

— Видишь ли, доктора принесли много листьев, но их хватит только людям. А мы должны позаботиться также о зверях и птицах. Поэтому экспедиция, о которой я говорил, всё-таки должна состояться. Но Голубая страна слишком далеко от нас. Может, рафалоо есть где-нибудь поближе?

Ворона призадумалась.

— Если мне не изменяет память, я лакомилась плодами рафалоо в Лесу Саблезубых Тигров. Это наполовину ближе к Изумрудному острову.

— Тогда я прошу тебя, распорядись, отправь туда дуболовов, да пусть они возьмут побольше мешков.

Публика в зале начала редеть, доктора, сёстры и санитары покидали дворец, унося с собой необходимый материал для спасения людей от ядовитого тумана. Страшила, в голове которого

так и роились мудрые мысли, завёл разговор с Борилем.

— Дорогой доктор, мы обезопасим от болезни тысячи и тысячи людей, но что вы скажете о зверях и птицах? Неужели мы оставим их погибать?

— Ни в коем случае, ваше превосходительство! — горячо отозвался Бориль. — Но вопрос с ними очень сложен. Придётся прилаживать листья к их ноздрям, И завязки тут вряд ли помогут...

— А что, если их приклеивать? — неуверенно спросил Страшила.

Доктор так и загорелся.

— Ваше превосходительство, вы подали отличную мысль! Именно, именно приклеивать! Мы будем приклеивать кусочки листьев к ноздрям животных и птиц, причём, доложу я вам, с птицами дело будет обстоять даже гораздо проще! Да вот я сейчас попробую! Госпожа Кагги-Карр, пожалуйте сюда на минутку!

Ворона, ещё не успевшая покинуть зал, подлетела к доктору. Тот взял лист рафалоо, искусно вырезал ножницами два небольших кружочка, достал из походной аптечки флакончик клея, смазал края кружков и ловко пришлёпнул их к ноздрям птицы. Кагги-Карр и опомниться не успела, как её клюв украсился по бокам двумя зелёными фильтрами, которые отныне будут задерживать ядовитые частички тумана.

— Ну как, моя дорогая, нравится? — рассмеялся Бориль.— По-моему, эти штучки вас украшают. Посмотритесь в зеркало.

Ловкость доктора поразила всех окружающих. А Кагги-Карр, почувствовав, что ей сразу стало легче дышать, горячо благодарила Бориля.

* * *

В городе открылось несколько медицинских пунктов, где врачи и сёстры снабжали жителей фильтрами рафалоо, в первую очередь обслуживая детей и стариков. Конечно, для еды и питья, для разговора эти фильтры приходилось снимать. Но еда и питьё отнимает у человека не так уж много времени, а разговаривать врачи советовали как можно меньше. Некоторым болтливым кумушкам это пришлось не по душе, но они поневоле смирились.

Зато здоровье жителей пошло на поправку, и они превозносили до небес изобретательных докторов Бориля и Робиля.

По распоряжению Страшилы мешки с листьями рафалоо были отправлены к Мигунам и в долину Марранов.

Страшила не забыл и про Урфина Джюса. Следовало отблагодарить его за проявленную им самоотверженность и спасти от гибели. А Урфин, конечно, погибнет в своём уединении, так как не знает средств от страшного тумана. Деревянный курьер Реллем, не знающий устали, не боящийся отравы, день и ночь бежал к Кругосветным горам с сумкой, где была пачка листьев рафалоо, наставление, как ими пользоваться, флакончик клея для филина.

Помимо этого Фарамант по просьбе Страшилы написал столяру письмо, где приглашал его в Изумрудный город.

«В одиночку невозможно бороться с бедой,— писал Страж Ворот.— Здесь, среди людей, вы найдёте помощь и поддержку. А что касается ваших вин перед обитателями Волшебной страны, то они забыты и прощены. Мы знаем, как благородно вы вели себя при встрече с Арахной, знаем, что не пошли к ней на службу... Вы спросите, как мы об этом поведали. Но это наша военная тайна...»

Первыми вернулись дуболомы, посланные в Фиолетовую страну. Железный Дровосек слал сердечную благодарность за неоценимое средство борьбы с кашлем, которое сразу было пущено в ход. Правда, ему самому это средство не понадобилось, но от ядовитых капелек Жёлтого Тумана его железные члены ржавели с изумительной быстротой. Чтобы не скрипели суставы и двигались челюсти, Дровосеку приходилось смазывать их маслом дважды в день, утром и вечером.

Через несколько дней пришла вторая партия дуболомов, по-

сетившая страну Марранов. Они принесли любопытное известие. Долина оказалась пустой: ни человека, ни зверя, ни птицы! Сначала деревянные люди предположили, что население долины вымерло. Но где же тогда трупы? Старший команды Гитон не поленился пройти несколько миль к северо-востоку. И вот, вынырнув из тумана, он вдруг оказался под горячим солнцем и ясным небом: он достиг владений Стеллы, где не было Жёлтого Тумана. В Розовой стране Гитон обнаружил всё племя Прыгунов. Они просили убежища у Стеллы, и добрая фея гостеприимно впустила их со всеми их скромными пожитками и домашним скотом (диким зверям и птицам пропуска, понятно, не понадобились!). Многие Марраны поселились у Болтунов (так звали подданных Стеллы), а кому не хватило места, устроились в шалаших и палатках.

Вожди Марранов тоже прислали Страшиле привет и искреннюю благодарность. Листья рафалоо и наставление, как ими пользоваться, они на всякий случай оставили у себя: мало ли что ещё выдумает коварная Арахна!

В своё время прибежал и прыткий Реллем с письмом от Урфина Джюса. Низвергнутый король сердечно радовался, что люди простили ему былое зло, и надеялся рано или поздно отблагодарить их за проявленное великодушие. От тонко пошутил насчёт «Военной тайны», о которой писал Фарамант. Конечно, это волшебный ящик Стеллы, которым когда-то стукнул его по голове мальчик из большого мира, но пусть тайна остаётся тайной.

В отношении предложенного гостеприимства Урфин признался, что ему ещё трудно было бы глядеть в глаза людям, которых он прежде так угнетал, над которыми так издевался. Пусть пройдёт время, и всё уладится, писал Урфин.

А с Жёлтым Туманом он нашёл своё средство борьбы. У него на усадьбе есть сарайчик с плотными стенками. Он замазал все щели, обил дверь кроличьими шкурками, а от тумана, наполнившего помещение, избавился оригинальным способом. В железной жаровне он развёл костёрчик из щепок и сырой травы, стараясь, чтобы было побольше дыма. Оседая, частички дыма увлекли за собой капельки тумана, и воздух в помещении очистился. Там, в этом сарае, Урфин и Гуамоко проводят своё время, как в осаждённой крепости, покидая её лишь на самое короткое время. Урфин Джюс робко выражал надежду, что найденный им способ борьбы с Жёлтым Туманом хоть немного поможет жителям Изумрудного города и других стран.

Когда Фарамант прочитал членам штаба послание Урфина, Страшила пришёл в восхищение.

— Я всегда говорил, что у Джюса необыкновенно умная голова! — вскричал правитель Изумрудного города. — Только прежде он направлял её на плохое, а теперь, смотрите, какую прекрасную штуку выдумал! Да ею одной он во многом расплатился за те несчастья, что нам принёс. Я уж не говорю о той великой услуге, которую он оказал стране, не поддавшись на уговоры Арахны. Ведь если бы этот смелый изобретательный человек пошёл на службу к колдунье, они вдвоём наделали бы бесчисленных бед. Урфин — не то что туповатый трусливый Руф Билан!..

В этот же день все комнаты дворца были очищены от тумана по способу Урфина Джюса, и этот способ был обнародован для всеобщего сведения. Но время от времени туман снова проникал в комнаты через незаметные щели. И, конечно, главным средством борьбы с Жёлтым Туманом оставались листья рафалоо: их теперь носили все жители Изумрудного города и окрестностей.

Несмотря на отчаянное сопротивление Фараманта, Страшила

издал указ, позволяющий горожанам снять зелёные очки. Обитатели города приняли его с восторгом: теперь они стали видеть за полсотни шагов кругом, и уже это было облегчением. Только Страж Ворот остался в очках и бродил по улицам, натыкаясь на прохожих. Для него день был непроглядной ночью, и всё-таки упрямый Фарамант не желал нарушить приказ Гудвина.

В лесах и на полях Изумрудной страны открылись сотни медицинских пунктов для зверей и птиц. Длинными очередями вытянулись перед медсёстрами зайцы, пумы, волки, лисицы, медведи, белки... В птичьих вереницах не слышно было обычного весёлого щебетанья и звонких песен. Вороны, соловьи, ласточки, галки, малиновки стояли, угрюмо уткнув клювы в землю.

В очередях соблюдался нерушимый мир между всеми породами зверей. Если какой-нибудь хищник пытался обидеть слабого, ему давали здоровенную нахлобучку и ставили на лбу клеймо несмываемой краской: отныне его не примут ни на одном пункте. И угроза такой кары действовала отлично: самые свирепые хищники становились смирными, как овечки.

За порядком тоже следили очень строго. Если какой-нибудь взъерошенный воробей или хитрая кумушка-лиса пытались проскочить вне очереди, нахалов тут же изгоняли с позором.

Звери и птицы с зелёными фильтрами на ноздрях часа два неподвижно лежали или стояли где-нибудь в укромном уголке, чтобы подсох клей. Зато потом наступало быстрое улучшение здоровья четвероногих и крылатых пациентов.

НОВАЯ БЕДА

Однажды Руф Билан вернулся после второго посещения Изумрудного города, он доложил колдунье о неблагоприятном результате:

— Народы Волшебной страны ка-ре-го-ти-че-ски отказываются признать вашу власть, госпожа! — заявил Билан.

— Ка-ре...ка-те-ри... А что это значит?

— Не могу знать, повелительница. Страшила Мудрый очень любит такие длинные слова. Наверно, это означает: ни под каким видом.

— Ну так бы и говорил. В моё время не употребляли таких мудрёных слов.

О том, какое средство для борьбы с Жёлтым Туманом придумали люди, разузнали и доложили Арахне всеведущие гномы.

Они даже принесли образцы листьев рафалоо (гномы сами ими пользовались, когда проникали в зону отравленного воздуха).

— Листья рафалоо... Гм!... — Фея долго раздумывала. — А что если я прикажу вам оборвать все листья с деревьев рафалоо? Тогда людышкам негде будет взять замену тем, что износятся и перестанут служить.

— Что вы, милостивая госпожа?! — взмолился Кастальо. — В Волшебной стране тысячи деревьев рафалоо, и на них миллионы листьев. Разве нам справиться с такой непосильной задачей!

— Да, жаль, жаль... Ну, ничего, Жёлтый Туман ещё себя покажет!

И он действительно показал. Вскоре после того, как люди с грехом пополам справились с кашлем, обнаружилось, что Жёлтый Туман вредно действует на зрение. Глаза воспалялись, утром трудно было разлепить веки, приходилось промывать их водой. Люди и раньше-то плохо видели сквозь туман, а теперь поле зрения ещё больше сократилось. За пределами пятнадцати-двадцати шагов начинался сплошной мрак, и это было ужасно.

Страшила обратился за помощью к Борилю и Робилю. Доктора не ушли в Подземелье, а остались жить в Изумрудном городе и продолжали свои научные изыскания.

— У нас есть средства борьбы с воспалением глаз, — ска-

зал Бориль.— Мы пускаем пациентам в глаза специальные капли... Но! — Тут кругленький доктор поднял палец.— Но помогает это лишь в том случае, если устранена причина болезни. А какие же капли исцелят её, если на глаза всё время будет действовать ядовитый туман?

Тут в разговор вмешался Робиль.

— Очки! — важно сказал он.— Надо носить очки, плотно прилегающие к коже. Частички тумана не станут попадать на роговицу, и воспаление можно будет излечивать каплями.

Пылкий Бориль кинулся обнимать товарища.

— Коллега, ты — гений! — кричал Бориль. — Ты — абсолютный и неповторимый гений! И твоё предложение легко осуществимо: в нашем поселении хранится несколько тысяч пар очков, которые мы перестали носить за ненадобностью года четыре назад.

— Но они же тёмные,— возразил Страшила.— Глаза будут защищены, а люди ничего не увидят.

— Пустяки,— разъяснил Робиль.— Они сделаны из обыкновенного стекла и замазаны тёмной краской. Мы её смоем.

Страшила, не говоря ни слова, достал из шкафчика ещё два ордена и навесил на грудь докторов.

Через час все деревянные курьеры, какие только оказались в городе, мчались в поселение рудокопов с чемоданчиками и корзинками. Их бригадиру вручили ключ от помещения, где лежали очки, и отдали приказ упаковывать их с величайшей тщательностью.

Решили пустить в ход и зелёные очки Фараманта, который сразу возгордился и высоко поднял нос.

— Я ведь говорил! Я говорил! — повторял он.— О, Гудвин был великий мудрец! Он всё предвидел, даже Жёлтый Туман!

Но чтобы пустить в ход зелёные очки, надо было проделать над ними большую работу: снабдить их кожаными наглазниками. За это усадили всех городских сапожников.

По городу прошли глашатаи и объявили приказ Правителя:

«Жёлтый Туман вызвал опасное э-пи-де-ми-че-ское заболевание: воспаление глаз. В качестве про-фи-ла-кти-че-ских мер («Что это такое? — спрашивали друг друга горожане) всем жителям города и окрестностей предписывается следующее:

1. У кого есть очки с наглазниками, носить не снимая.
2. Находясь у себя дома, завязывать глаза полотняными или марлевыми бинтами, почаше смачивая их холодной водой.
3. Стремиться поменьше держать глаза открытыми.
4. С завтрашнего дня вновь начнут работать медпункты, где болеющим воспалением глаз будут пускаться капли.

5. Всем аптекарям немедленно приступить к производству глазных капель в возможно большем количестве.

6. Начать производство очков с наглазниками, не пропускающими ядовитого тумана; о сроках их раздачи населению будет объявлено дополнительно.

7. Правитель Изумрудной страны Трижды Премудрый Страшила надеется на дис-ци-пли-ни-ро-ван-ность населения и на неу-кос-ни-тель-но-е выполнение его указаний».

— Какие слова! — восхищённо шептали горожане, слушая глашатаев.— Какие чудесные, длинные и непонятные слова! Нет, с таким Правителем не пропадём, он выручит нас из беды!

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ СТРАШИЛЫ

С

помощью профилактических и лечебных мер, предпринятых Страшилой и его штабом, куда отныне вошли и дважды орденоносные доктора Бориль и Робиль, с глазными заболеваниями людей более или менее удавалось бороться. Плохо чувствовали себя звери и птицы. Люди предохраняли их лёгкие от ядовитого тумана, пустив в ход листья рафалоо. Но очков на всех невозможно было напасти, да и очки пришлось бы делать самых всевозможных форм и размеров.

По птичьей эстафете всем зверям и птицам был преподан единственный совет, который они могли выполнить: поменьше держать глаза открытыми. Жизнь на полях и в лесах почти замерла. Ещё травоядные животные кое-как выходили из положения: траву можно щипать и зажмуряясь. А хищники, которым для погони за добычей не обойтись без верного и зоркого глаза, валились с ног от истощения. Птицы, питающиеся насекомыми: мухоловки, стрижи, щеглы, кукушки, мрачно нахояхлясь, сидели на ветках, и только неугомонные дятлы, закрыв глаза, долбили кору деревьев, оживляя лес своим звонким стуком.

И в эти трудные для страны дни начали наблюдаваться тревожные явления, на которые вначале обратили внимание только наиболее проницательные люди. Жёлтый Туман покрывал Волшебную страну более трёх недель. Уже говорилось о том, что солнце на небе представлялось тускло-багровым кругом, и лучи его потеряли силу. Едва пробиваясь сквозь туман, они не могли давать былого тепла, и это сказывалось с каждым днём всё сильнее. Колосья на хлебных полях не поднимались и хирели, во фруктовых рощах плоды не наливались соком, они висели на ветках сморщенными, тощие...

Страну ждал такой неурожай, какого не бывало в течение тысячелетий. Конечно, один неурожай ещё можно пережить за счёт накопленных запасов, но что станется с животными и птицами? И ведь за этим неурожаем никогда не придёт новая весна. Волшебная страна шла навстречу гибели. Злая Арахна нанесла ей смертельный удар.

* * *

В Изумрудный город прибыли дорогие гости из Фиолетовой страны: Железный Дровосек, то и дело смазывавший челюсти и суставы из золотой маслёнки, и механик Лестар с помощниками. Отряд дуболомов принёс несколько охапок бамбуковых труб, изготовленных Мигунами. Когда-то Лестар слышал от одногоного моряка Чарли Блека, как устраивается паровое отопление, и теперь решил подготовить дворец Страшилы к предстоящим холодам.

Лестар доложил, что в Фиолетовой стране тоже начато производство очков с наглазниками. Это было сделано после того, как от Страшилы явился специальный курьер с тремя парами очков для образца. Работа шла полным ходом, за неё взялись искусные мастера, которых так много среди Мигунов. Лестар сообщил и о том, что воздух в Фиолетовом дворце и жилищах Мигунов ежедневно очищается по способу Урфина Джюса: это очень помогает в борьбе с Жёлтым Туманом. Страшила и его штаб порадовались этим известиям.

Через несколько дней, хромая после долгой дороги, пришёл Смелый Лев. Неудержимо кашляя и щуря воспалённые глаза, он сообщил, что благополучно переправил свою семью и подданных в Розовую страну под покровительство доброй Стеллы. Сам же он решил отправиться в Изумрудный город для того, чтобы проверить дошедшие до него смутные слухи о бедствии, свалившемся на Волшебную страну и вызванном кознями злой волшебницы.

Доктора Робиль и Бориль тотчас занялись лечением царя зверей. После того как они устроили ему продувание лёгких и несколько раз пустили в глаза капли, Льву стало гораздо легче. Но с забинтованными лапами, с зелёными фильтрами на ноздрях и в огромных очках он утратил свой царственный вид и насмешил этим Страшилу.

Когда доктора закончили свои процедуры и оставили Льва в покое, он сказал:

— А у нас шёл снег; так называла его кухарка Фрегоза, а она слышала это слово от Элли, когда та рассказывала ей про Канзас.

— Что такое снег? — спросил Фарамант.

Вопрос был неудивителен: в Волшебной стране уже несколько тысячелетий царило вечное лето. Лев разъяснил:

— Снег — это мягкие белые хлопья, которые летят с неба. Они походят на тополиный пух, но холодные. Впрочем, они тают, когда падают на звериную шкуру или на землю, и из них получаются капельки воды...

В разговор вступила ворона. Она сказала:

— Когда я летала над Кругосветными горами, отыскивая там путь для Элли и Великаны из-за гор, я видела очень много снега. Он действительно белый, но совсем не такой мягкий, как говорит Лев. Снег лежит на горных склонах и такой твёрдый, что человек ходит по нему не проваливаясь.

Все невольно обратились к окну, чтобы посмотреть на сияющие снежные вершины, которые хорошо видны были из города в безоблачную погоду, но — увы! — всё заслоняла мутная мгла.

Кагги-Карр продолжала:

— Элли и мне рассказывала, что у них, в большом мире, раз в год наступает время, когда сверху сыплется очень много снега и приходят холода. Люди говорят: наступила зима. Зимой вода

от холода становится твёрдой, и её зовут льдом. Но люди легко переносят зиму, потому что у них есть тёплые жилища и тёплая одежда.

Страшила вдруг встрепенулся и, приложив палец ко лбу, за-боромтал:

— Одежда... жилища...

Все смотрели на Правителя в недоумении, а он, велев молчать, сказал:

— Буду думать!

Голова Страшилы раздулась до чудовищных размеров, из неё высунулись ржавые булавки и иголки — как видно, и на них подействовал ядовитый туман. Воспользовавшись удобным случаем, Дровосек смазал их маслом.

Долго продолжалось раздумье Страшилы, которое никто не смел нарушить. И вот Правитель торжественно объявил:

— Мы должны вызвать сюда Энни и Тима! — Потом он начал подробно развивать свою мысль: — Люди из-за гор привнесли Волшебной стране много пользы. Кто построил Изумрудный город? Гудвин. Правда, он оказался не волшебником, и, однако, своим высоким положением все мы, и Дровосек, и Лев, и я, обязаны ему. А Элли? Сколько она сделала нам добра! Она уничтожила злых волшебниц Гингему и Бастинду, она и её дядя Великан из-за гор помогли нам победить деревянных солдат Урфина Джюса. Элли вывела Подземных рудокопов из пещеры и освободила их от власти жестоких королей. Э, да что там говорить об Элли, мы все знаем её подвиги. Я лучше напомню вам, как Энни и Тим обеспечили нам мир с воинственными Марранами и окончательно низвергли власть коварного Урфина... — Страшила перевёл дух после долгой речи и устало закончил: — Вот почему я повторяю, подчёркиваю и ре-зю-ми-ру-ю: только Энни и Тим принесут спасение Волшебной стране. Они научат нас строить тёплые жилища и шить зимнюю одежду. И может быть... может быть, они даже сумеют победить злую Арахну!

Бурные крики одобрения заглушили последние слова Правителя. Все члены Большого Совета были так уверены в могуществе людей из-за гор, что им уже казалось, будто все опасности миновали. Оставалось только придумать, как подать весть Энни и Тиму и как доставить их в Волшебную страну.

Вопрос был серьёзный, все погрузились в размышление. После долгого молчания голос подал Ружеро.

— Друзья, — сказал он, — у нас имеется только один выход из положения. Мы должны послать за ребятами дракона Ойххо. Он уже отвозил в Канзас Элли и Фреда, дорогу знает, и мы можем всецело положиться на его верность и сообразительность.

Трудно было что-нибудь возразить против такого дельного

предложения, все проголосовали «за» и перешли к обсуждению подробностей. Что лучше — послать письмо или гонца?

Письмо написать недолго, но в нём не расскажешь всего, что нужно, да и, кроме того, буквы на бумаге не имеют такой силы убедительности, как живая речь. Страшила поглядел на Кагги-Карр. Та поняла этот взгляд и покачала головой.

— Друг мой, я отправилась бы с удовольствием, но ты забыл, что за пределами Волшебной страны я теряю дар людской речи. Какая польза от бессловесного гонца? Надо послать человека.

Были выдвинуты две кандидатуры — Фараманта и Лестара. Обоих кандидатов знала Энни, оба умели и любили поговорить, но механик был нужнее в Изумрудном городе, ведь он собирался устанавливать центральное отопление во дворце.

— Поедет Фарамант, — был общий голос.

Страж Ворот не стал отказываться. Ему страшноватым казалось такое далёкое путешествие, да ещё по воздуху, на спине дракона. И в то же время заманчиво было увидеть большой мир — единственному из десятков тысяч жителей Волшебной страны.

Времени терять не приходилось: каждый лишний день приближал наступление зимы, этого незнакомого и страшного явления природы, впервые за долгие века грозившего Волшебной стране.

Ойххо, как и другие драконы, скрывался от Жёлтого Тумана в пещере. Было бы бессмыслицей вызывать его в Изумрудный город, это отнимет несколько драгоценных дней. Но и Фарамант прошагает слишком долго на своих коротеньких ножках, если пойдёт в Голубую страну пешком. Лестар и его помощники быстро соорудили лёгоночные носилки, а носильщиками назначили двух деревянных курьёров. Быстроногие, неутомимые, они часов за сорок доставят Фараманта в пещеру, а там рудокопы, повинувшись письменному приказу правителя Ружеро, снаряжат маленького человека в дальнейший путь. В самый последний момент ворона Кагги-Карр решила сопровождать Фараманта, и против этого никто не возражал. Всё-таки вдвоем ехать веселее, а лёгоночная Кагги-Карр не отяготит ни курьёров, ни могучего дракона.

И вот деревянные курьёры быстрым упругим шагом понесли удобно устроившегося на носилках Фараманта.

Впереди бежал третий деревянный курьер и кричал:

— Дорогу! Дорогу!

В те дни не так-то легко было продвигаться по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом. Её запрудили бесчисленные стада животных, собиравшихся искать убежища в пещере. Они не знали, впustят ли их туда люди, но слышали, что там, в Подземелье, никогда не бывает холода. По дороге шли зайцы, еноты и кролики, антилопы поднимали над толпой свои гордые головы, тяжело ступали бизоны и лоси.

Тигры, рыси, гиены, волки и лисы пробирались по обочинам дороги. У хищников был свой расчёт. Они знали, что их в пещеру не пустят, и думали пробраться в страну доброй феи Виллины, где по-прежнему стояло лето; слух об этом разнесли птицы. Само-то птицы давно уже нашли спасение от морозов во владениях Стеллы, Виллины и Арахны.

Злая волшебница бесилась, видя, как её леса и луга с каждым днём всё гуще заселялись зверями и птицами из областей, охваченных туманом. Но она ничего не могла поделать с непрощенными гостями, уж очень их набиралось много.

Арахну страшно злило и сопротивление людей. Оно продолжалось слишком долго, а ведь она рассчитывала на скорую, победу. Жёлтый Туман делал своё губительное дело: разъедал лёгкие людей и животных, заставлял слезиться глаза, ослаблял зрение... Но эти хитрые люди нашли хитрые средства для борьбы с бедой. Они дышали отравленным воздухом сквозь листья рапфалоо, и ядовитые капельки не проникали к ним в грудь. Они защищали глаза очками с плотными наглазниками, и туман оседал на стёкла. Они очищали воздух в своих жилищах по способу Урфина Джюса, того самого Джюса, который отказался служить ей, могучей Арахне, а вместо этого навредил ей в осуществлении её планов.

По дорогам, хоть они были скрыты туманной пеленой, люди ходили почти с прежней скоростью: через каждые 20—30 шагов стояли столбы с указателями, где было написано, какой путь куда ведёт.

Да, подчинить себе людей оказалось не так-то просто!

НА ФЕРМЕ ДЖОНА СМИТА

П

олные жизни и силы мёханические скакуны Цезарь и Ганнибал совершили долгий путь от Фиолетового дворца до канзасской фермы и примчали Энни и Тима в объятия обрадованных родителей¹. Сейчас же вызвали из колледжа Элли, и рассказы отважных путешественников об их приключениях заняли несколько дней.

Элли горько раскаивалась, что уговорила судей пощадить Урфина Джюса и вместо суровой кары за его преступления ограничиться изгнанием.

— Если б я знала, что он сумеет обмануть Прыгунов... Что он опять захватит Изумрудный город!.. Если б я знала... — печально говорила она.

— Но ведь всё кончилось благополучно, — утешала её Энни. — И он никогда больше не добьётся власти! Тим со своим волейболом окончательно разбил все его мечты, и при этом не пролилось ни капли крови!

Слушатели невольно улыбались, представляя себе удивительную картину, как Марраны, спешившие на смертельный бой, вдруг превратились в азартных игроков и, вместо того чтобы наносить удары врагу, стали бить по мячу.

А потом Тим и Энни пошли в школу, и занятия захватили их целиком. Грамматика и арифметика, чистописание, история и география родной страны... Утром в классе, вечером надо готовить уроки. Захватывающие приключения понемногу забывались.

В конце учебного года случилось событие, необычайно обрадовавшее всех на ферме: капитан Чарли Блек явился навестить родственников.

Одноногий моряк приезжал к Смитам несколько лет назад, когда Энни была ещё совсем маленькой. Но она сразу узнала дядю: Чарли изменился мало. Всё та же мускулистая, подтянутая фигура, чуть больше загорело лицо, прибавилось две-три морщинки на лбу, погуще стала седина и, как всегда, обкуренная трубка в зубах.

И по-прежнему постукивает по дороге деревяшка, оставляя в пыли круглые следы.

Чарли Блек только что вернулся из очередного плавания на острова Куру-Кусу, где вёл меновую торговлю со своими друзьями людоедами. Моряк привёз родным многочисленные подарки: большие раковины, в которых слышался отдалённый гул

¹ См. сказку «Огненный бог Марранов».

моря, если поднести их к уху; деревянных божков с причудливо раскрашенными лицами; чучела попугаев в ярких перьях... Чарли не обделил и ребят с соседних ферм. Тиму О'Келли достался тугой лук со стрелами, и мальчишка после уроков пропадал в степи, гоняясь за куропатками и сусликами.

Конечно, едва лишь Чарли Блек вступил на гостеприимную почву фермы Смитов, как узнал о путешествии Энни и Тима в Волшебную страну.

— Клянусь всеми ураганами южных морей,— вскричал Чарли, яростно пыхтя трубкой,— я вижу, что младшей сестре везёт на приключения не меньше, чем старшей! Но стоп, отдать якоря! Пусть девчонка сама поведает о своих похождениях до мельчайших подробностей, и пусть её поправляет Тим, если она что-нибудь перепутает, и пусть рядом сидит Артошка, смотрит мне в глаза и вилянием хвостика подтверждает правдивость повествования!

Желание Чарли Блека было исполнено. Несколько вечеров просидел он с ребятами на большом камне в степи, слушая длинную повесть об Огненном бое Марранов, восхищаясь, негодуя, пересыпая речь морскими проклятиями.

— А где же у тебя серебряный обруч лисьего короля? — спросил он племянницу, когда рассказ окончился. — Ты привезла его с собой?

— Зачем? — удивилась девочка. — Ведь в Канзасе он не имел бы своей чудесной силы. Я оставила его в Фиолетовом дворце, у Железного Дровосека.

— Жаль, жаль, — нахмурился моряк. — Серебро и рубины везде имеют цену.

— Ну, дядя, деньги — это не всё в жизни! — смело возразила Энни. — Здесь мы получили бы за него сколько-то долларов, а там он, быть может, пригодится моим друзьям для какого-нибудь важного дела...

— А пожалуй, ты и права, девочка, проглоти меня кит! — согласился старый моряк.

Механические мулы, которых Чарли осмотрел в первый же день после приезда, привели его в восхищение. Он гладил их шелковистую кожу, ощущая под ней сильные мускулы, трепал мулов по пышным гравам, ласково разговаривал с ними, а они в ответ звонко ржали.

В хозяйстве Джона Смита Цезарь и Ганнибал играли немаловажную роль. Скромная кобылка Мери теперь отдыхала, а все полевые работы достались на долю мулов. Запряжённые парой в плуг, они вспахивали поле, затем тащили тяжёлую борону и так трудились до самой уборки урожая.

Мулы управлялись со всеми делами так легко и быстро, что у Джона оставалось много свободного времени, он нанимался пахать и убирать хлеб к соседям, и это приносило ему порядочный доход. Фермер не мог нарадоваться на своих послушных неутомимых помощников и отводил их в конюшню только в те дни, когда не было солнца. А сколько благодарственных писем написала Энни под его диктовку Фреду Каннингу, теперь уже инженеру на механическом заводе братьев Осбальдистон в штате Миннесота!

Конечно, Чарли Блек прокатился на механическом мule, и не раз. Оседлав Ганнибала, капитан, искусный наездник, как все моряки, скакал по гладкой степной дороге, а рядом с ним визжала от восторга Энни, вцепившись в гриву Цезаря.

— Быстрей, ещё быстрей! — кричала девочка, переводя регулятор скорости на самый полный ход.

Пребывание Чарли Блека у родных подходило к концу, когда случилось событие, поломавшее все его планы и увлекшее одногого моряка в новые необыкновенные приключения.

ГОНЕЦ ИЗ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ

днажды Чарли Блек, Энни и Тим засиделись в степи до поздних сумерек. Тим неотвязно упрашивал моряка взять его с собой в плавание.

— Ведь это неважно, капитан, что мне только одиннадцать, — говорил мальчик. — Посмотрите, какой я большой и сильный. Выставьте против меня пятнадцатилетнего, и ещё вопрос, кто одолеет. Из меня выйдет юнга первый сорт, ого-го!

Попыхивая трубкой, Блек отшучивался.

— И не жалко тебе расставаться с подружкой, Тим? Она будет так скучать по тебе!

Тим нахмурил брови и повторил слышанные от взрослых слова:

— Мужчины должны искать счастья в чужих краях, а удел женщины оставаться у домашнего очага.

Капитан смеялся до слёз.

— Ловко сказано, клянусь айсбергами! Но знаешь что, мужчина, годика через три-четыре я опять нагряну в эти края, а ты к тому времени подрастёшь, и я возьму тебя прямо матросом.

Такое обещание не очень устраивало Тима, он собрался спорить и дальше, но тут внимание дальнозоркого моряка привлекла тёмная точка в вечернем небе. Она быстро росла, приближаясь, и уже превратилась в силуэт странных очертаний. На фоне заката можно было различить уродливую голову с гребнем на длинной шее, по бокам туловища взмахивали огромные крылья, а на спине виднелась небольшая клетка.

— Дракон, клянусь морской пучиной, это дракон! — вскричал Чарли. — Точь-в-точь такого мы с Элли видели в пещере, когда шли подземным ходом!

— И это может быть только Ойххо! — в восторге взвизгнула Энни.

— Конечно, Ойххо! — подтвердил Тим. — Лишь он один знает дорогу в Канзас!

Дракон, блестя жёлто-белым брюхом, описывал большие кривые над вскочившим моряком и детьми. Чья-то голова в остро-конечной шляпе прижалась к прутьям кабинки и разглядывала людей.

— Фарамант! Энни, это Фарамант! — восхищённо заорал Тим и замахал руками, приглашая дракона спуститься на землю.

Чудовище с шумом приземлилось, в кабине открылась дверка, из неё выпала верёвочная лестница, и по лестнице начал спускаться маленький человечек в зелёном кафтане и зелёных очках. Но прежде чем он одолел пару ступенек, из кабинки выпорхнула

чёрная птица и радостно устремилась на грудь Энни.

— Кагги-Карр! — воскликнула Энни.

Девочка прижала к себе ворону и ласково гладила её взъерошенные чёрные перья.

— Кагги-Карр, дорогая, милая, как я рада вас видеть!

Ворона тихо и нежно каркала.

Маленький человечек в зелёных очках наконец спустился с лестницы и дружески поздоровался с Чарли Блеком и ребятами.

— Я очень рад видеть вас, Великан из-за гор,— сказал он,— рад видеть Энни и Тима. Я прилетел сюда на драконе Ойххо с необычайно важным поручением...

Услышав своё имя, дракон повернулся к Энни свою безобразную голову с большими умными глазами, и девочка подошла к нему, погладила по чешуйчатой шее. Довольный Ойххо ударил по земле длинным извивающимся хвостом.

Фарамант коротко и деловито изложил события, произошедшие в Волшебной стране за последние месяцы: пробуждение злой феи Арахны от пятитысячелетнего сна; её намерение обратить в рабство обитателей страны; гордый отказ свободолюбивых народов; и, наконец, губительное действие Жёлтого Тумана, насланного колдуньей.

— Теперь у нас вся надежда на Энни и Тима,— закончил свой печальный рассказ Страж Ворот.— Они помогли нам в борьбе с Урфином Джюсом и воинственными Марранами. А теперь мы думаем, что они научат нас бороться с зимой, надвигающейся на наши поля и леса...

Выслушав Фараманта, капитан покачал головой и сказал:

— Вы жестоко ошибаетесь, друг мой, если думаете победить зиму, построив тёплые жилища и тепло одевшись. У нас зима приходит и уходит, и за ней следует весна и лето. А у вас, как я понял из ваших слов, зима будет продолжаться вечно, если не исчезнет Жёлтый Туман. Но он не исчезнет, пока жива коварная Арахна. Значит, вопрос стоит так: либо победа над колдуньей, либо гибель Волшебной страны. И пусть моя деревяшка пустит корни в землю, если я не вмешаюсь в это дело и не постараюсь спасти ваш чудесный, неповторимый край!

— Ур-ра! — звонко закричали ребята и бросились обнимать самоотверженного моряка.

— А что, в самом деле, может удержать такого всесветного бродягу, как я? — продолжал капитан.— Напишу помощнику, чтобы корабль отправился в плавание на Куру-Кусу без меня, а сам пущусь в новый рейс на драконе! Надо же испытать и этот вид сообщений!

Фарамант смахивал слёзы радости, катившиеся из-под зелёных очков, а ворона весело кувыркалась в воздухе.

— Я вас правильно понял, почтенный Великан из-за гор? — робко спросил Страж Ворот. — Вы решились лететь к нам и вступить в борьбу со злой Арахной?

— Да, — коротко отрезал моряк.

— Тогда моя миссия увенчалась таким успехом, о каком мы даже не мечтали, — заявил сияющий Фарамант. — Подумать только, сам Великан из-за гор станет воевать с колдуньей за наше благополучие. О, я заранее уверен в успехе!

— Не слишком ли вы преувеличиваете мои силы? — улыбнулся Чарли Блек и вынул изо рта погасшую трубку, чтобы снова разжечь её.

— О нет, нет, великий наш друг и покровитель! — горячо заверил Фарамант.

— Ну, а нас ты возьмёшь с собой, дядюшка Чарли? — осторожно осведомилась Энни.

— Вас? — Моряк лукаво улыбнулся. — Насчёт вас надо ещё хорошенько подумать.

— А что тут думать? — возмутилась девочка. — Ведь Ойхxo прилетел не за тобой, а за нами! Ты же случайно оказался на нашей ферме.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Чарли. — Обо всём этом надо говорить с вашими родителями. А пока придумайте, куда девать дракона на то время, пока он будет здесь.

Фарамант сказал, что Ойхxo специально рассчитал время своего полёта, чтобы явиться в эти края поздним вечером и не будоражить местное население. Он и так наделал достаточно переполоха прошлый раз, когда привёз Фреда и Элли. Тогда получилась ошибка, и на луг, куда спустился дракон, народу сбежалось чуть не половина штата.

К счастью, Тим знал неподалёку глубокий, никем не посещаемый овраг. Туда и упрыгали дракона, наказав ему лежать смирно, и обещали приносить ему по ночам еду.

Целую ночь на фермах Смитов и О'Келли горел свет, целую ночь ни взрослые, ни дети не смыкали глаз. Шло совещание по поводу того, отпустить или нет Энни и Тима во второй раз в Волшебную страну. Желание Чарли Блека отправиться на борьбу с Арахной не обсуждалось: Чарли был взрослый человек, сам за себя отвечал, да и жизнь закалила его в опасных приключениях.

Под утро Смиты и О'Келли пришли к единогласному решению: уж если ребята вдвоём съездили в Страну Чудес на механических мулах и благополучно вернулись, то тем более можно отпустить их под присмотром капитана Блека, да ещё на таком надёжном виде транспорта, как ручной дракон. Приняли во внимание и то, что речь шла не о развлекательной поездке, а о спасении от гибели целой страны.

Но вместе с тем Энни и особенно Тиму, задорный характер которого был хорошо известен в окруже, строго-настрого наказали в драку с колдуньей не ввязываться и вообще держаться от всяких опасностей как можно дальше. Ребята подозрительно легко дали такое обещание.

Когда первые лучи рассвета озарили небосклон, на обеих фермах все крепко спали, утомлённые бессонной ночью.

Три дня понадобилось на сборы. Хотя рюкзак одноногого моряка и его карманы по-прежнему казались неисчерпаемым

хранилищем инструментов, этого было мало для серьёзной цели, какую поставил себе Чарли Блек. Он съездил в соседний городок и купил там кипу толстого листового железа и ножницы для резки металла. На механическом заводе капитан заказал несколько десятков пружин из лучшей стали, от самых больших и сильных до маленьких и слабых. В заказ вошёл огромный набор болтов, гаек, разводных ключей самых различных размеров. Чарли Блек заплатил дороже обычной цены, и заказ был выполнен вне очереди.

На все вопросы о том, зачем он запасает такое количество металла, капитан только загадочно улыбался.

Дракон Ойххо смирился в своём убежище. К нему тайком приходила повидаться Элли, которой капитан сообщил о прибытии посланцев из Волшебной страны. Но особенно радостным было свидание Элли с Кагги-Карр и Фарамантом. Кагги-Карр не могла словами выразить своих чувств, но она так нежно ласкалась к девушке, что всё было понятно и так. А Фарамант передал Элли горячий привет от Страшилы, Железного Дровосека, Смелого Льва и всех прочих её друзей. Он рассказал о грозных событиях, потрясших страну, а под конец передал Элли приглашение Страшилы приехать в Изумрудный город учительницей, когда она окончит колледж.

Страшила обещал построить для Эллиной школы такое здание, какого ещё не видано было в мире. Его план уже был в голове Правителя, а дуболомы начали заготовлять строительные материалы, но как раз в это время и стряслась у них беда. Но с этой бедой они справятся, и школа будет построена. Элли улыбнулась и обещала подумать над таким лестным предложением.

На прощанье Фарамант подарил Элли свои зелёные очки: сувенир из Волшебной страны. С его стороны это было большой жертвой: ведь, выполняя приказ Великого Гудвина, Страж Ворот не снимал очков много лет и так к ним привык, что они казались ему частью его лица.

По ночам Тим и Энни привозили дракону целую тележку разной снеди: котёл каши, пять вёдер варёной свёклы, два мешка хлеба и ещё много разных разностей.

Пока на заводе выполнялся заказ Чарли Блека, моряк не сидел сложа руки. Вместо маленькой клетки, в которой прилетели Фарамант и Кагги-Карр, искусный мастер сделал просторную кабину: в ней с удобством могли разместиться четыре человека и их багаж. О том, чтобы взять с собой механических мулов, не могло быть и речи. Во-первых, для них потребовалась бы слишком большая кабина; а во-вторых, и это самое главное — мулы не будут заряжаться солнечной энергией в Жёлтом Тумане и, значит, окажутся бесполезными.

И вот настал час расставанья. Все обитатели двух ферм в глухое ночное время собрались около уединённого оврага. Рядом с оврагом на ровной площадке чернела колоссальная туша дракона. Перед полётом Ойхxo съел двойную порцию пищи, чтобы не проголодаться дорогой. Кабина была примотана к туловищу крылатого ящера прочными ремнями, тюки с листовым железом, пружинами и инструментами разместились ближе к хвосту. Дракону предстояло нести тяжёлый груз, но для его огромной силы это было нипочём.

Последние горячие поцелуи, объятия, добрые пожелания и строгие наказы... Перед тем как подняться по верёвочной лестнице, моряк спросил у племянницы:

— Ты не забыла взять Тилли-Вилли?

— Нет, дядюшка, он лежит у меня в рюкзаке.

Тилли-Вилли был языческий божок, которого капитан подарил Энни. Из всех божков, привезенных им с островов Куру-Кусу, этот отличался особым безобразием. Для какой тайной цели взял его с собой Чарли Блек, будет сказано позднее.

Последним в кабину поднялся Тим О'Келли. Он нёс под мышкой пёсика Артошку, который также стал участником необыкновенной экспедиции, снаряжённой для спасения Волшебной страны от козней злой Арахны.

Ойхxo взмахнул могучими крыльями, вихрь пыли и сухих травинок закрутился вокруг провожающих, и вот уже дракон исчез в тёмном ночном небе.

ПОЛЁТ НА ДРАКОНЕ

Компания путешественников спокойно проспала несколько часов на удобных диванчиках под мерное потряхивание кабины. Когда Чарли Блек и остальные проснулись, позади осталось уже много десятков миль пути. Капитан и его спутники завтракали и стали смотреть в окошки кабины. Но мало что можно было разглядеть с большой высоты, на которой держался Ойхxo, и ребята заскучали.

Моряк начал рассказывать длинную историю о приключениях, пережитых им в Южной Африке, когда он был ещё молод.

Дракон Ойхxo всё нёс людей на своих мощных крыльях, и впереди показалась Великая пустыня. Неодолимое и грозное препятствие для пешеходов и конников, Великая пустыня надёжно отгораживала Волшебную страну от остального мира. Но Ойхxo легко и быстро взмахивал огромными кожистыми кры-

льями, его не страшили ни пески, ни чёрные камни Гингемы.

Чёрные камни! Как много воспоминаний связывалось с ними у пассажиров кабины! Глядя в окно, Чарли Блек вспоминал о том, как втроём с Элли и Тотошкой умирали они от жажды у Чёрного камня и как ворона Кагги-Карр спасла их, явившись с кистью чудесного винограда. Должно быть, и ворона думала о том же, потому что смотрела на моряка так выразительно, точно хотела сказать:

— Помню, всё помню и ничуть этим не горжусь!

Чарли ласково погладил Кагги-Карр, и та прижалась к его груди. А Тим и Энни, завидев на жёлтом песке два чёрных пятнышка, разговаривали о том, как в прошлом году в этом месте девочка чуть не погибла, и если бы не сила и выносливость Ганнибала, Энни осталась бы здесь навек.

Но вот под крылом дракона появились Кругосветные горы, давнее творение Великого Волшебника Гуррикапа. Непроходимый хаос горных цепей и глубоких долин с неизведанными ещё тайнами простирался внизу, и Энни с Тимом удивлённо думали о том, как же ловки и проворны были их механические мулы, сумевшие преодолеть такие препятствия. Смеясь, мальчик и девочка дали друг другу слово отныне пересекать Кругосветные горы только на драконах или, в крайнем случае, на гигантских орлах, подобных тому, которого они встретили во время прошлого путешествия.

Снежные вершины и ледники проплывали внизу, не ослепляя человеческого взора. Их белизну и блеск скрадывал простиравшийся над горами слой Жёлтого Тумана. Правда, здесь он не мешал видимости.

Совсем другое ожидало наших героев, когда они очутились над Волшебной страной. Сам по себе туман не являлся таким уж густым, но с высоты, на которой находился Ойххо, земли совсем не было видно. Могучий ящер усиленно взмахивал крыльями, но жёлтая мгла окружала дракона со всех сторон, и казалось, он совсем не движется с места.

Кагги-Карр и Артошка заговорили ещё в то время, когда Ойххо летел над горами. Уменье вороны говорить очень и очень пригодилось нашим путешественникам. Ведь Кагги-Карр искалечисла вдоль и поперёк всю Волшебную страну и знала её отлично. Она выбралась из кабины, уселась на голову Ойххо и стала отдавать ему команды.

Первым делом Кагги-Карр предложила дракону снизиться и лететь над землёй бреющим полётом. Стали видны наземные предметы, и можно было определять верное направление пути.

— Направо! Прямо! Налево!.. — командовала ворона, и Ойххо послушно выполнял её приказы.

Пассажиры смотрели вниз. Энни горестно всплеснула руками и заплакала. Что стало с Волшебной страной?! Где весёлые лужайки, покрытые высокой травой и прекрасными цветами? Где густая листва зелёных рощ, в которой прятались сочные зрелые плоды и прыгали с ветки на ветку разноцветные попугаи, перекликаясь звонкими голосами.

Всё было однообразно и мёртво внизу.

Обширные поляны покрывал снег, хлопья снега лежали на

голых ветвях деревьев, холодный ветер перегонял с места на место кучи облетевших листьев. Нигде ни зверя, ни птицы, а золотые и серебряные рыбки скрылись под коркой льда, одевшей прозрачные ручьи.

Даже Фараманта поразила открывшаяся перед путешественниками картина мрачного запустения. Всего шесть дней назад покинул он Волшебную страну, отправившись за горы, и какие зловещие перемены произошли в ней за эти дни! Какую власть забрала зима над природой когда-то светлого солнечного края!

Невдалеке показалась среди леса длинная гладкая полоса. Зоркая Кагги-Карр угадала в ней дорогу, вымощенную жёлтым кирпичом, хотя она и была занесена снегом.

— Вперёд и направо! — приказала она дракону. — Теперь мы не съёмся с пути.

— А как нас ждут! — вздохнул Фарамант.

Ойххо начал набирать скорость, но тут на дороге показалась гигантская фигура в синей мантии, ярко выделявшаяся на фоне белого снега. Фарамант схватил Чарли Блека за руку и заплетающимся от ужаса языком пробормотал:

— Арахна!

Волшебница прилетела в страну Жевунов полюбоваться делом своих рук. Она шла по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом, держа под мышкой свёрнутый в трубку ковёр-самолёт, и дико хохотала от восторга. Напуская на Волшебную страну Жёлтый Туман, она сама не предвидела, что это будет иметь такие губительные последствия. Колдунья хохотала, и звуки её голоса разносились среди оголённого леса, как раскаты грома.

Скоро зловещая фигура Арахны осталась позади, и опять всё стало пусто и тихо внизу.

Неожиданная встреча показала Чарли Блеку, как тяжела будет борьба со злой волшебницей, наделённой такими исполнинскими размерами. Но эта мысль не напугала одногого моряка, а только вдохновила его на самую жестокую, беспощадную борьбу с колдуньей.

— Подожди, проклятая, — бормотал капитан, — вот напущу на тебя Тилли-Вилли, тогда сама запрыгаешь от страха, клянусь тайфунами восточных морей!

— Что ты говоришь, дядюшка Чарли? — удивилась Энни. — Разве может наш маленький божок напугать такую великаншу?!

— Ничего, девочка, не спеши, всему своё время! — улыбнулся Чарли.

Утром следующего дня дракон опустился на центральной площади Изумрудного города.

БОЛЬШОЙ СОВЕТ

П

рибытие Чарли Блека и ребят обратилось в великий праздник для обитателей Изумрудного острова. Город утратил своё былое великолепие: крыши и мостовые покрылись снегом, и на них уже не сверкали изумруды; фонтан на площади иссяк; в жёлтой мгле яркая раскраска домов поблекла.

Но мгновенно распространившийся по городу слух, что явился Великан из-за гор, произвёл магическое действие. Усилившийся с каждым днём холод заставлял горожан сбиваться в кучи. Во дворце Страшилы, где Лестар с грехом пополам сумел наладить центральное отопление, укрылись женщины с детьми, старики и старухи. Кому не нашлось места во дворце, те собирались в маленьких комнатах, стараясь согреть их теплом своих тел. Из дома люди выходили только в случае крайней необходимости, если, например, выпадала очередь отправляться в лес за дровами для дворца. Тогда дровосеки напяливали на себя всю одежду, какая у них имелась.

Но теперь и стар и млад высыпали на площади и улицы города, вверх летели шляпы, слышались восторженные возгласы в честь Великана из-за гор и двух отважных ребят, его спутников. Наивным людям казалось, что дела их немедленно-начнут улучшаться, что вот-вот придёт спасение. Однако до спасения было далеко. По-прежнему пешеходы двигались в тесном круге видимости, то и дело подходя к столбам с указателями пути и читая надписи; по-прежнему рты у них были закрыты листьями рафалоо, а глаза защищены очками с наглазниками. И в довершение ко всему этот непривычный мучительный мороз, пронизывающий насквозь.

Встречая желанных гостей, Страшила вышел из дворца, и это было отмечено в летописи, как знак небывалой почести, какую оказывал когда-либо посетителям Правитель Изумрудной страны. Более того, обняв Энни своими мягкими слабыми руками, Страшила проделал несколько па какого-то странного танца, припевая при этом:

— Эй-гей-гей-гей-го, я снова-снова-снова с Энни!

Но об этом последнем факте летопись стыдливо умолчала: не стоило открывать потомкам маленькие слабости такого замечательного государственного деятеля, каким был Страшила Мудрый.

Едва лишь закончилась торжественная церемония встречи прибывшей из-за гор спасательной экспедиции, как в Тронном зале открылось расширенное заседание Большого Совета. На этот раз, кроме обычных его членов, присутствовали видные

горожане и даже некоторые дуболомы, среди которых выделялись бригадиры Ватис и Дарук и бывший генерал деревянной армии Лан Пирот, ныне учивший ребят танцам в одной из городских школ. Он остался без работы: по случаю происходивших трагических событий школы были закрыты.

Заседание открыл Страшила. Он не стал делать доклада, а ограничился коротеньким сообщением: ведь все присутствующие были в курсе дела, и много разговаривать не приходилось. Страшила предложил желающим выступить записываться.

Первым взял слово Чарли Блек.

— Я не оратор, а человек дела,— заявил одноногий моряк, по привычке пыхнув незажжённой трубкой.— Поэтому я сразу перехожу к конкретным предложениям. Для борьбы с Арахной нам нужна передвижная крепость, где мы имели бы постоянное убежище от нападений колдуны и откуда делали бы вылазки по правилам военной науки. Строить такое убежище долго и трудно, тем более, что нам предстоит другая важная работа, о которой я

скажу позже. И я предлагаю использовать для этой цели фургон, в котором прилетела в Волшебную страну Элли.

Предложение капитана было принято единогласно.

— Этот фургон когда-то делал я сам для сестры Анны и её мужа Джона,— продолжал Чарли,— и знаю, что он прослужит ещё много лет. Мы его поставим на колёса, и пусть попробует колдунья повредить его гарнизону!

Раздались аплодисменты и крики «Ура!»

Энни и Тим тут же рассказали, что они видели фургон в прошлом году и нашли его в отличном состоянии.

Не откладывая дела в долгий ящик, как это бывает в некоторых, даже весьма почтенных учреждениях, Страшила поручил бригадирам Ватису и Даруку сейчас же собрать своих работников и немедленно отправиться за фургоном в страну Жевунов. Скучавший без дела Лан Пирот вызвался возглавить этот отряд.

Неутомимые, неуязвимые для Жёлтого Тумана, деревянные люди будут шагать день и ночь и суток через шесть доставят фургон в Изумрудный город. Ватис, Дарук и командир Лан Пирот тотчас отправились выполнять поручение.

— Второй вопрос,— продолжал своё выступление Чарли Блек.— Из рассказов племянницы Энни я знаю, что она оставила у Железного Дровосека чудесный серебряный обруч, делающий невидимкой его обладателя. Необходимо доставить сюда этот обруч. Тим О'Келли, став невидимым, проберётся во владения Арахны, произведёт там разведку, и, быть может, ему удастся похитить её книгу заклинаний. Тогда мы мигом расколдуем Волшебную страну от зловредного Жёлтого Тумана.

— Прошу слово для справки,— поднялся с места Железный Дровосек. Смущённо вертя в руках воронку, служившую ему шапкой, он сказал: — Мы сами использовали бы серебряный обруч для тех целей, о которых вы говорите, но увы...

— Вы его потеряли! — так и подпрыгнула огорчённая Энни.

— Да, к большому нашему горю,— признался Дровосек.— И вышло это так. У моей кухарки Фрегбзы была ручная лань Ауна. Однажды Фрегоза для шутки надела обруч на голову Ауны, нечаянно нажала на рубиновую звёздочку, и лань исчезла. Тщетно потом встревоженная женщина звала свою любимицу, чтобы снять с неё обруч. Лань убежала из дворца, и следов её так и не нашли...

Энни расплакалась, и напрасно пытались утешить её Страшила, Лев и Дровосек. Она так любила этот прекрасный подарок лисьего короля.

— Да, это большая, тяжёлая утрата,— сказал опечаленный Чарли Блек.— Но хорошо, что я не рассчитывал только на обруч и подготовил другое средство для борьбы с колдуньей. Вы сняли со спины Ойххо тюки с железом и пружинами? — обратился он к Фараманту.

— Да, это сделали дуболомы по моему распоряжению и отнесли груз в подвал.

— Очень хорошо! Видите ли,— обратился моряк к собранию,— я задумал сделать самоходного великана, наше главное орудие в борьбе с феей Арахной. И для этого я привёз нужные материалы: листовое железо, пружины...

Восторг присутствующих достиг крайних пределов. Стёкла в окнах дрожали от громких криков, паркет трещал от топота ног. Страшиле пришлось долго звонить в председательский колокольчик, чтобы водворить порядок. Когда люди поутихли, Чарли спросил механика Лестара:

— Могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Работа срочная, и нам понадобится много людей.

Лестар горячо заверил моряка, что и сам он и его помощники поступают в полное распоряжение Великана.

— Мы будем спать по два-три часа в сутки, но быстро сорудим такого исполина, который померится силами с Арахной! — воскликнул механик. — И кстати, мы принесли из Фиолетовой страны много разного инструмента, который нам сейчас пригодится.

— Энни, где у тебя Тилли-Вилли? — спросил Блек.

— Здесь, дядюшка.

Девочка достала статуэтку из рюкзака и протянула моряку. Чарли Блек поднял её повыше, чтобы члены Совета могли рассмотреть получше.

Раздался крик изумления. Божок был страшен. Продолговатые косые глаза смотрели злобно, угрожающе. Низкий лоб пересекала глубокая морщина. Большой рот скалился в зловещей усмешке, и из него торчали огромные белые клыки. Вся физиономия дышала неумолимой свирепостью и ненавистью ко всему миру.

Зрители подавленно созерцали Тилли-Вилли, а шестилетний мальчик, пробравшийся в зал заседаний за отцом, поднял отчаянный рёв, и его срочно вывели.

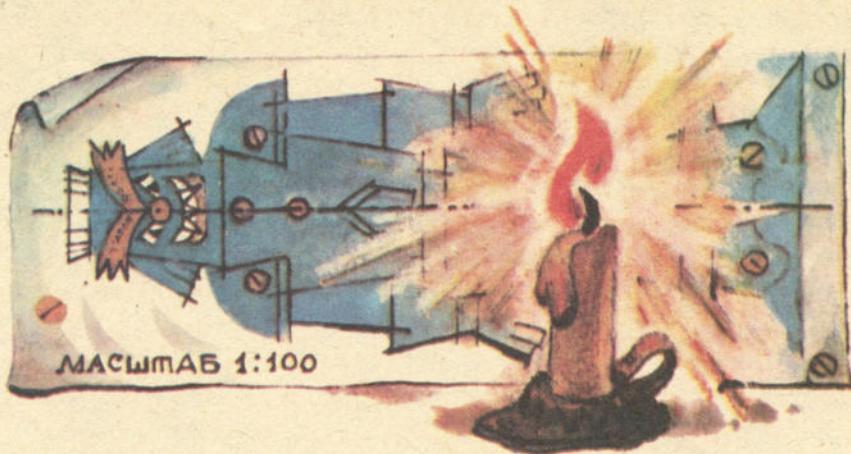
— Хорош? — иронически спросил Чарли.

— Таких уродов никогда не видано было в нашей стране, — убеждённо заявил Лев. — Даже саблезубые тигры выглядели не такими страшилищами.

— Ну вот, этого молодца мы и возьмём за образец для нашего самоходного великана. Представляете, каким он будет чудищем, имея тридцать локтей роста?

— Да, он будет выглядеть весьма внушительно, — согласился Страшила.

ЖЕЛЕЗНЫЙ РЫЦАРЬ ТИЛЛИ-ВИЛЛИ

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКАНА ТИЛЛИ-ВИЛЛИ

Мастерскую организовали в просторном подвале дворца, где ещё стояли верстаки, на которых Урфин Джюс с помощниками выделявал дуболовов. Помещение освещалось множеством свечей. Воздух в подвале очистили с помощью костров, и свечи давали достаточно света.

Работа шла полным ходом. Чарли Блек сделал чертежи и по этим чертежам вырезал из железных листов заготовки для туловища, головы, рук и ног будущего исполина Тилли-Вилли — ему дали такое имя в честь языческого божка. Работа Блека требовала большой точности: вырезанные детали предстояло выгибать при помощи деревянных молотков, чтобы они получили надлежащую кривизну, а после клёпки приняли бы очертания человеческого тела. Малейшая ошибка в расчётах привела бы к непоправимым последствиям.

Дело осложнялось гигантскими размерами Тилли-Вилли. Чарли Блек и Лестар решили, что ростом Тилли-Вилли должен превосходить Арахну. Лишь тогда колдунья почувствует страх перед могучим противником, и это приведёт её к поражению и гибели.

Четыре-пять листов железа пошло на каждую руку, на ноги по семь-восемь, а огромное туловище потребовало целых двадцать листов. К счастью, Чарли Блек привёз из Канзаса достаточно количество материала.

По двадцать часов в сутки и более в мастерской визжали свёрла, стучали молотки, в горнах калились железные прутья, кузнецы выковывали заклёпки. Под низкими сводами подвала было так жарко, что люди обливались потом, а иногда даже теряли сознание. Но никто не бросал работу, все трудились само-отверженно, понимая, что от них зависит спасение родной страны.

И вот в разных углах подвала появились колоссальные бёдра, голени, предплечья будущего великана. Они напоминали металлические туннели, внутри которых свободно передвигались маленькие Мигуны со своими инструментами. Эти части предстояло

остроумно соединить сочленениями, чтобы из них получились ноги и руки.

В огромной голове механического исполина проделали большие продолговатые дыры для глаз, отверстие для рта. Туловище Тилли-Вилли решили собирать во дворе; если бы это было сделано в подвале, то оно не прошло бы сквозь двери.

Но сделать туловище, голову и конечности великана — это была только часть дела и притом не самая главная. Ведь Тилли-Вилли должен будет ходить и бегать, владеть оружием — мечом и щитом. Для этого следовало начинить его множеством шестерёнок, рычагов, пружин, больших и малых, которые заменят великанию мускулы; это требовало большого искусства и времени. К счастью, Мигуны издавна слыли великолепными мастерами, а в последние годы у них была отличная практика по разборке и сборке Железного Дровосека с его сложными механизмами.

Работа продвигалась усиленными темпами, мешкать не приходилось: мороз усиливался с каждым днём. Самую ответственную часть дела — установку шестерёнок, рычагов и пружин — производили Чарли и Лестар, они спали по два часа в сутки и измотались до того, что еле держались на ногах. Чтобы их не сморил во время работы сон, они пили настойку из орехов дерева нух-нух.

Наконец дело продвинулось до того, что можно было производить общую сборку гигантского механизма. Для этого годился только двор. Отдельные части рук и ног протащить через двери удалось, а голова не прошла, пришлось делать большой пролом в стене.

В разных частях двора горели костры, к которым то и дело подбегали погреться работники. Костры ещё и тем были полезны, что очищали воздух на дворе, и мастера не раз поминали добрым словом Урфина Джюса: не очень-то удобно работать с напоминавшими намордники листьями рафалоо на лице. Плотники заранее заготовили лестницы и высокие площадки, которые перекатывались с места на место. С прочной перекладины, соединявшей два высоченных столба, свешивались блоки.

Сборка началась с того, что под перекладиной подвесили на прочных канатах туловище Тилли-Вилли. Чтобы его поднять на нужную высоту, верёвки, пропущенные через блоки, по команде Чарли Блека тянули сто семьдесят человек, да в придачу сам Железный Дровосек.

Туловище было самой важной и ответственной частью самодходного гиганта. Там сосредоточивалось управление всеми его движениями, и потому в животе Тилли-Вилли мастера устроили удобную кабинку, куда можно было входить через узенькую дверцу. К полу кабинки привинтили вращающееся мягкое кресло.

Сидя в нём, человек, который управлял движениями Тилли-Вилли, мог дотянуться до всех рычагов и кнопок, приводивших в действие пружины. Само собой вышло, что таким человеком мог стать только Лестар, искуснейший механик страны Мигунов; ведь он придумал многие приборы и приспособления и сам их установил. Тут пригодился его маленький рост. Кстати было и то, что сил и выносливости у Лестара ещё хватало.

Подвесив туловище, работники стали прикреплять к нему руки, ноги, голову. Установку окружила целая паутина верёвок, по ним среди дыма и мглы ползали подвесные люльки, а из люлек высовывались мастера со свёрлами и зубилами, с молотками и клещами.

Гул голосов, скрип блоков, стук молотков смешивались в туманном воздухе. Огромная фигура Тилли-Вилли приобретала всё более человеческие очертания.

Наконец наступил торжественный момент, когда все механические работы были закончены, пружины и приборы поставлены на места, и гигант Тилли-Вилли твёрдо встал на свои огромные ноги. На смазку всех его пружин и суставов пришлось потратить целую бочку масла. Теперь пришла очередь маляров. Раскрашивать голову великаны поручили лучшим мастерам, настоящим художникам своего дела. Они хорошо рассмотрели божка, привезённого с острова Курукусу, и постарались на славу!

Всякий, кто взглядал на свирепое лицо Тилли-Вилли, на его злые раскосые глаза, на страшный оскал рта и торчавшие из него огромные клыки, так и шарахался от ужаса. Туловище, руки и ноги раскрасили наподобие доспехов средневекового рыцаря. Для полного сходства ему недоставало только щита, меча и копья. Но огромный меч уже выковали, он был так тяжёл, что его едва сдвигали с места сорок человек. А под прочным железным щитом могла укрыться от дождя сотня людей. Хорошо было бы изготовить для Тилли-Вилли

копьё, но копья за рыцарями носили оруженосцы, и потому от копья пришлось отказаться. Где было взять подходящего оруженосца для такого гиганта?

Создатели Тилли-Вилли остались очень довольны своим детищем.

— Да,— сказал Чарли Блек,— когда Арахна взглянет на нашего малютку, у неё душа уйдёт в пятки.

— А уж я постараюсь,— молвил Лестар,— чтобы этот малютка гонялся за врагом, как волк за зайцем.

«Малютка» Тилли-Вилли был не безголосым. В его глотку вставили сирену, которая могла менять высоту звука от самого низкого до самого высокого. И когда её в первый раз запустили для пробы, в городе начался страшный переполох. Дикие пронзительные звуки выгнали всех жителей из дома. Людям казалось, что наступил конец света, и они в страхе метались по улицам, натыкаясь друг на друга в жёлтой мгле. Только пробежавшие по городу глашатаи успокоили народ. Довольный Чарли Блек потирал руки, усиленно пыхтя трубкой, и клялся ураганами всех широт, что самоходный гигант блестяще покажет себя на деле.

Пришла пора начинать военные действия против колдуны. Ещё за несколько дней до окончания работ над великаниом добросовестные дуболомы притащили на своих плечах фургон Элли. Он был поставлен на приготовленные для него колёса, дверь и окна плотно пригнаны, внутренняя обстановка обновлена — хоть сейчас отправляйся в путь!

Так как маленьким лошадкам Волшебной страны не под силу было справиться с тяжёлым фургоном, то штаб Страшилы решил, что передвижную крепость повезут дуболомы. На них же возложили и другую очень важную задачу: заводить самоходного великана.

Пружины, приводившие в действие руки, ноги, шею гиганта, были такими мощными, что поддавались только силе дуболомов. Несколько деревянных людей взобрались на лестницы, приставленные к туловищу Тилли-Вилли, и всунули заводные ключи в специальные отверстия.

Ключи поворачивались со скрипом, пружины гудели от напряжения, но заведённые до конца, они смогут работать несколько часов.

Главным начальником над всеми дуболомами, отправлявшимися в поход, поставили бывшего генерала Лана Пирота. Он оказался способным администратором.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЖЕЛЕЗНОГО РЫЦАРЯ

В

состав гарнизона передвижной крепости вошли: Страшила, Железный Дровосек, Дин Гиор, Фарамант, доктор Бориль, Кагти-Карр; гости из-за гор: Чарли Блек, Энни, Тим и Артошка. Льву с его массивной тушей в фургоне не нашлось места, и он, очень недовольный, остался в Изумрудном городе. Членом боевого отряда являлся и Лестар, но ему предстояло путешествовать в брюхе Тилли-Вилли.

Для осмотра местности в животе и спине великана было сделано несколько застеклённых круглых окошек; через них Лестар сможет видеть всё, что делается и впереди и сзади. А те огромные глазища, что находились в голове Тилли-Вилли и могли вращаться в своих орbitах, предназначались для устрашения врагов. Так вначале рассчитывали создатели Тилли-Вилли, но не так оказалось на деле, о чём будет рассказано дальше.

Всё было готово к отправлению в дальний и опасный путь. Мешки и корзины с провизией, бочонки с питьевой водой уложены под лавками, отравленный воздух очищен по способу Урфина Джюса. Сделать это было необходимо: попробуйте дышать много дней подряд в тесном фургоне сквозь листья рафалоо. А теперь ядовитые капельки Жёлтого Тумана не проникнут в передвижную крепость, настолько плотны были её стенки, пол и крыша. Для вентиляции Лестар просверлил в стенках несколько отверстий, защищённых надёжными фильтрами из листьев рафалоо. Чтобы чувствовать себя в фургоне хорошо, следовало пореже выходить на улицу и побыстрее захлопывать за собой дверь.

Лестар, уютно устроившийся в кабине самоходного гиганта, нажал на главный ходовой рычаг. Во внутренностях Тилли-Вилли что-то заскрипело, заскрежетало, щёлкнули пружины, и великан тяжело шагнул по мёрзлой земле.

И тут произошло чудо: сделав первый шаг, Тилли-Вилли ожил! Впрочем, такое происшествие можно называть чудом в штатах Канзас, Огайо или Коннектикут, а в Волшебной стране оно являлось самым обычным делом.

Разве там не жили, не двигались и не обладали всеми человеческими чувствами и способностями соломенный человек Страшила и Железный Дровосек? Разве не ожили и не заговорили механические мулы Цезарь и Ганнибал, как только перешли границу Волшебной страны? И то, что Тилли-Вилли внезапно ожил, все участники похода признали радостным, но отнюдь не удивительным событием.

Тилли-Вилли, поворачивая голову, оглядывался по сторонам: ведь его огромные глаза, предназначенные только для устраше-

ния врагов, начали видеть. Великан заговорил гулким низким голосом:

— А ну, дайте мне зеркало, хочу посмотреть на себя. Любопытно же знать, как выглядишь со стороны.

Через несколько минут принесли самое большое зеркало, какое только нашлось во дворце, тщательно его протерли и подвесили на перекладину, под которой собирали Тилли-Вилли. Великан придирчиво выбрал место, откуда лучше было видно, и долго рассматривал свою физиономию. Потом гулко захохотал.

— Ай да я, ай да молодец, красавец! Ни у кого из вас, людей, нет таких выразительных глаз, клянусь ураганом! — в восторге кричал Тилли-Вилли.

Слушатели невольно расхохотались: оказалось, что ещё во время его созидания Железный великан успел перенять морские словечки капитана Блека! Сколько же чудесного в этой необычайной стране... А Тилли-Вилли продолжал:

— А какие у меня симпатичные щёки, какой очаровательный подбородок! Вы, люди, просто смешные уродцы в сравнении со мной... Но где же мой папочка Чарли, по замыслу которого вы, люди, сумели смастерить такого прелестного мальчика, как я?! Ау, скорее покажись мне, родной папочка Чарли!

Моряк вышел вперёд, немного смущаясь и в то же время гордясь словами своего механического детища. Но так как снизу его плохо было видно, он взобрался на самую высокую стремянку, которую поддерживали Мигуны.

— Я рад, что сумел угодить тебе, мой мальчик! — прокричал он в рупор. — Мы так старались...

— Папа, убери, пожалуйста, эту трубку, — попросил Тилли-Вилли. — Мои великолепные уши услышат каждое твоё слово и без неё, проглоти меня акула!

Чарли Блек рассмеялся.

— А ты знаешь, что такое акула?

Великан, не смущаясь, ответил:

— Наверное, что-нибудь вроде той колдуньи Арахны, на борьбу с которой вы меня сделали. И ты, папа, не беспокойся: свою задачу вы выполнили отлично. Я понял это ещё тогда, когда получил возможность владеть своими чувствами. Знайте все, что дух мой крепок и, разрази меня громом, я буду драться, как лев! Смелый Лев, в числе прочих присутствующих при этой сцене, был весьма польщён сравнением и поблагодарил за него Тилли-Вилли.

Железный великан нежно сказал:

— Папочка, милый, как бы я хотел прижать тебя к моей любящей груди, но боюсь, что это не кончится добром. Кажется, вы, люди, слишком уж хрупкие создания!

— Да, уж таковы мы от природы, — объяснил одногорий моряк. — Так что лучше, сынок, ты выражай свою любовь и признательность на словах, это будет безопаснее для меня. А теперь ты должен пройти вон через те ворота, — сказал Чарли Блек. — Шагай вперёд!

Подойдя к воротам, Великан остановился в недоумении.

— Папа Чарли, тут слишком низко для меня. Мне не пройти под этой аркой...

Чарли Блек смущённо признался, что произошла ошибка, придётся ломать арку.

— Я возьму это на себя, папочка, — отозвался гигант и потребовал самую прочную кирку.

Крепко зажав инструмент в металлическом кулаке, Тилли-Вилли ловкими ударами принял разрушать стену. Во все стороны полетели кирпичи, и зрители бросились бежать кто куда.

Нескольких минут оказалось достаточно, чтобы проделать проход, и Железный Рыцарь вышел на площадь. Фургон, влекомый дубломами, последовал за ним.

Когда гигант шёл по улице с мечом в правой руке и щитом в левой, его голова поднималась над третьими этажами домов, и горожане, выглядывая из окошек, провожали Тилли-Вилли восторженными возгласами:

— Привет нашему спасителю! Слава будущему победителю Арахны!

Тилли-Вилли важно раскланивался по сторонам.

— Надейтесь на меня, граждане! Тилли-Вилли молод, но он не подкачет!!

Конечно, великан не мог выйти из города через ворота, но это было предусмотрено: часть стены заблаговременно разобрали. Паром не мог вынести тяжести богатыря, и он пустился вброд, заметив вскользь:

— Предполагаю, что мои швы достаточно герметичны, и я не промокну.

Лестар из брюха гиганта отозвался:

— Всё сделано на совесть, и ты можешь не беспокоиться!

Тилли-Вилли иронически сказал:

— Ах, это вы, мой предполагаемый водитель! Если не ошибаюсь, вас зовут Лестар? По правде говоря, вы не очень-то мне нужны, но оставайтесь на своём месте. Дублированная система никогда не помешает...

Расхваставшись, Тилли-Вилли утратил контроль над своими движениями, поскольку знался на мягком дне канала, замахал руками и чуть не рухнул в воду. Если бы это случилось, то перед Чарли Блеком и его помощниками встала бы задача огромной трудности — поднимать его из канала.

К счастью, Лестар не растерялся. Он нажал на какие следует рычаги, железная громадина выпрямилась и двинулась к другому берегу, ломая ледяную корку, которой была покрыта вода.

Когда Тилли-Вилли выбрался на берег, Лестар мягко упрекнул его:

— Зазнайство часто доводит до беды.

— А что такое зазнайство? — спросил великан. Выслушав разъяснение, он виновато молвил: — Я больше не буду зазнаваться...

Вечером Лестар рассказал Чарли Блеку и остальным участникам похода об этой детской выходке Тилли-Вилли, которая чуть не поставила экспедицию в тяжёлое положение. Одноногий моряк ответил на это:

— Знаете, друзья, я ещё в Канзасе решил, что нашим помощником в борьбе с Арахной должен стать не кто иной, как мальчишка. Да, да, не удивляйтесь, именно железный мальчишка в тридцать локтей ростом. Здесь, на Изумрудном острове, собирая его металлические детали в одно целое, я внушал им, что будущий Тилли-Вилли должен обладать мальчишеской смелостью, презрением к опасностям, жаждой подвига...

— Дядюшка Чарли, это у тебя получилось здорово! — в восторге воскликнула Энни. — Окажись наш Тим тридцать локтей росту и весь железный, он вёл бы себя совершенно так же!

И все в фургоне решили, что Чарли Блек добился чего хотел, а жизнь докончит остальное.

КОРОЛЕВА ПОЛЕВЫХ МЫШЕЙ

К

огда дуболомы осторожно спустили фургон с парома и готовы были повезти его по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом, Энни вдруг задала вопрос, невинный на первый взгляд и, однако, повергший всю компанию в полнейшее смущение. Вот этот вопрос:

— А что, если Арахна не захочет принять бой с Тилли-Вилли и улетит от него на ковре-самолёте?

— В самом деле, мы об этом совсем не подумали,— признался Чарли Блек.— Ведь колдунья за какой-нибудь час про-делает миль двадцать, а нам дай бог про-ползти такое расстояние за целый день. Да и потом, где её искать, когда она улетит?

— Ну, в этом деле нам поможет вол-шебный телевизор,— сказал Страшила и похлопал по полированному боку ящика.

— Ничего он не поможет,— с досадой возразил Чарли.— Он же не работает в Жёлтом Тумане.

Все призадумались. В дверь постучали, и вошёл обеспокоенный Лестар. Видя, что фургон почему-то не отправляется, он спустился из брюха Тилли-Вилли по верёвочной лестнице и явился спросить о причине задержки. Узнав, в чём дело, механик тоже закручинился.

Тим со вздохом сказал:

— Как жаль, что пропал серебряный обруч. Я бы пробрался к Арахне, стащил ковёр, и делу конец!

Опять наступило молчание. Энни за-хлопала в ладоши.

— Я знаю, как лишить колдунью ко-вра! — весело закричала она.— Его из-грызут мыши!

— Ты что!— обеспокоился Тим.— У тебя ум за разум зашёл? — Но взглянув на серебряный свисток, висевший на груди Энни, заорал во всё горло: — Рамина? Да?!

— Конечно,— ответила девочка.— Крепче держи Артошку!

Энни подула в серебряный свисточек, когда-то подаренный королевой полевых мышей её старшей сестре, и Рамина в сопровождении нескольких фрейлин тотчас появилась на полу фургона. Артошка рванулся к мышам, но Тим держал его крепко.

— Здравствуйте, ваше величество! — приветствовала Энни маленькую королеву.

— Здравствуйте, моя дорогая! — отвечала Рамина. — Я рада видеть вас, и Тима, и Великаны из-за гор, и даже собачку, моего вечного врага, и мне очень приятно, что все вы находитесь в добром здравье. Мы вновь встречаемся с вами в тяжёлый для нашей родины час. Моё племя переживает сейчас огромные трудности...

— Но я надеюсь, что никто из ваших подданных не погиб? — участливо спросила девочка.

— Пока ещё нет. Мы укрылись в том подземном ходе, который начинается от старинной башни и о котором вам, конечно, рассказывал Великан из-за гор.

— Да, да! — оживлённо воскликнула Энни.

А Чарли Блек добавил:

— Ведь именно вы тогда указали нам этот ход. Мы ещё сражались там с Шестилапым.

— Так вот, в этом подземном коридоре мы и нашли убежище. Там нет Жёлтого Тумана, но, к несчастью, нет и пищи.

— Ваше величество, — сказал Энни, — мы прибыли в Волшебную страну для борьбы с Жёлтым Туманом и просим вас оказать нам помощь!

— Какую помочь окажем мы, такие маленькие и слабые создания? — удивилась Рамина. — Мы видели великаншу Арахну, она, задумавшись, не глядя под ноги, шла через поле, по которому двигались мои подданные. Колдунья нечаянно наступила на нашу колонну и раздавила своей ступней сразу сто сорок мышей, среди которых были весьма почтенные особы!

Страшила и его друзья выразили королеве своё самое глубокое соболезнование, а потом Чарли Блек рассказал о великане Тилли-Вилли, который может помериться силами с Арахной. Он посадил Рамину и её фрейлин на ладонь и поднял к окну, чтобы они могли полюбоваться на самоходного гиганта. Мыши задрожали от ужаса, увидев свирепое лицо Железного Рыцаря.

— Но мы бессильны перед Арахной, пока она владеет ковром-самолётом, — сказал моряк. — Наш Тилли-Вилли слишком тихоходен, он не сможет нагнать колдунью, если она будет ускользать от него по воздуху, и неотложная задача мышиного племени — уничтожить волшебный ковёр.

Рамина обрадовалась.

— Это дело нам под силу! — воскликнула она своим тонень-

ким голосом.— Мы сгрызём этот ковёр, сгрызём так, что от него и клочка не останется.

Страшила и его друзья захлопали в ладости, а Артошка, воспользовавшись моментом, чуть не вырвался из рук Тима.

— Но дорога от нашего убежища до владений злой феи далека,— продолжала Рамина.— На ней много препятствий: быстрые широкие ручьи, горы, ущелья с крутыми склонами... Нам нужен спутник, сильный, проворный, который помогал бы нам в опасных местах.

Ёё взгляд остановился на Тиме О'Келли, и польщённый мальчик сразу согласился отправиться в путь. По правде говоря, одногоний моряк очень боялся отпустить мальчугана одного в далёкое и опасное путешествие, но другого выхода не было. Ни сам он, Чарли, ни Железный Дровосек, ни Дин Гиор не годились в проводники мышиному племени: слишком они стали тяжелы на подъём. Не мог капитан доверить такое дело Фараманту или доктору: оба были слабосильны и уже в годах.

— Ну что ж, мой мальчик,— решился наконец капитан, глубоко вздохнув,— иди, но заклинаю тебя всеми мачтами нашего корабля, будь осторожен! В дорогу, дружок, и попутного тебе ветра!..

Пока Тима снаряжали — готовили фильтры из листьев рапфалоо и защитные очки на глаза, мышиная королева расспрашивала Энни и Чарли Блека о своей доброй подруге Элли, об её успехах в ученье, о здоровье. Она тоже поинтересовалась, как живёт бывший волшебник Гудвин, что он поделывает, уйдя на покой от чародейного ремесла. Узнав, что Гудвин содержит мелочную лавочку, царственная мышь неодобрительно покачала головой.

Тим стоял у порога с тяжёлым набитым рюкзаком за плечами; в рюкзак уложили запас продовольствия и смену белья, а за поясом у мальчика был заткнут острый топорик на прочной рукоятке.

— Ты не пойдёшь пешком, Тим,— сказал Страшила.— Время дорого, и мы должны экономить каждый час. Фарамант, выдай Тиму волшебный коврик Ружеро.

Вручая Тиму ковёр с подвешенным к нему инвентарным номерком, начальник снабжения долго наказывал мальчику как можно бережливей обращаться с ценной вещью. А у себя в описи отметил: «Ковёр выдан во временное пользование Тиму О'Келли. Основание: распоряжение Страшилы Мудрого».

Тим О'Келли вышел из фургона, разостлал коврик на земле и уселся на нём, а Рамина и другие мыши уютно устроились у него за пазухой.

— Неси меня, коврик, ко входу в подземный коридор, ко-

торый начинается неподалёку от фермы Лина Рауба,— приказал мальчик.

Этот адрес указала ему королева мышей.

Ковёр поднялся и полетел в нужном направлении. Продвигив его глазами, Фарамант подал знак дуболомам, и фургон медленно тронулся с места.

Отряд смелых бойцов направлялся на юг. До Большой реки они будут следовать по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом, а потом придётся оставить её и искать убежище Арахны в диких горах, где-то между Голубой страной и владениями Стеллы.

Сидеть в тряском фургоне, который неторопливо тащили дуболомы, было скучновато, и Энни вкрадчиво обратилась к моряку:

— Дядюшка Чарли, я всё время вспоминаю ту удивительную историю, которую ты рассказал про лорда Бумчерили и профессора Фогеля.

Чуя какой-то подвох, Чарли ворчливо ответил:

— Ну и что ж? Вспоминай на доброе здоровье, кто тебе мешает?

— Вспоминать старое хорошо, а слушать новое ещё лучше,— лукаво улыбнулась девочка и, ласкаясь к дяде, попросила: — Расскажи мне ещё что-нибудь, сам же хвалился, что пережил множество приключений.

Моряк начал сдаваться:

— Ах ты егоза, подлиза этакая! Что ж бы тебе рассказать?

— Расскажи, как потерял ногу! — предложила Энни. — Это, наверно, случилось в бою с пиратами?

— Почти что так,— согласился Чарли Блек. — Ну уж, ладно, слушайте!

И Чарли Блек завёл длинный рассказ.

ВЕЛИКИЙ ПОХОД МЫШИНОЙ АРМИИ

Полёт волшебного ковра до подземелья, где скрывались мыши, продолжался час; пешком Тим потратил бы на это расстояние целый день. Опустившись на землю, мальчик с восхищением сказал:

— Замечательная штука этот коврик! Такой бы мне в Канзас!

Свернув ковёр в трубку, он взял его под мышку.

Королева-мышь, высунувшись из-за пазухи Тима, тоненьким голоском указывала ему направление, и скоро мальчик очутился

около входа в подземный коридор. Здесь он зажёг фонарик, предусмотрительно данный ему Фарамантом, и двинулся вниз по крутому склону.

— Шагайте осторожнее, друг Тим,— посоветовала Рамина,— а то вы передавите моих подданных.

Совет был нeliшним. При свете фонаря Тим увидел бесчисленные полчища мышей, заполонивших подземелье. Они ко-пошились повсюду, выглядывали изо всех щелей, целыми гроздьями висели на стенах, цепляясь коготками за выступы скалы. Мыши сердито пищали, ссорясь из-за мест, но, завидев королеву с её свитой, мгновенно притихли.

Устроившись на протянутой вперёд руке Тима, как на трибуне, Рамина обратилась к своему племени с речью. Коротко рассказав о прибытии из-за гор спасательной экспедиции, королева заключила:

— Мы должны помочь людям справиться с жестокой Арахной, только тогда к нам вернутся свет и тепло. Наша задача лишить колдунью волшебного ковра, иначе она ускользнёт от возмездия, и Жёлтый Туман по-прежнему будет висеть над страной.

— Ваше величество,— обратился Тим к Рамине,— мне пришла в голову хорошая мысль. Возьмём на коврик столько мышей, сколько он поднимет, полетим к убежищу Арахны, и наш отряд быстро приведёт в негодность большой ковёр.

— Вы ошибаетесь, друг мой Тим,— возразила королева.— Мало изгрызть ковёр: гномы быстро соберут волшебную шерсть, спрядут её, и ковёр будет соткан вновь. Чтобы он не возродился, надо съесть его целиком, а для этого потребуются все мои подданные.

Тим почесал в затылке, услышав такое объяснение, и сказал:

— Ну что ж, тогда двинемся! А не боитесь вы, что мыши погибнут, наглотавшись ядовитого тумана?

— Он оказывает своё действие лишь через неделю-полторы, а мы за это время постараемся достигнуть владений волшебницы Арахны.

Как видно, у Рамины на всё был готов ответ.

Тим боялся, что в пути не будет никакого порядка, но оказалось, что мышиная армия была очень хорошо организована. Она разделялась на дивизии, дивизии на полки, полки на батальоны, батальоны на роты и взводы. Каждым подразделением командовала заслуженная мышь в чине лейтенанта, капитана или полковника, и её приказы выполнялись беспрекословно.

Штаб армии установил очерёдность движения дивизий и полков, и эту очерёдность связные сообщили всем подразделениям.

Тим вышел первым, он нёс за пазухой и в карманах королеву и штаб армии, за ним бежали адъютанты и связные. Мальчик боялся, что не сумеет найти путь среди тумана, но Рамина его успокоила:

— Фея не может заблудиться в полях и лесах родной страны. Как только вы начнёте уклоняться от правильного направления, я тотчас почувствую это и скажу вам.

До самого вечера двигалась армия в стройном порядке, роты за ротами, полки за полками.

Тим уж с ног валился от усталости, когда Рамина, увидев пшеничное поле, дала сигнал остановки.

Мыши тотчас разбежались по полю, и увядшие, сморщеные зёрнышки захрустели на острых зубах. Тим тоже поужинал и заснул, завернувшись в волшебный ковёр.

Утром, едва багровое солнце проглянуло сквозь туман, поход продолжался. Второй день пути оказался труднее первого. На дороге не раз встречались быстрые широкие ручьи.

Тим брался за топор, срубал несколько деревьев и перебрасывал с берега на берег. Пользуясь этими мостами, мыши быстро преодолевали препятствия и снова выстраивались колоннами на другом берегу: в армии Рамины поддерживалась строгая дисциплина.

Третий день похода начался при самой неблагоприятной погоде: разразилась снежная буря. Холодный ветер проносился над равниной, вздымая в воздух белые хлопья.

Снежная буря в Волшебной стране! Кто бы мог подумать об этом ещё месяц назад в крае вечного лета? И, однако, ветер выл, сгибал кустарники, ломал ветви деревьев, набрасывался на мышиные легионы.

Оставаться на месте ночлега было невозможно, так можно было замёрзнуть, и Рамина приказала отправляться в поход. Связные, высоко подняв хвостики и путаясь в снегу, пустились по подразделениям. Взводы и роты собирались в ряды, борясь с ветром и стараясь не терять строя.

Тим О'Келли, предводитель удивительной серой армии, шагал впереди. Он закрыл спину волшебным ковриком, на очки налипли хлопья снега, а он шёл и думал:

«Посмотрела бы мама, как я выполняю своё обещание избегать опасностей в Волшебной стране...»

Рамина, безошибочно чувствуя правильное направление пути, давала указания мальчику, куда поворачивать.

Сколько было писка и суматохи, сколько геройских подвигов совершилось в неисчислимых полчищах маленьких серых зверушек! Там старая мышь провалилась в невидимую под снегом ямку, и соседки, покинув строй, протягивали ей лапки и хвостики, чтобы

она, уцепившись, могла выкарабкаться из ловушки. Там две крупные сильные мыши тащили, ухватив под бока, ослабевшую молоденькую мышку и уговаривали её не терять бодрости.

Больше всего доставалось адъютантам и связным. Они всё время сновали между колоннами, подбирали отставших и возвращали их в строй. Можно было только позавидовать их самоотверженности и отваге.

Одна связная спасла целый батальон, сбившийся с дороги и угодивший в овраг с крутыми стенками. Следуя её указаниям, батальон присоединился к главным силам.

Адъютант Разорванное Ухо целую милю тащил на спине мышку Чернушку, напоровшуюся на сучок, пока не нагнал Тима и не передал ему раненую.

Не одна эта мышка поступила на попечение мальчика. Его карманы были полны ранеными, обессиленными и обмороженными мышами. Мыши сидели у него за пазухой, на плечах, на шапке, выглядывали из рукавов...

В жестокой битве с морозом и бурей прошло несколько часов. Немало жертв понесло воинство Рамины, и неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы ветер не начал утихать. Стало теплее, выглянуло багровое солнце.

Королева приказала остановиться на кормёжку и ночлег. Предварительно по батальонам была произведена перекличка. Армия потеряла замёрзшими и пропавшими без вести 785 бойцов и командиров. Цифра для многотысячного воинства не слишком большая, но если такие бедствия будут повторяться, то поневоле призадумаешься...

На четвёртый день похода дорога сильно ухудшилась: мыши пришли в гористую местность, где нельзя было продвигаться так быстро, как на равнине. А ведь мышам следовало торопиться: от успеха их предприятия зависела судьба страны.

Скорость движения фургона-крепости и мышиной армии важно было согласовать. Если Чарли Блек явится к пещере злой волшебницы Арахны раньше времени, то колдунья улетит. Тогда мышам и великанию Тилли-Вилли будет очень трудно её разыскать.

На пути мышей всталая высокая гора с крутыми склонами, на её преодоление серому воинству требовалось несколько часов. Воспользовавшись этим обстоятельством, Тим решил слетать с докладом к одногоному моряку. Он захватил с собой и мышнюю королеву.

Ковёр быстро доставил мальчика к фургону, который уже оставил позади Большую реку и тоже углублялся в южную область. За ним неуклонно шагал Тилли-Вилли; дуболомы заводили его дважды в день.

Энни, Чарли Блек и остальные с радостью услышали от Тима и Рамины, что мышиная армия в походе, но огорчились, узнав, какие потери понесла она во время вчерашней бури. Эта буря захватила и ту местность, где находился фургон, но, конечно, не причинила никакого вреда её гарнизону.

По расчётом Железного Дровосека, Кагги-Карр и Рамины выходило, что передвижная крепость опередила мышей, и ей следовало задержаться на денёк-другой, чтобы не спутнуть колдуны раньше времени. Тим подзапасся провизией, наточил топор, посадил Рамину в карман, и они пустились в обратный путь.

Когда они настигли мышиное войско, последние его взводы уже скатывались с горы, взобраться на которую стоило больших трудов.

Следующий день похода выдался очень трудным. Дорогу то и дело пересекали ущелья с отвесными стенками. Иные из них удавалось обходить, через другие Тим перекидывал мосты, срубая деревья, росшие на краю ущелья.

Но вот встретилось такое ущелье, которое нельзя было обойти, и на краю его не росли деревья. Что было делать? Перевозить мышей на ковре-самолёте? Для этого потребуется слишком много времени. Королева предложила устроить живой висячий мост. Несколько сот самых крупных и сильных мышей, уцепившихся передними лапками за хвосты своих товарок, образовали живую цепочку, и Тим перебросил её через пропасть.

По этому живому колеблющемуся мосту двинулись мыши рота за ротой, пищá от страха и стараясь не смотреть вниз. Всё обошлось благополучно, только у раненой мышки Чернушки закружила голова, и она едва не полетела на дно ущелья, но её вовремя подхватила подруга.

Когда переправа кончилась, Тим забрал мост на ковёр. Это было последнее, самое трудное препятствие. Дальше пошли более ровные места. К невыразимому восторгу всего войска, от генерала до рядовой мыши, через четыре дня быстрого передвижения показалось голубое небо — владения Арахны. И это случилось во время: многие мыши уже начали покашливать, а у иных заслезились глаза.

Оставив позади область Жёлтого Тумана, мыши вздохнули свободно. Однако здесь требовалась особая осторожность: в окрестностях могли оказаться гномы. Узнав о нашествии мышей, они донесут колдуны, и дело будет проиграно. К счастью, почва тут оказалась мягкая, мыши быстро выкопали множество нор и надёжно скрылись там от чужого глаза. А Тим полетел к фургону для очередного совещания с Чарли Блеком.

ТИЛЛИ-ВИЛЛИ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

П

о чистой случайности на пути армии Рамины не встретилось ни одного гнома, и потому Арахна не узнала о приближении мышней: это заставило бы её насторожиться.

Но разведчики донесли колдунье, что к её владениям движется странный дом на колёсах, влекомый деревянными людьми, и он хорошо защищён: его неотлучно сопровождает железный гигант со свирепым лицом. Арахна решила узнать, что представляют собой её враги и насколько они опасны.

Захватив с собой Руфа Билана, колдунья взгромоздилась на ковёр-самолёт и пустилась в путь. За милю до того места, где по донесениям гномов находились люди, волшебница приземлилась и, укрывшись в лесу, послала в разведку Билана.

Прошло полчаса. Невдалеке от убежища Арахны захрустели сухие листья под ногами возвращавшегося Руфа Билана, и вскоре появился он сам. Маленький человек шёл шатаясь, лицо его побелело от ужаса, губы судорожно шевелились. Наконец он выдавил из себя:

— Что я видел, госпожа!.. Что я видел...— И он умолк.

— Ну, говори же, трус!— прикрикнула на него фея.

— Там ве...великан,— запинаясь, начал рассказывать разведчик.— Ро...ростом он больше вас... А лицо... Ух, какое ли... лицо! Я хорошо укрывался в кустах, но, когда он взглянул в мо... мою сторону, мне по...показалось, что его страшные гла...глаза просверлили меня на...насквозь... И он зо...зовёт одногоного че... человека... па...па...папой! Я еле-еле уп...полз от...туда.

— Вот, понадейся на такого болвана,— с презрением сказала Арахна.— Ходил-ходил и ничего не узнал. Придётся отправляться самой.

Колдунья сначала шла во весь рост, потом согнулась и, наконец, начала пробираться между деревьями ползком.

Наконец, послышался какой-то гул и треск. Арахна подобралась поближе, и вот что она увидела. Тилли-Вилли прорубал для фургона дорогу в лесу. Он стоял спиной к волшебнице, слегка наклоняясь, и огромный меч летал, как тростинка, в его могучих руках. При каждом ударе валилось толстое дерево, и усердные дуболомы тотчас оттаскивали его в сторону.

Арахна не увидела великана в лицо, но его рост и сила внушили ей великое почтение.

«Нет,— сказала сама себе колдунья,— мне с таким железным парнем схватываться несподручно. Но ничего, у меня есть волшебный ковёр, и пусть этот простак гоняется за мной по стране на своих на двоих».

Если бы колдунья знала, что неукротимые мышиные полчища грозной лавиной надвигаются на её пещеру!..

Арахна вернулась домой мрачная, задумчивая. По дороге она строила планы, как задержать неприятеля в пути на возможно более долгий срок. Гномам Арахна приказала беспрерывно шпионить за врагами и каждый вечер доносить об их местопребывании.

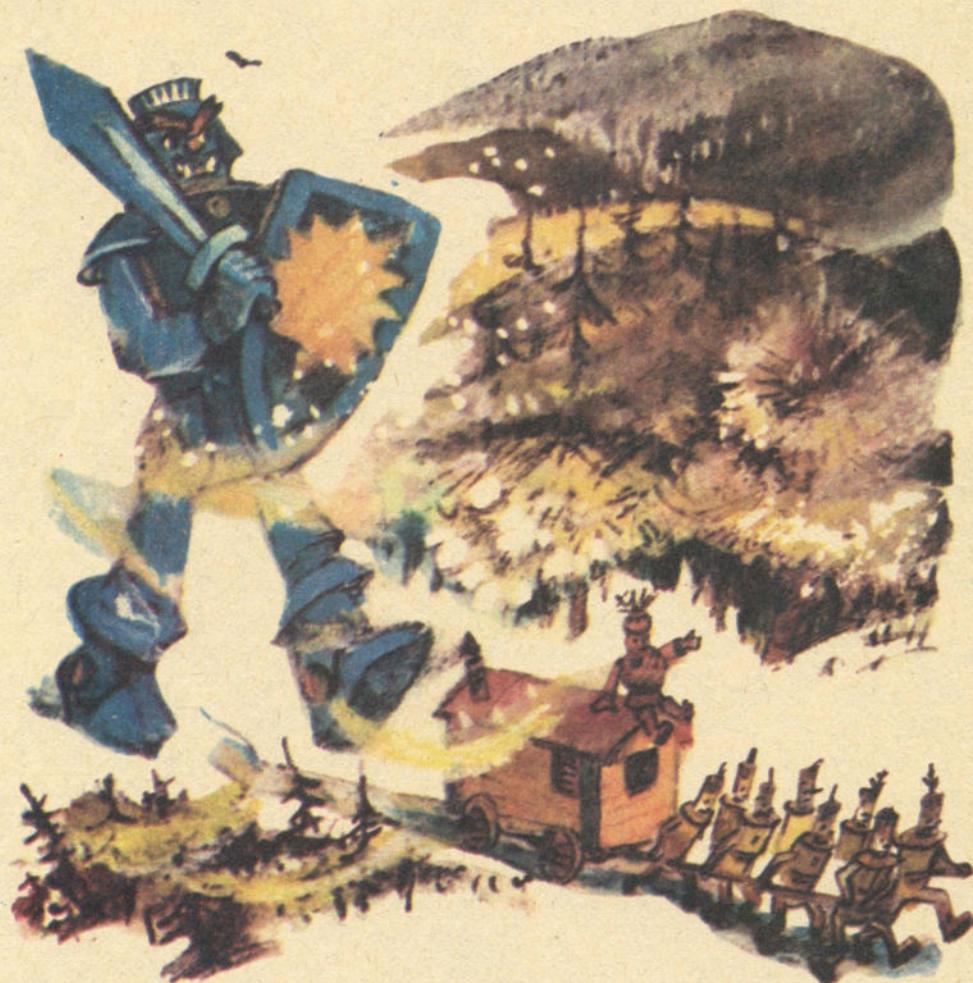
Остановка фургона, о которой Чарли Блек договорился с Раминой, продолжалась двое суток. В первую же ночь в стане Страшилы произошло важное событие, повлиявшее на весь ход кампании.

Лестар спал в своём уютном кресле, когда сверху послышался приглушенный голос Железного Рыцаря:

— Лестар! Водитель Лестар, откликнитесь!

Нет ответа. Великан повысил голос:

— Лестар, послушайте, я же вас зову!

— Ммм... Что там такое случилось? — сонным голосом отозвался механик. — Кто это?

— Это я, Тилли-Вилли! Почему вы не отвечали?

— Видишь ли, дружок, я спал и, должно быть, довольно крепко.

— Спали? А что такое сон? — поинтересовался великан.

— Сон?! Это очень трудно объяснить, — замялся Лестар. — Дело обстоит так. Человек лежит, потом его глаза закрываются, на него находит какое-то оцепенение, он перестаёт видеть и слышать, и чувства возвращаются к нему лишь через несколько часов. Это означает, что он проснулся.

— Но послушайте, — забеспокоился гигант, — это же опасно! К спящему может подобраться враг, может сделать с ним всё что угодно, даже убить!

— Ну, всё это не так уж страшно, — улыбнулся Лестар. — Если поблизости находится враг, люди не спят или выставляют часовых. А без сна человек обходиться не может, сон возвращает ему силу и бодрость.

— Какие же вы, люди, несовершенные существа, — заметил Тилли-Вилли. — Тратите такую массу времени непроизводительно! А мне ночью, когда всё спокойно, приходят разные интересные мысли. Сегодня, например, я придумал одну схемку, по-моему, довольно полезную, клянусь мачтами!

Дни путешествия не прошли для Железного Рыцаря даром. Он по целому часу беседовал с Лестаром о разных вещах, но преимущественно о технике. Он многому научился, и запас его слов заметно увеличился. Лестар так и загорелся, подпрыгнув в кресле.

— Какую схемку?! Говорите!

— Я додумался, — сказал Тилли-Вилли, — как мне стать самозаряжающимся. Эти дуболомы, что возятся около меня с лестницами и скрипят ключами, потопи их ураган, ужасно действуют

мне на нервы. И я подумал так: если вставить ещё несколько пружин и рычагов и организовать двусторонние тяги, то...

И тут гигант пустился в такие технические рассуждения, что мы с вами всё равно ничего не поймём, и речь его передавать не стоит. Скажем лишь, что суть предложения состоит в следующем: одна рука, поднимаясь или опускаясь, заводит другую, левая нога заряжает правую и наоборот.

Лестар был в совершенном восторге. Он даже раскрыл дверцу и высунулся наружу, чтобы лучше слышать. А потом заорал:

— Послушай, мальчуган, ты гениальный механик!

— Ну уж и гениальный,— скромно возразил Тилли-Вилли.— Просто у меня много свободного времени, которое вы, люди, тратите на разную чепуху, вроде сна и еды.

Лестар, не утерпев, побежал в фургон, разбудил Чарли Блека и рассказал ему об изобретении Железного рыцаря. Моряк тоже пришёл в восторг.

Утром, едва рассвело, началась работа. В хозяйстве Блека нашлись нужные пружины и рычаги, и реконструкция механического великана шла полным ходом, причём Тилли-Вилли давал очень полезные указания. Работа закончилась к концу второго дня, и Лестар сказал великану:

— Милый мой Тилли, всё готово! Отныне ты не нуждаешься в моих услугах, и я прощаюсь с тобой!

— Что это значит?— спросил удивлённый гигант.

— А это значит, что я уже не буду сидеть у тебя в брюхе и отягощать тебя своей ничтожной персоной.

— Вот это зря,— огорчился Тилли-Вилли.— Ваш вес для меня пушинка, а шагать по дорогам без моего водителя и, осмелиюсь сказать, наставника и друга будет очень скучно! Не с кем и словечка перемолвить. Прошу вас, почтенный Лестар, занять своё место!

И механик с улыбкой полез в кабину.

Умственное развитие Тилли-Вилли пошло с этого времени быстро, но это обходилось очень дорого его наставнику Лестару. Днём великан шагал за фургоном, а ночью у него было довольно времени для размышлений, и он не давал механику покоя. Вопросы следовали один за другим, как у трёхлетнего ребёнка, и им не предвиделось конца.

— Что такое солнце, и почему оно ходит по небу?

— Откуда берутся реки?

— Почему ночью темно?

— Отчего дует ветер?

— Почему у моего папы одна нога?

— Как живут люди за горами? — и так далее и тому подобное.

Добряк Лестар из сил выбивался, стараясь по мере своих возможностей просветить любознательного Тилли-Вилли, и кончалось тем, что он засыпал на полуслове...

С этих пор редкую ночь Лестару удавалось выспаться как следует, и он старался наверстать потерянные часы днём, когда гигант оставлял его в покое. Да, хлопотливая досталась должность маленькому механику из страны Мигунов — сделаться наставником юного Тилли-Вилли.

КОЗНИ КОЛДУНЬИ АРАХНЫ

В

ернёмся к тому месту, когда переоборудование Железного Рыцаря было закончено. Боевой отряд Страшилы и Чарли Блека, неизмеримо увеличивший свою мощь и боеспособность, двинулся в путь. Теперь, когда фургон приблизился к владениям Арахны, требовалась большая осторожность. Производить разведку с помощью коврика Чарли Блек не мог, но в отряде имелся такой испытанный боец, как Кагги-Карр. Она улетала на несколько миль вперёд, осматривала дорогу, шныряла повсюду и возвращалась с ценностями сведениями.

Если встречался овраг, через который надо было перекинуть мост, за дело принимался Железный Рыцарь. Он рубил огромные деревья и укладывал их на место по указаниям Лестара.

Вскоре наши герои убедились, что Арахне известно об их приближении. Фургон катился по лесной поляне и вдруг, в самом узком её месте, дуболомы с шумом провалились сквозь землю, и передние колёса экипажа ухнули вниз, затрещала поломанная ось. Пассажиры полетели по наклонному полу, ударяясь о стенки, налетая друг на друга. Послышались стоны ушибленных и от-

чаянный визг Артошки, которого придавил **Железный Дровосек**.

— Мы попали в ловушку! — воскликнул Чарли Блек. — Без сомнения, это дело рук Арахны.

Пока люди старались подняться, к месту происшествия подоспел Тилли-Вилли. Он вытащил фургон из ловушки и поставил его на ровное место. И сразу же спросил взволнованным голосом:

— Папочка Чарли! Ты цел, у тебя ничего не поломалось?

— Нет, нет, мой дорогой мальчик, — признательно отозвался одногоний моряк. — У меня только вскочила шишка на голове.

— А что такое шишка?

Пришлось объяснить это любознательному великану. И лишь после этого Чарли и механик Лестар принялись делать новую ось и чинить поломанное колесо. А Бориль вправлял вывихнутые руки и ноги, смазывал целебной мазью царапины.

Починка фургона закончилась только к вечеру, и решено было остаться здесь на ночлег.

— Да, мы дёшево отделались, — сказал Блек, — могло быть гораздо хуже. С колдуньей надо держать ухо востро.

— Нам не следует попадать в ямы, — важно заявил Страшила. — Яма — плохая вещь, а ровное место — очень хорошо. Если мы будем всё время ехать по ровному месту, мы никогда не провалимся в яму.

И все согласились, что Страшила прав, но, к сожалению, его совет не давал возможности различать замаскированные ловушки.

На следующий день отряд остановился на ночлег в долине, на берегу глубокой речки. Чарли Блек, Энни, Дин Гиор, Фарамант, Бориль, Тим, оставшийся ночевать в фургоне, спали, утомлённые дорожной тряской. Только Страшила и **Железный Дровосек**, не знаяшие, что такое сон, разговаривали, а тема их разговора в продолжение многих лет была одна и та же — что лучше, мозги или сердце.

Во время горячего спора друзья услышали, как что-то глухо ударило вдали, и тотчас же земля вздрогнула.

— Где-то случился обвал, — заметил Дровосек и продолжал доказывать, что если у человека любящее сердце, ему и мозги ни к чему.

Прошло около часа. Чарли Блеку приснилось, что он плывёт на корабле и вокруг бортов журчит вода. Моряк проснулся и с удивлением услышал, что вода в самом деле журчала и плескалась под полом фургона. Он раскрыл дверь, взглянул: вокруг, насколько видно было во тьме и тумане, разлилась вода.

— Тревога! — закричал Чарли. — Наводнение!

Дин Гиор, Фарамант, Бориль, Тим, Энни вскочили со своих мест.

— Лестар, конечно, спит в своей кабине, а Тилли-Вилли не

догадается прийти к нам на помощь,— высказал догадку Дин Гиор.— Он не понимает, в каком мы опасном положении. Побегу к нему!

Закинув за плечо свою роскошную бороду, которую Энни очень кстати накануне заплела в три пряди, Дин Гиор выбрался из фургона. Ему пришлось брести к великану Тилли-Вилли по грудь в воде, но Длиннобородый Солдат добрался до ног гиганта и заколотил по ним кулаком.

— Что случилось? — закричал проснувшийся Лестар; он только успел задремать после беседы с питомцем.

— Посмотри наружу и узнаешь! — ответил Дин Гиор.

Тем временем и Тилли-Вилли понял, что происходит что-то неладное, он бережно подхватил Дина Гиора и посадил себе на плечо.

Захлопнув дверь фургона за ушедшем Дином Гиором, Чарли Блек упрекнул Страшилу, Железного Дровосека и явившегося с докладом Лана Пирота за то, что они не подали вовремя сигнал тревоги. Страшила и Дровосек оправдывались тем, что они — сухопутные существа и звуки воды им незнакомы, а бывший генерал доложил, что речка вышла из берегов внезапно, его ребята не успели опомниться, как оказались в воде.

Впрочем, виновных в недосмотре искать не стоило, а причину случившегося все поняли. Шум, услышанный Дровосеком и Страшилой, был звуком обвала, который устроила колдунья, чтобы запрудить речку. Вода всё поднималась, и фургон всплыл, покачиваясь на волнах. Но он не имел ни единой щёлочки, и вода не просочилась внутрь.

— Наша крепость превратилась в корабль с капитаном Чарли Блеком, ура! — в восторге закричал Тим. — Приказывайте, капитан, юнга Тим О'Келли исполнит свой долг!

Но Чарли было не до веселья. Положение становилось опасным. Фургон могло занести в такие дебри, из которых его не вытащишь. Дуболомы не могли сдержать его: сделанные из дерева, они сами плыли вместе с фургоном.

К счастью, подоспел Тилли-Вилли. Он подошёл к плавучей крепости и прежде всего осведомился о здоровье и самочувствии папы Чарли и уж потом ухватился огромной ручищей за оглобли. Движение сразу прекратилось.

Ночь была так темна, что пришлось ждать утра для принятия какого-то решения. Гарнизон крепости кое-как дождался слабого мутного рассвета. Чарли решил пробиваться на сухое место: разрушать плотину, воздвигнутую Арахной, означало потерять много драгоценного времени.

Ворона полетела на разведку. Через полчаса она вернулась с докладом, что нашла плоский берег, на который легко можно вытащить фургон.

Капитан захватил с собой из города запас верёвок. Он бросил концы дуболомам, и те привязались к оглоблям и колёсам. Тилли-Вилли с плеском шагал по воде, таща за собой фургон. Ворона летела перед гигантом, указывая нужное направление.

— Земля, земля! — закричали пассажиры фургона, как некогда кричали матросы Колумба.

Дуболомы во главе с Ланом Пиротом вылезли из воды мокрые,

жалкие, с облезлой краской, но, впрочем, сохранившие силу. Когда всё было приведено в порядок, маленький отряд двинулся вперёд по пути, разведанному вороной.

— Да, опасный противник эта колдунья, она очень хитра и находчива,— с беспокойством сказал моряк.— Какие-то сюрпризы она нам ещё приготовит?

А нового сюрприза ждать пришлось недолго. Вечером следующего дня, когда караван проходил по скалистому ущелью, земля вдруг затряслась, и со склонов ущелья покатились большие камни. Гремя и подскакивая на неровностях, обломки скал разбивались на куски и летели со скоростью пушечных снарядов.

Тилли-Вилли с удивительным проворством заслонил своим массивным телом фургон и выставил перед собой огромный щит — принимать удары катящихся камней.

Бомбардировка продолжалась несколько минут, и за это время юный Железный Рыцарь сумел отразить десяток снарядов, которые могли разнести фургон в щепки и уничтожить находившихся в нём людей. Камни со страшным шумом ударяли по щиту, оглушая бойцов, укрытых в передвижной крепости.

Наконец канонада умолкла. Благодаря находчивости и прорвству Тилли-Вилли дело обошлось без большого урона. У фургона было вдребезги разнесено одно колесо, дуболову Альгену оторвало руку, а на щите образовалось несколько порядочных вмятин. Сменив колесо (у Чарли имелись запасные) и вставив Альгену руку, экспедиция поспешила оставить опасное место. Когда фургон выбрался из ущелья, путники заметили, как над ними в тумане пролетела Арахна, зябко кутаясь в синюю мантию.

— Как видно, Рамина не выполнила своего боевого задания, — сказал Страшила. — Раз колдунья летит на ковре, значит, мыши его не съели.

— Не так-то легко это сделать, — вздохнул Чарли Блек. — Надеюсь, что они не дремлют и ждут своего часа.

На первом же привале Страшиле пришла мысль наградить Тилли-Вилли орденом за самоотверженность, проявленную при нападении Арахны. Запас орденов соломенный мудрец всегда имел при себе, они хранились у начальника снабжения Фараманта. Но юному гиганту долго пришлось втолковывать, что такое орден и за что его дают. И когда он это наконец понял, он спросил:

— А папа Чарли имеет орден? Судя по тому, что мне рассказывал о его подвигах Лестар, у него должна быть целая куча орденов, клянусь буряями южных широт!

И тут Страшила в отчаянии хлопнул себя по голове. Если бы Правитель Изумрудной страны мог краснеть, он наверняка покраснел бы при этом простодушном вопросе.

— Ах я, невежа, болван! — закричал Страшила, вынимая булавки, выскочившие из головы и вонзившиеся в его соломенную руку. — О чём я думал раньше?! Великан из-за гор в первый свой приезд спас Изумрудный город из-под власти Урфина Джюса, освободил от плена меня и Железного Дровосека... Правда, тогда ещё мои мастера не делали орденов. Но теперь-то где были мои мозги? Теперь, когда Великан из-за гор снова поспешил к нам на помощь, подвергает свою драгоценную жизнь опасности, вступив в борьбу со страшным врагом?.. И я, несчастный простофиля, глупец, ни разу не догадался отметить заслуги этого са-мо-отвер-жен-но-го человека орденом звезды с изумрудами?! Дорогой друг, простите мою оплошность и примите эти награды...

И, несмотря на протесты Чарли Блека (впрочем, довольно слабые), Правитель прикрепил к куртке моряка сразу три высших ордена страны, сделанных из золота и украшенных изумрудами.

И лишь после этого орден был привинчен к железной груди Тилли-Вилли.

— Жаль, что нет зеркала,— вздохнул Великан,— я хотел бы посмотреть, как выглядит на мне эта штука...

Следующим препятствием на пути оказался высокий каменный завал. Арахна потрудилась немало, нагромоздив целую гору огромных каменных глыб. Труд её оказался напрасным. Великан Тилли-Вилли, проработав часа три, расчистил дорогу. Миновав эти горы, фургон выбрался на равнину, и отряд остановился в ожидании известий от Рамины.

КОНЕЦ ВОЛШЕБНОГО КОВРА

М

ышиная армия уже несколько дней обитала в норках у границы владений Арахны. Днём мыши тщательно прятались от постороннего глаза, а ночью стройными колоннами отправлялись кормиться в полях колдуны, не тронутых ядовитым туманом.

Каждый день дозорные, выставленные в укромных местах, видели, как фея пролетала куда-то на ковре и возвращалась только через несколько часов. Дважды побывав у Великана из-за гор, Рамина знала, что колдуны ведут военные действия против врагов, но без особого успеха. По ночам мышиные разведчики пробирались тайными тропами к убежищу Арахны и возвращались с сообщением, что ковёр спрятан в пещере и к нему нет доступа.

Но вот после одного дождливого дня ковёр во время полёта сильно промок. Его разложили просушивать на площадке перед пещерой. Там он остался и на ночь, и с этой радостной вестью явилась к Рамине команда разведчиков.

Связные тотчас помчались в поля, где мыши питались после голодного дня, и разнесли приказ:

— Всем подразделениям выстроиться и занять места, указанные в диспозиции.

Не прошло и получаса, как дивизии и полки были готовы к выступлению. В ночной темноте серые шубки мышей сливались с землёй. Полки за полками беззвучно прокрадывались к ковру с разных сторон. Слышалось только шуршанье маленьких лапок, да время от времени раздавались тихие команды. Два старичка гнома, охранявшие ковёр, крепко спали, спала и Арахна, утомлённая дневными трудами.

Десятки тысяч мышей разбежались по волшебному ковру, сотни тысяч острых белых зубов вонзились в его ткань. Шерсть затрещала, там и сям начали образовываться первые дырки.

Королева отдала своему племени строгий приказ:

«Трудиться самоотверженно, не ограничиваться тем, что ковёр будет раздёрнут на отдельные шерстинки: эти шерстинки нужно глотать, хотя это и противно. К утру работу надо закончить, и на месте ковра должно оставаться голое место».

Мыши старались вовсю. Взводные строго смотрели за тем, чтобы ни одна шерстинка не оставалась на площадке. Иная мышь не могла проглотить слишком длинную нитку, и тогда какая-нибудь из товарок откусывала лишнее.

Сторожа-гномы мирно похрапывали, а ковёр становился всё более похожим на решето. Наконец, поглаживая себя лапками по туго набитым животам, мыши начали отходить от ковра. А шерсти оставалось ещё много.

Мудрая Рамина предвидеяла и это. Её адъютанты бросились вскачь от площадки, и вскоре свежие дивизии, державшиеся в резерве, накинулись на остатки ковра с новыми силами. Смешно было смотреть, как две мыши, ухватившись за длинную нитку, тянули её каждая к себе, потом нитка разрывалась, и подруги-соперницы валились на спину, дрыгая в воздухе лапками.

Наказ Рамины был выполнен с военной точностью: к утру ковёр исчез, зато серое воинство не могло сдвинуться с места: так отяготила мышей съеденная шерсть.

В это утро Арахна проснулась раньше обычного: что-то словно толкнуло её под бок и заставило выбраться из пещеры. Взглянув туда, где с вечера был разостлан ковёр, колдунья обомлела: вместо пёстрой его раскраски она увидела нечто серое, колышущееся, с неопределёнными очертаниями.

Напрасно волшебница искала глазами сторожей. Гномы давно обнаружили исчезновение ковра и, зная, что за недосмотр их ждёт страшная кара, укрылись в каком-то тайнике. Арахна сделала несколько шагов вперёд. Серое покрывало зашевелилось, начало менять форму.

— Мыши! — ахнула колдунья. — Мой ковёр съели мыши!

Самым простым было бы броситься на эту живую массу и передавить её ногами. Но Арахна, как многие женщины, боялась мышей. И пусть не удивляется этому читатель, а вспомнит, как боятся серых зверушек слоны, великаны животного мира.

«Мне помогут коты», — подумала Арахна.

Она бросилась в пещеру, достала волшебную тетрадь и наксоко пробормотала заклинание,зывающее котов. А в ту пору очень много диких котов собралось в стране Арахны, они явились сюда из соседних областей, спасаясь от Жёлтого Тумана.

Рыжие, полосатые, чёрные, искусанные и исцарапанные в битвах с соперниками, коты сотнями мчались на зов колдуньи со всех сторон, задрав хвосты и громко мяукая.

И тут произошло такое, о чём летопись гномов рассказывает с удивлением и восторгом.

Мыши всеми силами своей души пожелали очутиться подальше от котов, а так как коты приближались отовсюду, то единственный путь спасения был в небе. Животы у мышей были набиты шерстью, а волшебная шерсть и в мышиных животах не утратила подъёмной силы. И много ли надо этой силы, чтобы поднять в воздух мышь?

Повинуясь мысленному приказу новых хозяек, волшебная шерсть исполнила свой долг, и неисчислимая мышиная стая взвилась в воздух во главе со своей королевой. Свирепые коты нашли вместо лакомой добычи пустое место и вступили в жестокую битву между собой.

А мыши, правя хвостиками, как рулями, и уже сознательно отдавая приказы волшебным шерстинкам, понеслись прочь от пещеры Арахны. Они весело пищали на лету и обменивались впечатлениями по поводу удобств нового средства передвижения.

Надолго ли остались наши мыши летуньями? К сожалению, нет. Постепенно они сделались обычными земными созданиями, которым суждено передвигаться на четырёх ногах. Но волшебная шерсть рассеялась по всей стране, и даже трудолюбивым гномам не под силу было её собрать.

Так колдунья Арахна лишилась своего ковра-самолёта. И она с полной ясностью поняла, что теперь битва с Железным великаном, сопровождающим фургон, неизбежна. Имея волшебный ковёр, она могла ускользать от него по воздуху, но теперь она, как и Тилли-Вилли, прикована к земле. И снова, в который уж раз, пришло ей на память зловещее предсказание Урфина Джюса...

Собрав десятка два гномов из тех, что не успели разбежаться, Арахна послала их на разведку. Они должны были разузнать, где находится крепость на колёсах и по правильному ли пути продвигается она к пещере. А сама Арахна стала готовить себе оружие — огромную дубину из железного дерева, славящегося своей прочностью.

НОВЫЙ СОЮЗНИК

К

огда Тим прилетел в лагерь друзей и сообщил, что ковра Арахны больше не существует, там началось всеобщее ликование, и даже дуболомы на радостях исполнили какой-то неуклюжий танец, очень разогорчив Лана Пирота; он-то понимал в этом толк.

— Теперь колдунье от нас не уйти, — самоуверенно заявил Страшила. — Она могла летать, а мы не могли. И нам было её не поймать. Теперь мы всё равно не можем летать, но и она не может, значит, мы её поймаем.

К мнению Страшилы присоединились все, кроме Чарли Блека. Моряк озабоченно заметил:

— Боюсь, что это не совсем так. Конечно, наши шансы на победу сильно возросли. Наш мальчик Тилли-Вилли развивается не по дням, а по часам, прямо как в сказке. Вы все замечаете, как он буквально на глазах становится всё более ловким, быстрым и умным. И однако я боюсь, что он не сможет настигнуть Арахну, если дело дойдёт до погони. Колдунья легка на ногу, делает большие прыжки, может в один момент изменить направление своего бега. А наш мальчик слишком для этого тяжёл...

Услышав рассудительные слова Чарли, все приуныли.

— Как же быть, дядюшка Чарли? — спросила Энни.

— Нам нужно искать союзника такого же проворного, как Арахна, и сильного, как Тилли-Вилли. И я думаю, что таким союзником может стать гигантский орёл.

— Орёл Карфакс? — изумлённо воскликнули Тим и Энни.

— Именно орёл Карфакс, — подтвердил моряк. — Из рас-

сказа о ваших прошлогодних приключениях я понял, что это благородная птица, не терпящая лжи и обмана. Ведь орёл сразу покинул Урфина Джюса, как только разгадал его гнусные замыслы. Карфакс хорошо относится к людям, он без всякой просьбы перенёс вас через пропасть, которую не могли преодолеть ваши мулы. И ведь он, как все обитатели Волшебной страны, заинтересован в том, чтобы скорее покончить с ненавистным Жёлтым Туманом.

— Правильно, всё правильно, капитан,— закричал Тим,— и я лечу звать Карфакса на помощь.

Тут Энни ужасно обиделась.

— Всё ты, везде ты,— сердито говорила девочка.— Мышиную армию вёл в поход ты, на разведку летал ты. А когда придёт моя очередь?

— Знаешь, Энни, это опасное дело разыскивать Орлиную долину,— вмешался моряк.— Лететь на ковре-самолёте, это не на мule ехать. И потом, кто давал родителям обещание не ввязываться в опасные приключения?

— А Тим не давал? Что? Ага, ага!

На это капитан не мог ничего возразить.

— И всё равно за Карфаксом отправляюсь я,— продолжала Энни,— он меня скорее послушает.

— Это ещё почему?— удивился Тим.

— Потому, что я женщина!— важно заявила Энни.

Все расхохотались, и вопрос решился в пользу Энни. Чтоб не так страшно было лететь одной, девочка взяла с собой Артошку.

Жутковато пришлось Энни, когда ковёр, повинувшись её приказу, поднялся в воздух, пролетел над полями и лесами и стал набирать высоту, приблизившись к горам. Девочка и пёс подбадривали друг друга и не очень боялись.

Над горами солнце светило гораздо ярче, чем внизу, воздух здесь был чище, и Энни с Артошкой почувствовали себя совсем хорошо. Под ковром проплывал лабиринт горных вершин, покрытых снегом. Энни заметила, что снега спускаются гораздо ниже, чем это было в прошлом году. И девочка правильно объяснила это тем, что и в горах стало холоднее, как во всей Волшебной стране. В глубине горных долин ничего не было видно из-за тумана, но наши воздушные путешественники твёрдо верили, что ковёр принесёт их куда нужно.

И он действительно принёс. Когда Энни сошла с ковра, она увидела невдалеке огромное гнездо вышиной с трёхэтажный дом. Из гнезда выглядывала большущая голова птенца. Вскоре воздух загудел под взмахами крыльев, и на землю спустился гигантский орёл.

Это и был Карфакс.

Сначала орёл с удивлением рассматривал посетительницу, но память у него была хорошая, и он узнал её.

— Здравствуйте, благородный Карфакс! — поклонилась Энни.

— Приветствую тебя, девочка, в наших горах, — отвечал орёл сиплым низким голосом. — Предполагаю, что у тебя ко мне очень важное дело, иначе ты не доверила бы свою жизнь этому ничтожному клочку материи.

Энни обиделась за коврик и сказала, что для своих размеров он вполне надёжен.

— Но, впрочем, речь идёт не об этом. Меня привела сюда важная просьба. Скажите, вам, гигантским орлам, очень мешает этот туман, который висит над землёй?

— Как тебе сказать,— задумался Карфакс.— Здесь, наверху, с ним ещё можно мириться, но в долинах стало страшно трудно разыскивать козлов и туров, и мы последнее время живём впроголодь.

— Так узнайте же, от чего всё это получилось!— воскликнула девочка.

И она рассказала о долгом сне Арахны, о её пробуждении и о том, как злая фея, чтобы забрать народы Волшебной страны в рабство, наколдовала Жёлтый Туман.

— Мой дядя Чарли Блек, и мой друг Тим О'Келли, и я — мы явились в вашу страну по просьбе её обитателей. Мы вступили в борьбу с Арахной и добились кой-каких успехов, но нам не хватает сил для окончательной победы. И если вы нам не поможете, Жёлтый Туман останется над Волшебной страной,— горячо закончила девочка.

— Насколько я тебя понял, эта Арахна вроде Урфина Джюса, который в прошлом году захватил власть над Марранами?

— Ну что вы,— невольно рассмеялась Энни.— Урфин перед Арахной просто мелюзга, как говорит мой дядя Чарли. Даже когда он захватил Изумрудный город, солнце сияло по-прежнему и небо было голубым. А теперь Волшебная страна лишена и солнца и неба и быстро идёт к окончательной гибели. А об Урфине кстати скажу вам, что он давно уже не бог и не король, народ разгадал его и прогнал. И он стал хорошим — не пошёл на службу к злой колдунье и придумал, как бороться с Жёлтым Туманом.

— Я рад этому,— сказал Карфакс.— Ну, а с Арахной я готов вступить в бой, раз это необходимо.

— Вы будете сражаться не один, а в союзе с могучим Железным Рыцарем Тилли-Вилли. Он очень силён, но, как бы это сказать,— замялась девочка,— у него ещё не хватает быстроты и ловкости, чтобы победить Арахну.

Выслушав это объяснение, орёл молвил:

— Не станем терять времени на разговоры и отправимся в путь. Вы полетите на моей спине, а не на этой тряпке, так вам будет гораздо удобнее. Вот не знаю только, как вы влезете на меня: у нас в Орлиной долине нет лестниц.

— Об этом не беспокойтесь,— улыбнулась Энни. Она села на ковёр, взяла на колени Артошку и тихо приказала:— Коврик, подними меня на спину Карфакса.

И через несколько секунд девочка и пёсик были на месте.

— Как видно, и эта тряпка кое на что годится,— удивившись, сказал орёл.

Он наказал птенцу смиленно ждать возвращения матери, которая улетела за добычей, и шумно взвился в воздух.

БИТВА ГИГАНТОВ

П

оявление Карфакса в стане Чарли Блека показало, что Энни с успехом исполнила своё важное поручение. Спустившись на землю на коврике, девочка первым делом показала Тиму язык и торжествующе воскликнула:

— Вот! А ты говорил!

— Ладно, ладно, сдаюсь,— пробурчал Тим.

Чарли Блек и его отряд приветствовали гигантского орла с великой радостью, а Тилли-Вилли вежливо сказал:

— Я очень рад видеть вас, почтенная птица! Надеюсь, мы вместе с вами одолеем злую Арахну!

Карфакс удивился при виде свирепой физиономии Железного великана, но, как умная и вежливая птица, ничего не сказал, а, наоборот, похвалил его большие раскосые глаза. Они, наверно, очень хорошо видят, сказал орёл, и Тилли-Вилли крайне возгордился.

— Я редкостный красавец, клянусь айсбергами!— воскликнул он.— Это всем известно в Волшебной стране.

Теперь, когда все боевые силы собрались вместе, можно было начинать военные действия. Но прежде чем двигаться в полном составе к пещере Арахны, следовало убедиться, там ли находится волшебница. Поручение произвести последнюю разведку выпало на долю Тима, хотя Энни тоже рвалась в бой. На этот раз девочка осталась в одиночестве, никто её не поддержал, даже Артошка.

Тим и Артошка улетели на волшебном коврике и вернулись часа через два разочарованные: Арахна исчезла. Мальчик пытался разыскать хотя бы одного гнома, чтобы расспросить его, но маленькие человечки как сквозь землю провалились. И всё же вылазка прошла не без пользы. Артошка заявил, что если его пустят по следу колдуны, он разыщет её, где бы она ни скрывалась.

Страшила сказал:

— У тебя, наверно, очень хорошее зрение, если ты рассчиты-ваешь увидеть следы волшебницы. А вдруг на камнях ничего не будет заметно?

Артошка рассмеялся:

— У нас, собак, есть чувство, которое позволяет нам идти по следам даже в полной темноте: это нюх.

Страшила с сомнением покачал головой.

Так как пёсик мог взять след только там, где он начинается, то решили всей компанией идти к пещере. Тим, неоднократно пролетавший над этой местностью на ковре, заявил, что она трудно проходима и на фургоне не проедешь. И как не было жалко, передвижную крепость пришлось оставить. Её загнали в кусты и замаскировали ветками.

Уже первые шаги по каменистой тропе показали, что идти на врага пешком с фильтром из листьев рафалоо на губах совсем не то, что ехать в удобном экипаже. И тут Чарли Блек порадовался, что не захватил с собой из Канзаса пушку с запасом пороха и снарядов, хотя такая мысль приходила ему в голову. Где уж гоняться за увёртливой волшебницей по горным теснинам и ущельям с тяжёлым неповоротливым орудием?

А ружья любого калибра были для Арахны всё равно что детские хлопушки.

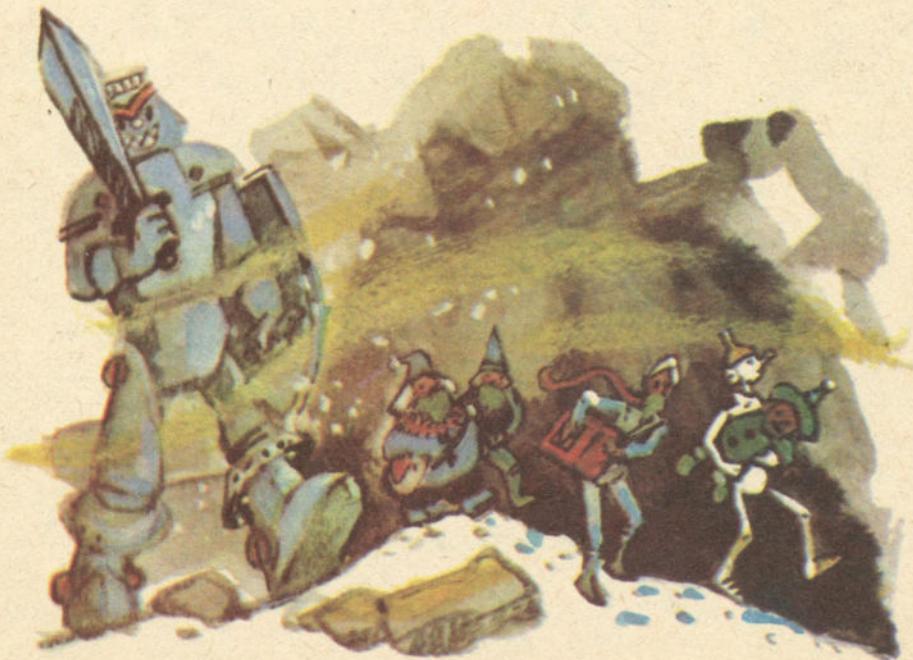
Каравану и без пушки пришлось трудно. Ещё хорошо, что отряд включал в себя больше двух десятков дуболовов с командиром Ланом Пиротом. Деревянные силачи взвалили на плечи весь груз фургона: продовольствие, постели, инструменты. Они открывали шествие, смотрели, нет ли где засады или ловушки, сбрасывали с дороги крупные камни.

Далее шагали Чарли Блек и Тим с Артошкой на руках (собаке следовало беречь силы для будущей погони за Арахной). За ними следовал Железный Дровосек; он тащил Страшилу, потому что бедняга всё время спотыкался и падал, задерживая колонну. Дин Гиор и Фарамант шли в сопровождении толстенького доктора Бориля, у которого, как всегда, висела медицинская сумка на боку.

Дин Гиор нёс волшебный телевизор, который не решились доверить дуболомам, а на плече Фараманта удобно устроилась Кагги-Карр. И наконец, позади всех, охраняя тыл, величаво шагал Железный Рыцарь Тилли-Вилли.

Военно-воздушные силы маленькой армии представлял Карфакс. Орёл нёс на спине Энни. Он зорко смотрел по сторонам, но вокруг всё было спокойно.

Как обрадовались наши герои, когда перешли границу владений Арахны! Над ними раскинулось давно не виданное ими голубое небо без единого облачка. Их щедро освещало своими лучами яркое солнце. Живительный свежий воздух волнами вливался в их лёгкие, отвыкшие дышать свободно. Сбросив опостылевшие повязки из листьев рафалоо, люди поздравляли друг друга, и даже дуболомы шумно ликовали: теперь быстро высохнут их отсыревшие без солнышка тела. И только Тилли-Вилли смотрел на небо в полном недоумения: за свою короткую жизнь он ещё не видел дневное светило во всём его великолепии.

Так как отряд шёл уже несколько часов и дело клонилось к вечеру, то решили остановиться здесь до утра: явишься к пещере Арахны в темноте — а вдруг колдунья устроила там засаду.

И как хороша была эта ночь на свежем тёплом воздухе, под яркими крупными звёздами на тёмно-синем небе!

Вытянувшись на своём жестком ложе и глядя вверх, Чарли Блек гневно сказал:

— И этой прелести проклятая колдунья
лишила Волшебную страну!
За одно это она заслужи-
вает смерти!

Энни, Тим и Артошка прекрасно провели ночь, уютно устроившись под мягким крылом Карфакса.

На рассвете вся разнокалиберная компания тронулась в путь и через три часа достигла убежища Арахны. Оно пустовало. Гномов не было видно, все куда-то скрылись.

Прежде чем отправиться на последнюю, решительную борьбу с Арахной, Страшила надумал взглянуть на неё в телевизор.

Волшебный ящик поставили на плоский камень, и все столпились перед экраном. Страшила сказал магические слова, матовое стекло осветилось, и на нём показалась Арахна. Закутанная в синюю мантию, она скрывалась среди нагромождения диких скал. По лицу колдуньи видно было, что её одолевают злоба и страх. Она озиралась по сторонам, боясь, что враги обнаружат её и в этом тайном убежище. Неподалёку от Арахны лежала огромная дубина, которую фея могла схватить в любой момент.

— Ого-го, милая особа вооружилась основательно! — сказал Фарамант.

Тилли-Вилли откликнулся:

— Против моего меча эта деревянная штука ничего не стоит, клянусь фок-мачтой!

Безуспешно поискав в пещере волшебную книгу Арахны, наши герои двинулись в путь, оставив на площадке перед пещерой весь громоздкий багаж.

Впереди бежал Артошка, уткнув нос в землю. Он шёл по следу колдуньи, не сбиваясь с него, так же свободно, как человек по городской улице. Следить за маленьким чёрным шариком, катившимся меж кустарников, высоких трав, каменных завалов, Лестару и Тилли-Вилли было трудно, поэтому над ним летела Кагги-Карр и служила великану надёжным проводником. Сзади длинной цепочкой растянулись дуболомы и люди, а вверху медленно взмахивал огромными крыльями Карфакс. На этот раз у него на спине никого не было: в бою не до того, чтобы помнить о седоке и беречь его.

Через каждые полчаса Страшила проверял по телевизору, остаётся ли в своём укрытии колдунья. Арахна ещё была там, но поведение её становилось всё тревожнее. Она внимательно взглядалась в небо: уж не заметила ли она орла? Чарли Блек пронесли сигнал Карфаксу, чтобы он спустился пониже, и тот перешёл на бреющий полёт.

— Следы Арахны стали свежее и явственнее, — доложил командованию Артошка. — Мы приближаемся к убежищу колдуньи.

А дорога становилась всё хуже. На пути встречалось множество ущелий, узких и широких. Через узкие ущелья дуболомы перекидывали мосты из захваченных с собой брёвен, широкие приходилось обходить. От Тилли-Вилли, шедшего во главе колонны,

требовалась величайшая осторожность: малейшая его ошибка могла привести к падению и тяжёлому увечью.

— Проклятая колдунья, куда забралась! — пыхтел коротконогий Бориль, едва поспевая за спутниками.

— Оставайтесь здесь, доктор! — не раз предлагал ему Чарли Блек.

— Ни в коем случае! Медицина всегда должна быть на посту!

И храбрый маленький доктор продолжал шагать, обливаясь потом.

Внезапно на вершине горы возникла исполинская чёрная фигура Арахны: колдунья заметила приближение врагов.

Положение отряда Чарли Блека сделалось опасным: он очутился под обстрелом. Колдунья то и дело наклонялась, хватала мощными руками большие камни и бросала их на огромное расстояние. Камни разлетались на куски, и один из таких кусков уже разбил туловище дуболома. Снаряды, направленные в Тилли-Вилли, Железный Рыцарь с большой ловкостью отражал щитом.

Капитан Блек заметил поблизости нечто вроде двускатного каменного шатра, образованного привалившимися одна к другой большими плитами. Под массивными сводами этого шатра укрылись от обстрела Арахны Чарли и его соратники.

Блек сказал:

— Когда сражаются гиганты, нам, карликам, лучше держаться в стороне. Наши удары для них не страшнее укуса козявки.

Моряк разместился близ выхода из шатра, чтобы удобнее было наблюдать картину боя. Он видел, как великан Тилли-Вилли упорно продвигался вверх по склону горы, а колдунья сбрасывала на него громадные камни. Чарли с замиранием сердца следил, как катятся вниз обломки скал, гудя и подпрыгивая. Они были так велики, что щитом их не отобьёшь. Но Тилли-Вилли каждый раз ловко уклонялся в сторону, и снаряды проносились мимо.

— Бури и волны! — вдруг дико заорал моряк, размахивая руками. — Наконец-то орёл вступил в борьбу!

Карфакс долго выжидал подходящего момента и вдруг с разлёта ударил в спину Арахны своим огромным клювом с такой силой, что колдунья чуть не потеряла равновесие и выпустила из рук камень, который собиралась бросить. Волшебница яростно обернулась к новому врагу, подхватила с земли дубину и попыталась оглушить Карфакса.

Но орёл, несмотря на свои гигантские размеры, был очень проворен и искусно увёртывался от ударов. Пока Арахна отбивалась от орла, Тилли-Вилли поднимался по склону огромными шагами. Все его пружины скрипели и стонали, механические мускулы находились в крайнем напряжении, а Лестар в нетерпении топал,

маленькими ножками по полу кабины, лихорадочно приговаривая:

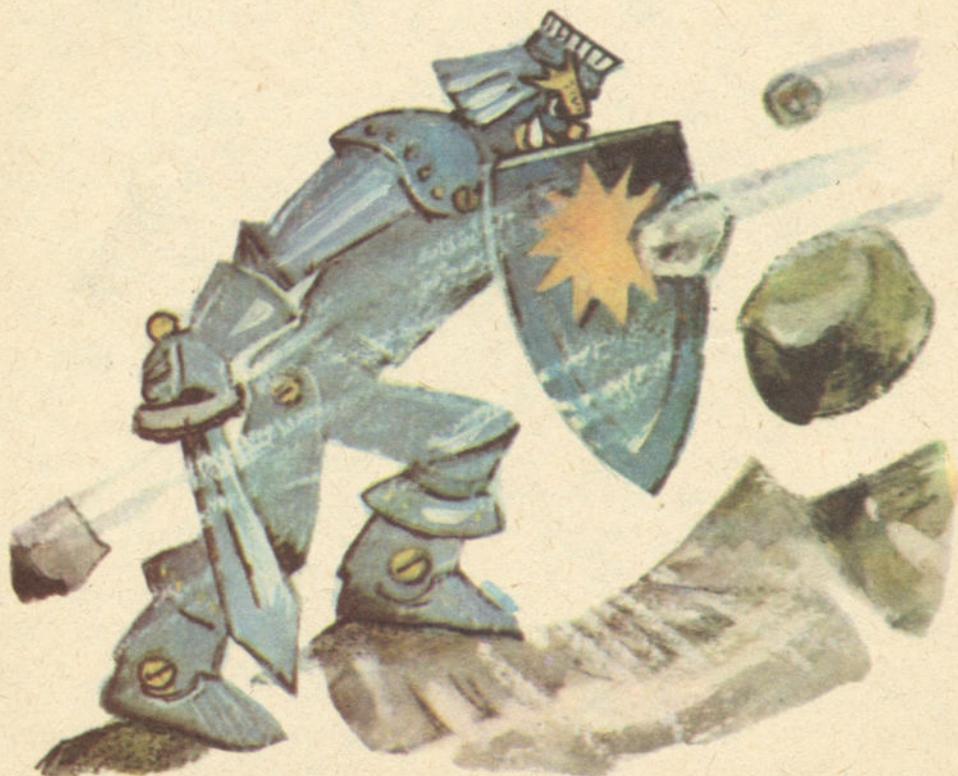
— Ну, ещё шажок, ну, ещё другой! Поднатужься, крошка!..

Гигант стремительно поднимался, выкрикивая угрозы:

— Гром и молния! Вот я тебе задам, проклятая колдунья, дай только мне взобраться на гору!..

Поражённая неумолимой свирепостью физиономии Тилли-Вилли, злобным взглядом его раскосых глаз, Арахна цепенела от страха. А Железный Рыцарь всё убыстрял своё восхождение. Чарли Блек показал себя великим знатоком военного дела, когда призывал на борьбу с Арахной Карфакса. Нелегко было могучей волшебнице сражаться на два фронта. Когда она обращалась против Тилли-Вилли и пыталась сбить его обломком скалы, орёл набрасывался на её спину, терзал клювом и острыми когтями, бил крыльями. А стоило фее повернуться к Карфаксу, как великан безнаказанно одолевал новый участок горы.

Колдунья начала понимать безнадёжность своего положения. Ах, если бы у неё был волшебный ковёр! Тогда, ускользнув от железного богатыря, она сразилась бы в воздухе один на один с гигантским орлом, и ещё неизвестно, чья была бы победа. Но клочья ковра рассеялись по всей стране, и трудный бой приходилось выдерживать на земле.

Арахне оставалось одно: искать спасения в бегстве. Ей удалось ненадолго ошеломить Карфакса ловким ударом дубины, и она ринулась по склону горы гигантскими прыжками — прочь от неумолимо приближавшегося Тилли-Вилли.

Огромная фигура колдуны вдруг исчезла из глаз Чарли Блека и его друзей, наблюдавших картину боя. Это привело моряка в отчаяние. Выхватив из рук Тима ковёр, Чарли вскочил на него и приказал нести себя к месту битвы.

Но волшебный ковёр только делал судорожные усилия и едва отрывался от земли на несколько дюймов: моряк был слишком тяжёл для него. Тим, наблюдавший за этой сценой с большим интересом, подскочил к Чарли Блеку и воскликнул:

— Капитан, извините, лететь придётся мне!

— Ладно, парень, твоё счастье, — угрюмо согласился Блек и уступил место мальчику.

Ковёр тотчас взвился и понёс счастливого Тима О'Келли к вершине горы. Там мальчуган увидел потрясающее, незабываемое зрелище. В изодранной синей мантии колдуны мчалась по горным склонам с лёгкостью серны; опершись на длинную дубину,

перепрыгивала через ущелья, делала крюки и петли, стараясь сбить с толку преследователя.

Быть может, это ей и удалось бы, если бы не Карфакс. Гигант вился над головой волшебницы, метил ей клювом в лицо, бил крыльями в спину, цеплялся когтями в плечи.

А сзади, до предела использовав всю силу своих мощных механических мускулов, лёгкими упругими прыжками гнался за беглянкой Железный Рыцарь со страшными глазами и бестрепетной юной душой.

Озирая с высоты лабиринт хребтов и ущелий, Карфакс увидел вдалеке огромный каменный утёс, с трёх сторон окружённый пропастями. Орёл давно знал Утёс Гибели — туда и сам он и его собратья орлы не раз загоняли горных козлов и туров, и там животные находили свою смерть.

«Туда, и только туда должен лежать путь волшебницы», — решил орёл.

И как бы ни старалась Арахна уклониться в сторону от того опасного пути, Карфакс не давал ей такой возможности. Ни вправо, ни влево, а только вперёд, и каждый шаг, каждый прыжок приближал злую фею к тому месту, где должно было совершиться возмездие.

И вот наконец Утёс Гибели!

Увидав, в какую ловушку загнали её могучие враги, Арахна дико завыла от злобы и страха. Обернувшись к Тилли-Вилли, колдунья в отчаянии подняла в воздух огромную дубину.

Началась необыкновенная битва. Наблюдая её, Тим О'Келли визжал от восторга и так вертелся на своём коврике, что десять раз слетел бы с него, если бы коврик предусмотрительно не поднимал кверху тот или иной край.

Два великаны, как легкими тросточками, фехтовали своим оружием: Арахна — палицей, Тилли-Вилли — мечом. И кто знает, досталась бы Железному Рыцарю победа или он пал бы в бою, если бы не помочь Карфакса. Разъярённый орёл, забывая о собственной безопасности, жестоко терзал колдунью когтями, бил её крыльями по лицу, мешая видеть противника.

И желанный миг победы пришёл!

Тилли-Вилли ловким ударом перерубил дубину волшебницы пополам. В руке Арахны остался бесполезный кусок дерева, и, швырнув его в орла, злая фея с последним смертным воплем: «Урфин был прав!!» ринулась в пропасть, со дна которой поднимался белый пар.

— Победа! Победа!! — трубным голосом провозгласил орёл.

— Победа!! — прогремел Тилли-Вилли, и ему слабым голосом вторил из своей кабинки Лестар, счастливый, как никогда в жизни, хотя и совершенно разбитый тряской, которую ему пришлось ис-

пытать в брюхе великана за время погони и жестокой битвы.

Невозможно передать словами, какую радость испытали Чарли Блек и остальные наши герои, когда Тим О'Келли, возвратившийся на волшебном коврике, доложил им об исходе последнего боя. А вскоре вернулись и сами победители — израненный орёл и покрытый пылью, с глубокими вмятинами на груди и боках Железный Рыцарь Тилли-Вилли, великан со свирепым лицом и добрым сердцем.

Какими похвалами, какими благими пожеланиямисыпали люди храброго, самоотверженного Карфакса!

Орёл сказал:

— Не благодарите меня, друзья мои! Ведь и мне, как всем вам, грозил смертью Жёлтый Туман, значит, я сражался не только за других, но и за себя, за своё племя. А теперь я возвращусь к своим: меня ждут там с нетерпением и беспокойством. По пути я могу доставить Энни к пещере Арахны: зачем девочке утомляться по-пустому?

Прежде чем подняться на спину орла, Энни подула в свисточек, и перед ней явилась Рамина.

— Порадуйтесь вместе с нами, ваше величество,— сказала Энни.— Коварная Арахна погибла, и в её поражении великая заслуга мышиного племени!

Девочка взяла бесконечно довольную королеву на руки, и коврик поднял их на спину Карфакса. Улетая, Энни увидела, как её друзья весёлой колонной тронулись в обратный путь.

ЖЁЛТЫЙ ТУМАН ИСЧЕЗ!

нни провожала Карфакса глазами до тех пор, пока он не обратился в тёмную точку на дальнем небе и не исчез. Рамина тоже рас прощалась с девочкой: она отправилась к своему народу, вести его в издревле обжитые места, в Изумрудную страну.

Энни с трепетом вошла в жилище Арахны и остановилась в удивлении: всю пещеру заполнили маленькие человечки. Там были старики, которые смотрели вверх, задрав седые бороды, и опрятные старушки в белых чепчиках и вышитых фартучках, и младёжь, и совершенно крохотные дети с огромными красивыми игрушками в руках.

Гномы расступились перед Энни, и вперёд вышел представительный старик в красном колпаке: это был летописец и старейшина гномов Кастальо.

— Здравствуй, милая Энни!— с поклоном сказал гном.

— Вы знаете моё имя?— изумилась девочка.

— Мы знаем о вас всё, пришельцы с Изумрудного острова и гости из-за гор,— важно пояснил Кастальо.— Немало ночей провели мы под фургоном, слушая ваши разговоры, знакомясь с вашими планами военной кампании.

— И вы, конечно, открывали их Арахне?— с негодованием воскликнула девочка.

— Ничуть не бывало,— спокойно возразил гном.— Мы держали ней-тра-ли-тет, как любит выражаться ваш друг Страшила Мудрый. Дело в том, что ещё с древних времён на наше племя наложено заклятье: мы должны были служить Арахне, во всём

ей повиноваться и не действовать во вред волшебнице. Но в это заклятие не входило обязательство воевать против её врагов,— хитро улыбнулся старик,— вот мы и не воевали.

Энни подивилась изворотливости гномов и спросила:

— А почему вы до сих пор скрывались от нас?

— Вы бы потребовали, чтобы мы содействовали вам, а мы и этого не могли делать. Но теперь, когда Арахна умерла, и заклятие потеряло силу, мы всецело в вашем распоряжении.

— Вы уже знаете о смерти колдуньи?— всё более и более изумлялась Энни.

— Когда вы шли к убежищу Арахны в горах, ты видела по дороге маленькие серые столбики?— улыбаясь, спросил Кастальо.

— Видела, но не обратила внимания, я думала, это обычные камни.

— Это были мы, гномы, завёрнутые с головы до ног в серые плащи. Мы непревзойдённые знатоки маскировки.

— Да уж, надо признать!— согласилась девочка.

— И вот, как только Арахна пала в бою, от одного поста к другому полетело радостное известие быстрее, чем по птичьей эстафете.

— Ну и ну! Я могу только порадоваться, что в борьбе колдуньи против нас вы соблюдали нейтралиитет,— запнулась Энни на трудном слове.— Воображаю, как вы могли нам напакостить.

— Уж будь спокойна!— с гордостью подтвердил Кастальо.— Но, однако, перейдём к делу. Как я полагаю, вы, победители Арахны, будете искать её волшебную книгу, чтобы разрушить на-виянные ею злые чары?

— Вы правы, милый дедушка!

— Так вот, сейчас я покажу тебе тайник госпожи.

Тайник оказался в самом дальнем, тёмном углу пещеры. Это была ниша, выдолбленная в стене и закрытая плоским камнем, сливавшимся со скалой. Кнопки, приводившие в действие секретные пружины, без помощи гномов найти ни за что не удалось бы. Когда все необходимые операции были проделаны, и ниша открылась, Энни с жадностью схватила толстую пергаменную книгу в порыжевшем переплете.

— Спасибо, великое спасибо, милый дедушка! — горячо воскликнула Энни. — Но как вы узнали тайну волшебницы?

— Э, я уж тебе говорил, что от наших глаз ничего не укроется. Смешнее всего была нерушимая вера госпожи Арахны в то, что тайник известен ей одной.

Старик захихикал, его смех подхватили другие гномы.

— Я ещё и ещё благодарю вас, друзья, но откровенно говорю, не хотела бы я иметь таких домашних шпионов, как вы, — рассмеялась Энни.

Гномы расхохотались ещё громче.

Через несколько часов с гор вернулся отряд Чарли Блека. Ка-кова была радость друзей Энни, когда они увидели в руках девочки заветную книгу — цель их великой борьбы. Ведь если бы книга не нашлась, все их труды оказались бы напрасными, и Волшебную страну ждала неминуемая гибель.

Когда поляну перед пещерой огласил весёлый гул голосов, из какого-то незаметного убежища выполз Руф Билан.

Лицо предателя посерело от стыда и страха. Униженно кланяясь Страшиле и Великану из-за гор, Руф Билан просил не наказывать его слишком сурово за новую измену.

— Я не виноват, — бормотал перепуганный предатель. — Когда я проснулся от долгого сна в пещере, меня начал воспитывать подземный рудокоп, но в это время...

— Тебя увеличили гномы, посланцы Арахны, — перебил Билана Страшила. — Нам всё это известно. Мы знаем, что ты попал в руки колдуны, когда из тебя можно было вылепить что угодно. И это смягчает твою вину, — добавил справедливый Правитель.

Билан бросился к его ногам.

— Так вы сохраните мне жизнь? — в восторге вскричал он. — О, я сумею оправдать ваше милосердие!..

— Да, но каков ты сейчас, ты — позор своего племени. Придётся тебя снова усыпить... — Заметив испуг на лице Билана, Страшила успокоил его: — Тебя усыпят ненадолго, на месяц-другой, а после этого перевоспитают по-настоящему. Отправляйся в Изумрудный город и передай Ружеро, что я прошу сделять из тебя порядочного человека.

— Мачты и паруса! — воскликнул Чарли Блек. — Это придумано здорово, друг Страшила!

Низко поклонившись и рассыпаясь в благодарностях, Руф Билан отправился навстречу новому сну. Когда его фигура скрылась за ближайшим бугром, из толпы гномов вышел Кастальо и почтительно обратился к Страшиле:

— Трижды Премудрый Правитель Изумрудного острова, мы давно наслышаны о ваших великих достоинствах и просим принять нас, гномов, под ваше высокое покровительство!

— Что это значит? — спросил удивлённый Страшила.

— А это значит, что мы хотели бы стать вашими подданными. Конечно, мы сознаём, что не заслужили такой чести, но мы согласны платить дань, какую вы соизволите на нас наложить.

Страшила важно откинулся, опираясь на великолепную трость, которую сумел сохранить во время похода. Просьба гномов очень ему польстила.

— Гм... гм... — сказал он. — Ваше заявление довольно неожиданно, но кажется, ему не про-ти-во-по-ка-за-ны никакие привходящие об-сто-я-тель-ства.

Эта туманная фраза внушила гномам великое уважение к учёности Страшилы. Их бывшая госпожа никогда не употребляла таких длинных слов!

— Следует ли понять, ваша милость, что вы согласны исполнить наше желание? — робко осведомился Кастальо.

— Да, пожалуй, — милостиво согласился Страшила. — А что касается дани... Я слышал, что вы здесь вели подробную летопись нашей страны?

— Да, ваша милость, мы ведём её уже пять тысяч лет! — с гордостью отозвался Кастальо.

— Так вот, продолжайте вести её и дальше, и только в этом и будет состоять дань, которую мы на вас налагаем!

— Ура!! Да здравствует Трижды Премудрый Страшила! — прокричали гномы хором.

— Но, конечно, вы будете представлять нам плоды вашей работы, — милостиво закончил Страшила.

— Тогда разрешите преподнести вам все тома нашей летописи, сохранившиеся за пять тысяч лет. У нас они лежат бесполезным грузом, а в Изумрудном городе их станут изучать историки и напишут длинные учёные труды... Летописная библиотека была упакована и навьючена на выносливые спины дуболовов.

Обещание писать летопись гномы свято выполняют и до сих пор. В своё время в библиотеку Изумрудного города поступил 579-й том «Всеобщей Летописи Волшебной Страны», в котором желающие могут прочитать описание странных и необычайных событий, произошедших в Волшебной стране, озаглавленное «Тайна заброшенного замка».

С общего согласия Чарли Блеку была предоставлена честь снять заклятие Арахны и покончить с Жёлтым Туманом. Ведь это он, Великан из-за гор, создал могучего Железного Рыцаря Тилли-Вилли и догадался заручиться помощью Карфакса. Без этих двух гигантов победить колдунью было бы невозможно.

Торжественную церемонию снятия колдовства решили про-

извести на границе бывших владений Арахны, там, где начинался Жёлтый Туман. Там сразу будет видно, приведут ли к желанному результату магические слова.

Несколько часов пути, и караван остановился на рубеже солнечного края и области Жёлтого Тумана. Впереди простиралась мутная мгла, откуда веяло сыростью и холодом. Здесь щебетали птицы, порхая по ветвям деревьев, поднимали свои головки из травы пышные цветы, порхали пёстрые бабочки, а там землю покрывал снег, деревья стояли голые, в лесу было мёртво и пусто.

У всех сильно бились сердца, когда Чарли Блек, глядя в книгу, громко и внятно начал произносить волшебные слова:

— Убуррú-курубуrrú, тандаррá-андабаррá, фарадóн-гарабадóн, шабарра-шарабарра, исчезни навек, проклятый Жёлтый Туман, из Волшебной страны!

И о чудо! Точно чья-то исполинская рука отёрнула туманный занавес, и над той стороной, где была ледяная пустыня, развернулось в своём великолепии голубое небо и засияло яркое солнце!

Восторг наших героев был неописуем. Энни и Тим обнимались, Чарли Блек бросил высоко в воздух свою трубку и ловко поймал её, доктор Бориль размахивал медицинской сумкой, Лан Пирот грациозно исполнил «Танец оленя», за который получил первый приз на городском конкурсе плясунов. Артошка оглушительно лаял, забыв, что умеет говорить, а Кагги-Карр выделывала в воздухе сумасшедшие коленца. Дуболомы затеяли весёлую возню, а огромный мальчишка Тилли-Вилли с радости запел первую в

своей жизни песню, слова и мелодию которой тут же сочинил сам.

Спасена от гибели Волшебная страна, и опять будет вечно сиять над ней жаркое солнце, круглый год станут деревья приносить сочные плоды, круглый год будут весело работать люди на полях, снимая обильные урожаи.

Чарли Блек разложил костёр и, когда он разгорелся, бросил в него волшебную книгу Арахны.

— Пусть навеки исчезнут злые заклинания, заключённые в этой проклятой книге,— сказал моряк.— Кто знает, в какие руки может она попасть и какой вред причинит людям, если её не уничтожить!

Пламя медленно листало листы, закостеневшие за тысячи лет, и, наконец, книга вспыхнула дымным смрадным огнём. И когда от древних колдовских страниц остался только пепел, набекавший порыв ветра подхватил и унёс его вдаль.

— И пусть так сгинет всё зло в Волшебной стране и во всём мире! — торжественно сказал Чарли Блек.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В самом весёлом расположении духа наши герои отправились разыскивать фургон, оставленный ими неподалёку от этого места.

— Капитан, я полечу вперёд и всё приготовлю к вашему приходу, — вызвался Тим.

Но, когда мальчик сел на коврик и приказал ему доставить себя к фургону, коврик даже не пошевельнулся. Напрасно Тим снова и снова повторял приказ, его старания не вели ни к чему.

— Да что же, в конце концов, случилось с этой штукой? — вскричал рассерженный Тим.

— Очень простая вещь, — пояснил Страшила. — Арахна умерла, её волшебная книга сожжена, и с этим кончились все её волшества.

— Ну так и оставайся здесь, бесполезный ковришко!

Мальчик даже пнул коврик ногой.

— Как тебе не стыдно, — укорила его Энни. — Этот милый коврик оказал нам столько услуг, и вот твоя благодарность! — Энни свернула коврик и взяла под мышку. — Я сохраню его на память о наших приключениях.

— Ладно, давай понесу, — молвил пристыженный Тим и освободил девочку от ноши.

А Фарамант достал из кармана инвентарную опись, перелистал несколько страниц, послюнил карандаш и вычеркнул из неё запись:

«Ковёр-самолёт подержанный, размером 4×3 локтя...»¹

А на полях сделал пометку для ясности:

«Списан, как утративший волшебную силу».

Пряча тетрадку, Фарамант важно пояснил:

— Всякое дело требует порядка. С кого спросят за недостачу, когда станут проводить инвентаризацию? Ясно, с начальника снабжения.

¹ См. сказку «Огненный бог Марранов».

Путники шли по заснеженной местности, а вокруг них творились удивительные вещи. От земли шёл пар, с пригорков, журча, стекали ручьи, на ветках деревьев быстро набухали почки, и кое-где на прогалинках уже робко поднимались зелёные пики травинок. Под чудотворными лучами жаркого солнца в Волшебной стране началась весна!

Обгоняя людей, по воздуху с песнями летели птицы: соловьи, малиновки, щеглы, чижи. Это невольные гости Арахны возвращались из её бывших владений в родные гнёзда, откуда их выгнал Жёлтый Туман. По деревьям прыгали белки и опоссумы, а в сторонке неуклюже протопал медведь, пугливо косясь на страшное лицо Тилли-Вилли.

Наблюдательный Великан заметил мишкин страх и вспомнил, что не только он, но и другие звери, завидев его, пугливо шарахались в кусты.

Тилли-Вилли остановился и подозвал медведя. Тот не осмелился ослушаться и нехотя подошёл. Не решаясь смотреть в страшные глаза Железного Рыцаря, мишка угрюмо опустил голову.

— Послушай ты, друг,— ласково обратился Тилли-Вилли к медведю,— ты, кажется, боишься меня?

— Н-нет, н-не б-боюсь,— дрожащим голосом пробормотал медведь,— из-за чего мне в-вас б-бояться?

— Вот и я так же думаю,— согласился гигант.— Как-никак я имею заслуги перед страной. Так почему же ты не хочешь глядеть мне в глаза?

— Н-не м-мучьте, ув-вольте...

И мишка вдруг галопом припустился в ближнюю заросль. Тилли-Вилли смотрел ему вслед с недоумением и обидой.

— И это их благодарность...— тоскливо промолвил он.

Видя огорчение Тилли-Вилли, Страшила со свойственной ему мудростью решил утешить его.

— Не надо расстраиваться, дружок,— мягко сказал он.— Наоборот, тебе надо гордиться, что у тебя в глазах заключена магне-ти-че-ска-я сила...

— Ман-ге... Какая?

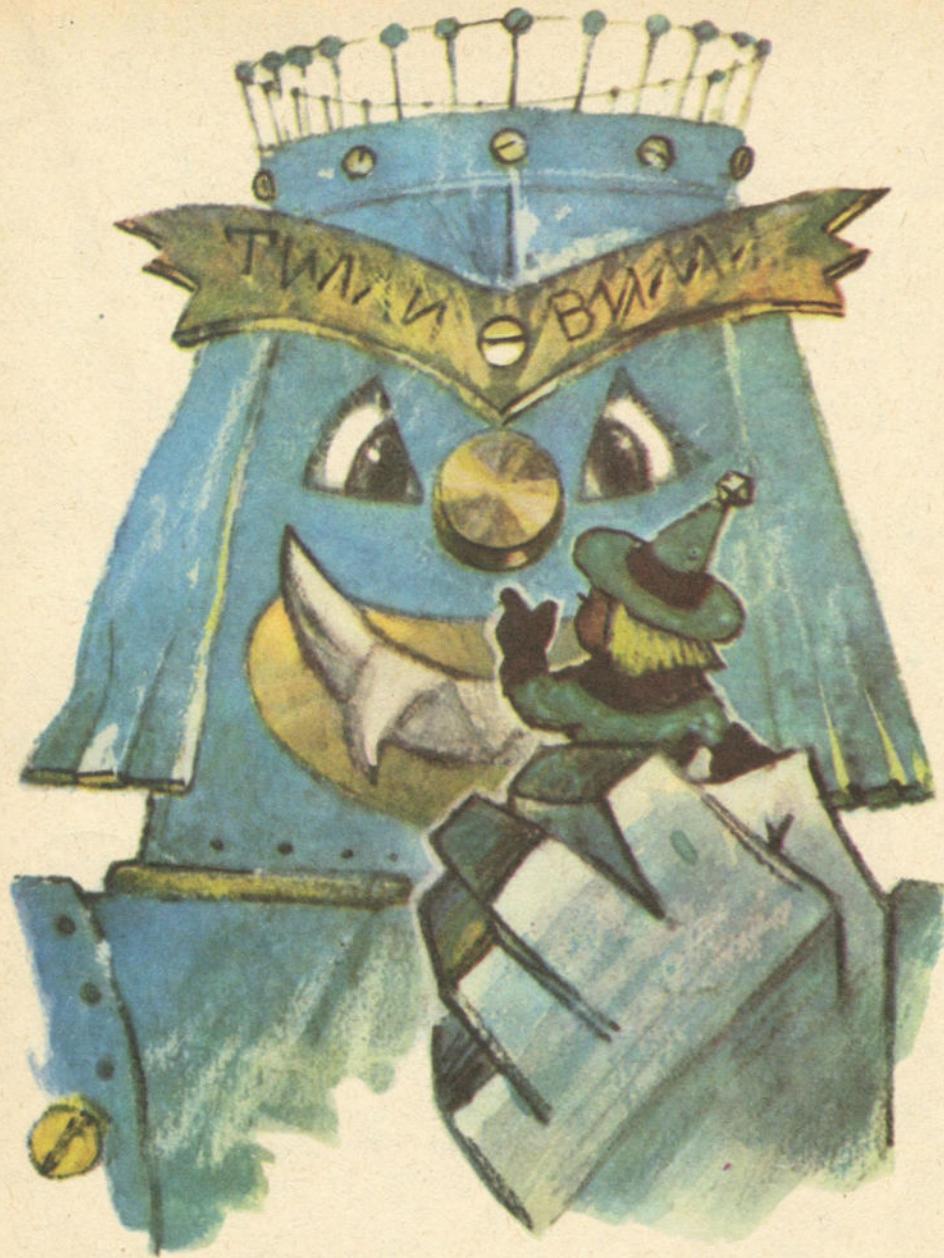
Страшила повторил.

— Эта сила даётся далеко не каждому,— объяснил он.— Видел ты у кого-нибудь из людей такие глаза, как у тебя?

— Нет,— сказал Железный великан.

— То-то и оно. В твоём лице и особенно в глазах заключена неповторимая ин-ди-ви-ду-аль-ность, и в этом твоё пре-вос-ходство перед всеми живыми и неживыми существами!

Завороженный длинными и звучными словами, простодушный великан забыл своё горе и весело воскликнул:

— Теперь я не буду обращать внимания на испуг этих чудаков!

— И правильно сделаешь! — подбодрил его Страшила.

Путники пошли дальше. Природа оживала прямо у них на глазах.

Кагги-Карр, совершившая свой путь на плече Железного рыцаря, вдруг взволнованно сорвалась с места.

— Нет, я больше не могу! — закричала она. — Я должна немедленно приступить к исполнению своих обязанностей!

— А какие у вас обязанности? — невинно спросил Тим.

— Разве ты не знаешь, что я — Генеральный Директор Связи Волшебной страны? — раздражённо отозвалась ворона. — За свои заслуги я даже награждена орденом, но так как я не хвастунья, то не имею привычки его носить.

И тут ворона иронически покосилась на грудь Бориля, украшенную двумя орденами.

— Извините, ваше превосходительство, я здесь пришелец и не знал о вашем высоком звании, — молвил сконфуженный мальчик.

Польщённая громким титулом, Кагги-Карр поведала компании о своих намерениях.

— Я сейчас разошлю эстафеты по всем направлениям, — сказала ворона. — Все люди, все звери, все птицы должны как можно скорее узнать о том, что Жёлтый Туман исчез навсегда и они могут возвращаться домой. Я пошлю гонцов в Подземелье, к Жевунам и рудокопам. Я вызову всех, кто укрылся от Жёлтого Тумана во владениях добрых Виллины и Стеллы. Пусть быстрее восстановится порядок в Волшебной стране!

Энни и Тим с уважением смотрели на эту взъерошенную птицу, от которой так много зависело и которая старалась привести как можно больше пользы обитателям Волшебной страны.

А Кагги-Карр уже где-то вдалеке отдавала приказания слетевшимся на её зов ласточкам и воробьям.

Каждый новый день путешествия приносил удивительные перемены. Снег и лёд давно исчезли, трава быстро поднималась из земли, деревья покрывались густой листвой и манили к себе пчёл ароматом цветов. Энни, Тим и Чарли Блек с радостью узнавали прелестные пейзажи Волшебной страны. Они сами воскресили эту красоту, и потому их радость была особенно сильна.

Путников обгоняли стада антилоп, бизонов, оленей; огненно-рыжие лисы крались в чаще, выглядывая, не попадётся ли им на зубы неосторожный кролик; ящерицы выползали из глубоких нор, где укрывались от мороза.

Кагги-Карр получала от своих связистов донесения по несколько раз в день. Все известия были утешительные. Марраны уже покинули страну Болтунов, возвратились в свою долину и приступили к севу. Покидая владения Стеллы, Марраны заверили гостеприимных хозяев, что отныне они станут их вечными друзьями, и их отношения не будут никогда омрачены даже тенью неприязни.

Жевуны и рудокопы тоже оставили сумрачную пещеру и вернулись в свои уютные жилища, согретые лучами жаркого

солнца. Конечно, за ними последовали и те звери, что нашли приют в Подземелье. Шатаясь от голода, щуря глаза от непривычного света, лоси, буйволы, антилопы, зайцы, еноты разбрелись по лесам, возвращаясь на обжитые места.

Заботливый Страшила поинтересовался судьбой Урфина Джюса. Как перенёс бывший король тяжёлые недели снежного плена в унылом одиночестве? Не пострадало ли его здоровье?

Волшебный ящик показал Правителю Изумрудного города и его друзьям уютную долину у подножия Кругосветных гор, заново покрашенный домик Джюса, оживую зелень на усадьбе.

Огородник вскапывал грядки, перебрасывая землю мощными взмахами лопаты. На лице его было мягкое, умиротворённое выражение, прежде совсем ему не свойственное. Прежней мрачности во взоре Урфина точно никогда и не бывало. Рядом на пеньке важно восседал филин Гуамоко, как видно, начавший поправляться после долгой голодовки.

— ...Вот так-то, друг мой Гуамоколатокинт,— продолжал говорить Урфин с филином.— Согласен ли ты теперь, что я оказался пророком? Ведь Арахны-то уже нет на свете...

— А как ты можешь доказать это, хозяин?— возразил филин, крайне польщённый тем, что Джюс назвал его полным именем: ведь это случалось так редко!— Может, колдунья просто опомнилась и вернула людям солнышко по доброй воле?

— По доброй воле, ха-ха-ха!— расхохотался Урфин.— Много у неё доброй воли! Нет, мне совершенно ясно, что Страшила Мудрый нашёл какой-то совершенно необыкновенный способ справиться с этой злодейкой!

Слова Урфина Джюса восхитили Страшилу, и его голова начала раздуваться от похвал. А огородник продолжал:

— Право, меня страшно интересует, что он придумал. Я, пожалуй, пошлю тебя на разведку. Не возражаешь, Гуамоколатокинт?

— С удовольствием, хозяин, всё разузнаю,— бодро откликнулся филин, бесконечно довольный немудрёной лестью Урфина.

Дальше слушать их разговор Страшила не стал и выключил телевизор.

— Я вижу, этот бывший у-зур-па-тор совершенно переменился,— сказал он.— Надо будет снова пригласить Урфина в Изумрудный город. Он достаточно наказан за свои прошлые преступления, пусть живёт среди людей. Его поведение во время всей этой истории с Арахной выше всяких похвал.

Караван продолжал свой путь и наконец вступил в пределы Изумрудной страны. Страшила и его друзья уже не ехали в фургоне. Поручив его заботам дуболомов, они шли пешком, радуясь возрождению природы.

Стали попадаться первые фермы. Их обитатели успели возвратиться из города, где укрывались от мороза и Жёлтого Тумана. Фермеры работали в садах и на полях; люди были веселы, как прежде, и только их измощдённые лица свидетельствовали о том, какое трудное время они пережили. А с каким энтузиазмом приветствовали они своих освободителей: Великана из-за гор, Энни, Тима, Страшилу, Дровосека и прежде всего, конечно, добродушного гиганта Тилли-Вилли. Теперь его страшное лицо никого уже не пугало: все знали, что это только маска, предназначенная для устрашения злой феи.

И вот показались башни Изумрудного города. Восхищённые путники не могли оторвать от них глаз.

Изумрудный город всегда отличался великолепием, но нашим героям показалось, что он стал ещё прекраснее, хотя вряд ли это было возможно. Изумруды на стенах, на башнях, на воротах и крышах домов сияли чудным блеском, точно омытые дождём от пыли. Зелёные и красные черепицы на кровлях чередовались в живописном беспорядке, и весь Изумрудный город казался дивной игрушкой, созданной рукой великого мастера.

Путники переправились через канал на пароме, который давно возобновил свою работу. А Железный Мальчик перешёл через канал вброд, но теперь он уже не оступался: поступь его была тверда, движения уверены.

Тилли-Вилли устроился на житьё в самом большом городском парке: в городе не нашлось ни одного дома, где он мог бы поместиться. И этот парк с утра до вечера звенел ребячими голосами: городские мальчишки и девчонки так и тянулись к добруму великанию, слегка удивляясь лишь тому, что он такой большой, но ничуть не пугаясь его лица. И Железный Мальчик всегда охотно с ними забавлялся: в его возрасте игры были самым серьёзным и нужным делом.

Радостное потрясение ожидало наши путников, когда они подошли к городским воротам. Калитка, как всегда, была закрыта. Энни трижды ударила в колокол, оконце привратника открылось, и оттуда выглянул Фарамант. Он был в зелёных очках! Оказывается, Страж Ворот покинул караван час назад, опередил спутников и занял привычное, за многие годы обжитое место в сторожевой будке.

— Кто вы такие и зачем пришли в наш город? — спросил Фарамант сурово, хотя у его глаз притаилась улыбка.

— Я — Трижды Премудрый Страшила, Правитель Изумрудной страны, иду занять место, принадлежащее мне по праву.

— Я — Железный Дровосек, Правитель Мигунов, иду погостить в вашем чудесном городе по приглашению своего друга Страшилы.

— Я — Великан из-за гор, моряк солёной воды, иду в ваш прекрасный город отдохнуть после трудной борьбы с могучей колдуньей Арахной.

Потом и остальные путники представились по всей форме. Калитка раскрылась, и Фарамант встретил пришедших с корзинкой, полной зелёных очков.

— Изумрудный город приветствует вас, пришельцы, — важно сказал Страж Ворот, — но вы должны надеть зелёные очки. Таков приказ Великого и Ужасного, и слово его — закон!

Путники, смеясь и подщечивая над Фарамантом, надели зелёные очки, и всё вокруг них заблистало разнообразными оттенками зелёного цвета от нежно-бирюзового до тёмно-зелёного и аквамаринового.

Страшила, Дровосек, моряк Чарли и остальные вошли в город, и что тут началось!

На крылечках домов и балконах толпились люди, ребяташки целыми гроздьями лепились на крышах, держась за трубы, флюгера и резные украшения, из широко раскрытых окон выглядывали старики и старухи. От восторженных криков звенел воздух, отовсюду летели охапки цветов...

И среди всей этой радостной суматохи металась взъерошенная, охрипшая от крика Кагги-Карр, главная распорядительница торжества! Это она ещё накануне явилась сюда, предупредила жителей города и окрестностей о предстоящем прибытии Страшилы и его друзей и устроила им небывалую встречу.

Процессия, сопровождаемая тысячами ликующих горожан, прошла по цветочному ковру, устилавшему улицы, и вступила на дворцовую площадь. Посреди её, как в былые счастливые времена, бил и переливался разноцветными красками главный городской фонтан, а из бассейна, резвясь, выпрыгивали золотые и серебряные рыбки.

Дворец Страшилы, с широко раскрытыми дверями, с зеркальными окнами, готов был встретить хозяина и его гостей. Дворцовая челядь до блеска натёрла паркеты, ни пылинки не оставила на стенах и потолках, шёлковые и бархатные портьеры свисали с золочёных дверных карнизов, и повсюду изумруды, изумруды, изумруды!..

Нестерпимый их блеск слепил глаза, и трижды прав был умный Фарамант, когда заставил наших героев надеть зелёные очки. У дверей Тронного зала с колоссальным тортом на золотом блюде

встретил гостей повар Балуоль в белом фартуке и белом колпаке, а в самом зале были накрыты столы со множеством разнообразных, самых изысканных блюд.

В Тронном зале друзей дожидался Смелый Лев. Почтенный царь зверей устарел для долгих опасных путешествий, но он был бесконечно счастлив встретить Энни и Великана из-за гор и всех остальных живыми и здоровыми. Он плакал от радости и утикал слёзы кончиком хвоста.

Но Энни необычайно поразило то, что к ней с учтивым поклоном подошёл долговязый тощий доктор Робиль в парадном одеянии, с орденами на груди, и в руке у него был серебряный обруч, который, по словам Дровосека, потерялся вместе с ручной ланью Ауной.

Дело объяснилось очень просто. Когда на страну опустился Жёлтый Туман, невидимка Ауна пришла в Фиолетовый дворец искать убежища у своей хозяйки Фрегозы, и серебряный обруч был снят с шеи беглянки. К сожалению, это случилось уже после того, как Железный Дровосек отправился в Изумрудный город, и драгоценный талисман остался в стране Мигунов до исчезновения тумана.

Обрадованная Энни тотчас надела изящное украшение на голову, но ей, конечно, не пришла мысль нажать на рубиновую звёз-

дочку, чтобы стать невидимкой. Зачем выделять такие фокусы в кругу друзей? Тим сказал:

— Как жаль, что мы не получили эту вещь раньше, до того, как отправились воевать с Арахной. Я пробрался бы к ней в пещеру и выкрад волшебную тетрадь.

Энни возразила:

— По-моему, из этого ничего бы не вышло. Тетрадь была запрятана надёжно, и без помощи гномов найти её не удалось бы. А если бы ты её и нашёл и мы расколдовали бы страну от Жёлтого Тумана, то неизвестно, что случилось бы дальше. У злой феи могли быть ещё более страшные заклинания, и она навела бы на страну что-нибудь похуже Жёлтого Тумана.

Все согласились с Энни, что и так всё получилось очень хорошо. Волшебная страна и без помощи серебряного обруча навсегда освободилась от Арахны, и отныне могучая волшебница не будет угрожать её обитателям.

— А всё-таки я больше не оставлю вам серебряный обруч, — смеясь сказала Энни. — Вы слишком небрежно его хранили. Но, друзья мои, я не вижу здесь Рамины! Где великолдушеняя Рамина, наша первая союзница в борьбе с Арахной?

Смущённая Кагги-Карр призналась, что это её вина: в хлопотах она забыла о королеве полевых мышей.

— Эту ошибку мы исправим, — улыбнулась девочка и подула в магический свисток.

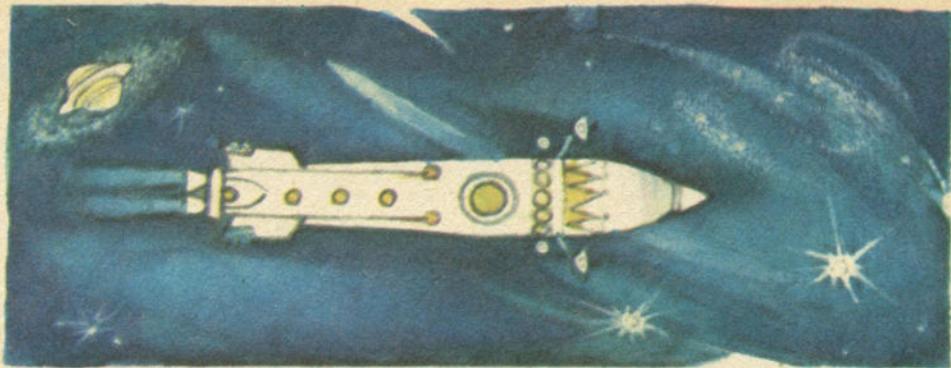
И тотчас на её протянутой руке оказалась Рамина в своём парадном виде — в сверкающей золотой короне на голове. Энни и Рамина нежно приветствовали друг друга.

Участники торжественного пира уселись за праздничный стол, а в раскрытые окна дворца на фоне сияющих снежных гор виднелась безобразная умная голова дракона Ойххо. Преданное животное ожидало спасителей Волшебной страны, готовое везти их на далёкую милую родину.

Тайна
ЗАБРОШЕННОГО
ЗАМКА

ВСТУПЛЕНИЕ

ИНОПЛАНЕТИЯНЕ

Волшебную страну и её столицу Изумрудный город населяли племена маленьких людей — Жевунов, Мигунов, Болтунов, у которых была очень хорошая память на всё, чему они удивлялись.

Удивительным было для них появление девочки Элли, когда её домик раздавил злую волшебницу Гингему, как пустую яичную скорлупу. Недаром Элли назвали после этого феей Убивающего Домика.

Не менее удивились жители Волшебной страны, когда увидели сестру Элли — Энни. Она тоже явилась им сказочной феей. Прискакала на необыкновенном мule, который питался солнечным светом, а у неё на голове был серебряный обруч, делающий каждого, кто его надевал и прикасался к рубиновой звёздочке, невидимым.

И ещё много-много чудесных событий случалось в Волшебной стране, о которых могли рассказать её жители. Только об одном чуде они почти ничего не знали — о том, как их страна стала Волшебной. Ведь она не всегда была отгорожена от остального мира Великой песчаной пустыней и окружена неприступными Кругосветными горами. Не всегда над ней сияло вечное солнце, а птицы и звери заговорили по-человечьему.

Волшебной она стала по желанию великого чародея Гуррикапа.

Гуррикап в те времена был уже стар, думал об отдыхе, ему

хотелось покоя и уединения. Поэтому могучий чародей построил себе замок в отдалении от Волшебной страны, у самых гор, и строго-настрого запретил её обитателям приближаться к своему жилищу, даже само имя Гуррикап вспоминать запретил.

Жители, хоть и удивились, но поверили, что Гуррикапу и в самом деле никто не нужен. Проходили века и тысячелетия. Тихие маленькие люди, выполняя наказ чародея, старались не вспоминать о нём, никогда больше не видели его. Так и случилось, что чудеса Гуррикапа постепенно начали забываться.

Зато всякому злу добрые обитатели страны Гуррикапа не умели удивляться и потому недолго его помнили. Уж сколько бед принёс им Урфин Джюс, пытаясь завоевать Волшебную страну сначала со своими деревянными солдатами, а потом с многочисленной армией Марранов. И что же?

Лишь только Урфин задумался над своей судьбой и отказался помогать злой великанше Арахне, как добрые жители тут же простили ему все обиды и стали считать его хорошим человеком. Они верили: сотворившему добро хотя бы один раз уже не захочется возвращаться к злым поступкам.

Самое интересное, что так оно и случилось впоследствии.

Ну, а после того, как друзья из Большого мира Энни, Тим и моряк Чарли помогли им победить колдунью Арахну, они снова весело глядели на небо, ярко-ярко-синее, где и в помине не было жёлтого тумана, посланного Арахной.

Славные обитатели Волшебной страны опять жили спокойно и счастливо, ниоткуда не ожидали опасности. А она приближалась — и кто бы мог подумать? — именно с ясного неба.

Грозный космический звездолёт с планеты Рамерия уже приближался к Земле. Он мчался в мировом пространстве с неслыханной скоростью — сто пятьдесят тысяч километров в секунду. И, как записал в бортжурнале звёздный штурман ино-планетян Kay-Рук, «бороздил межзвёздную пустыню семнадцать лет». За это время космический корабль преодолел огромный путь, который свет — самый быстрый гонец во Вселенной (способный пронестись со скоростью триста тысяч километров в секунду) — прошёл бы за девять лет. Так велико было расстояние от Рамерии до Земли.

Но чужестранные звездонавты даже не замечали полёта. Для них время остановилось с того момента, когда почти весь экипаж корабля был приведён в состояние анабиоза — так называют длительный сон при глубоком переохлаждении — и погруждён в специальные отсеки полётного сна. Там звездонавты безмятежно спали добрых семнадцать лет.

Время потеряло свою власть над людьми — это было настоящее чудо. Если бы звездонавтов разбудили даже через тыся-

чу лет, и тогда они бы проснулись точно такими, какими погрузились в сон.

Непосвящённому отсеки казались гигантскими холодильниками с множеством ячеек, в каждой из которых находился член экипажа. Полированные поверхности ячеек сверкали зеркальным блеском, и, если приглядеться, на них то тут, то там пропадали красные, синие, зелёные краны регулирования и ещё мигали разноцветные огоньки — то были лампы контролирующей аппаратуры.

Между тем штурман Кау-Рук, сидя в космической обсерватории, вычислял положение корабля в пространстве и отмечал курс на звёздной карте. Кроме Кау-Рука, бодрствовали ещё три человека: командир звездолёта генерал Баан-Ну — он проверял в рубке корабля показания приборов; врач Лон-Гор — он наблюдал за состоянием спящего экипажа, следил за температурой, влажностью, регулировал содержание кислорода, подачу охладителя — жидкого гелия; да ещё лётчик Мон-Со, верный помощник генерала, самый точный исполнитель его приказов, ни разу не допустивший каких-либо возражений или оговорок.

Тишина в отсеках полётного сна казалась вечной. Лишь изредка в каюте врача раздавался требовательный сигнал сирены, тогда Лон-Гор торопливой, но неслышной походкой проскальзывал к отсекам, поворачивал нужный, зелёный, красный или синий, кран, и опять наступала тишина.

Мон-Со было нечего делать, его лётчики спали в отсеках; книг он читать не любил, поэтому сам с собой играл в крестики и нолики в каюте. Иногда Мон-Со бродил коридорами корабля или гонял там мяч, но только когда все уже спали. Он был вратарём футбольной команды и просто не мог обходиться без тренировок. На Рамерии все были приучены к спорту.

Четверо звездонавтов, несущих космическую вахту, каждое утро занимались особой полётной гимнастикой и здесь, на корабле. Изредка опаздывал на спортивные занятия Кау-Рук, когда зачитывался какой-нибудь интересной книгой. Неизбежательно рассказом об истории народа, о каком-нибудь необычном характере человека или о приключениях, Кау-Рук с не меньшим увлечением читал книги по технике.

— Кау-Рук — самый способный человек вашего экипажа, — сказал генералу перед отлётом Верховный правитель Рамерии Гван-Ло. — Не назначаю его командиром звездолёта по одной причине: в нём мало исполнительности.

Но всё-таки заместителем командира штурман Кау-Рук был назначен.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИЛЬСОРА

Для командира Баан-Ну, лётчика Мон-Со, для звёздного штурмана и бортового врача время не прошло незаметно: в полёте они постарели ровно на семнадцать лет. Правда, возраст на Рамерии исчислялся иначе: жили там люди в три раза больше, чем на Земле. Поэтому четверо звездонавтов, несущих вахту на ко-

рабле, по рамерийскому счёту оставались молодыми, полными сил.

Никем другим, кроме бодрствующих звездонавтов, покой огромного космического корабля не нарушался, в его каютах, служебных залах, машинном отделении, коридорах было пусто, оттого он казался необитаемым.

На самом деле на звездолёте не спал, вернее, находился в состоянии пробуждения ещё один человек — Ильсор, слуга генерала Баан-Ну. Его разбудили по приказу генерала. Баан-Ну дошёл до последнего изнеможения, так устал обходиться без слуги, что давно уже был недоволен всем окружающим: двери, по его мнению, слишком громко хлопали, ручки и фломастеры писали плохо, еда, извлечённая из консервных банок, была невкусной, а постель совсем жёсткой. Командир скорее заставил бы прислушиваться себе врача Лон-Гора, чем согласился вытерпеть ещё каких-нибудь несколько недель до всеобщего пробуждения космического экипажа. Он не привык одеваться сам и следить за своей внешностью, поэтому его рыжая всклокоченная борода разрослась до фантастических размеров; куртка, которую он натянул на комбинезон (очевидно, она заменяла мундир), оказалась без пуговиц; комбинезон — без «молний» и смятым в гармошку; на локтях у генерала висели лохмотья, потому что он всё время цеплялся за какие-то острые углы, крючки; к тому же Баан-Ну не затруднял себя распознаванием левого и правого сапога: правый сапог у него неизменно оказывался на левой ноге, а это было чрезвычайно неудобно даже для генерала.

Лон-Гор долгое время до отказа крутил сначала один кран, затем другой, потом ещё выжидал, пока все разноцветные лампочки не перестали мигать, показывая полное размораживание.

Наконец, блестящая полированной ячейка раскрылась, замурорванного в ней Ильсора Мон-Со и Кай-Рук по приказу командира приподняли и перенесли из отсека в каюту врача.

— Ну, лежебока, вставай, — радостно приговаривал генерал, когда Ильсора несли из отсека под наблюдением Лон-Гора.

Ильсор пробуждался медленно, чуть-чуть покачиваясь на подвесном надувном матрасе, похожем на койку-гамак, какие обычно бывают у матросов в кубрике.

Ильсор занимал особое положение: он был не только хорошим слугой при генерале, но и прекрасным изобретателем. По его проекту построен звездолёт, на котором менвиты летят к Земле. Он называется «Диавона», что на языке избранников значит «Неуловимый».

Ильсор спал. Вдруг он вздрогнул, однако не проснулся и глаз не открыл. Он только почувствовал, как к нему наклонился командир Баан-Ну.

До Ильсора долетел как будто из бочки голос бортового врача. Лон-Гор несколько раз повторил:

— Пробуждение требует времени, пробуждение требует времени.

Генерал наверняка не верил, что слуге требовалось какое-то время, потому что сделал нетерпеливое движение: протянул руку к Ильсору и изо всех сил тряхнул его за плечо. Слуга должен был тотчас же вскочить по первому его слову. Однако в конце концов поняв, что от тряски мало проку, Баан-Ну отступил.

АРЗАКИ И МЕНВИТЫ

И

льсор ещё не понял, что находится на звездолёте. Он пробуждался, и это было похоже на то, как будто перед его глазами заново пробегала жизнь на Рамерии. Он видел далёкую родину. Видел свой народ — арзаков, их напоминающие обломки скал дома у Серебряных гор. Серебром отливают не только горы, всю Рамерию покрывает мягкий струящийся белый свет. Серебристы почва, трава, деревья и кустарники, кажется, дотронься рукой до листьев — и они зазвенят.

Арзаки очень приветливы — они доверчивы, как дети. И глаза у них внимательные, широко распахнутые.

Арзаки талантливы. Среди них много художников, врачей, учёных, писателей, конструкторов и инженеров, учителей. Арзаки не только многое умеют, они просто не могут не делиться тем, чего добиваются сами, со своими соседями менвитами и делают это с великой радостью. Но менвиты — люди коварные.

У менвитов есть Верховный правитель Гван-Ло, он ещё и колдун. Он обладает гипнотическим повелевающим взглядом и может приказать любому сделать то, что захочет. И только человек начнёт протестовать, как Гван-Ло посмотрит ему в глаза — и тот сразу умолкнет. Это колдовское искусство Верховный правитель унаследовал под страшным секретом от своих предков и обучил ему менвитов. Он ведь сразу обратил внимание на то, что арзаки — талантливый народ.

— А неплохо бы, — подумал Гван-Ло, — этот талант заставить работать на нас.

Ещё раньше Верховный правитель понял, что арзаки — воспитанный народ, когда разговаривают, глядят прямо в глаза. И нет ничего проще применить колдовство, когда глядят прямо в глаза.

— Поплатитесь, голубчики, за свою воспитанность, — даже

промурлыкал от удовольствия Гван-Ло,— все вы уже рабы и, полагаю, будете нам верно служить.

Менвитов он стал уговаривать, что они — избранная раса Вселенной, что им всё можно. Другие разумные существа созданы лишь повиноваться им. И уговорил. Менвиты провозгласили себя господами-избранниками, арзаков же — рабами.

Это очень печальная страница истории арзаков.

Прежде всего избранники отняли у арзаков их распевный выразительный язык.

То есть сначала-то они обучили арзаков менвитскому языку, не так, чтобы объясняться с пятого на десятое, объясняться с менвитами арзаки давно умели. Но теперь менвиты добивались, чтобы арзаки знали их язык в совершенстве, как свой родной. Главное, что и усилий не потребовалось. От природы любознательные, арзаки сами проявляли большой интерес к языку соседей. Не ведая опасности, они всё хорошо запоминали и очень скоро одинаково свободно говорили как на своём языке, так и на языке избранников.

Тогда менвиты запретили им разговаривать на арзакском языке, закрыли арзакские школы.

И сделали вот ещё что.

Притворились, будто приглашают арзаков в гости, устроили пир в парке дворца правителя, а там, на этом пиру, применили к арзакам свои колдовские команды.

Ильсор хорошо помнит первую команду менвитов, она неизменно одна и та же:

— Гляди мне в глаза, гляди мне в глаза, повинуйся мне, чужестранец!

С этой команды начался мнимый пир. Арзаки, как люди воспитанные, глядели в глаза и были все заколдованы. Им приказали совсем забыть родной язык, и арзаки забыли. Случилась и более страшная беда.

Избранники приказали забыть, что арзаки — свободные люди, и те забыли.

Они по-прежнему оставались изобретателями, учёными или художниками. Свои замыслы они сами и осуществляли, потому

что привыкли работать не только головой, но и руками.

Вот так и получилось что не одни превосходные полевые машины, станки, прекрасные произведения искусства, но и техника звездоплавания, космические корабли менвитов — всё было создано руками арзаков. Однако, странное дело! Их открытиями и знаниями пользовались отныне менвиты. Они заняли значительные должности в промышленности и сельском хозяйстве по всей Рамерии. Они назывались инженерами, врачами, педагогами, агрономами, хотя исполняли везде — на полях, на фабриках, в учреждениях — одну роль надсмотрщиков.

На самом деле всем, чем считали себя менвиты, были, конечно, арзаки, но, что-то открыв, изобретя, создав, они тут же забывали про это. Они как будто сами признали, что не годятся больше ни для чего, как только исполнять роль рабочей силы: они мыли, скребли, ткали, пасли скот, растили хлеб, работали на станках, ещё были слугами и поварами. И они действительно верили, что, кроме работы, которую избранники зовут чёрной, у них никаких других дел нет.

Так уж постарался колдун Гван-Ло.

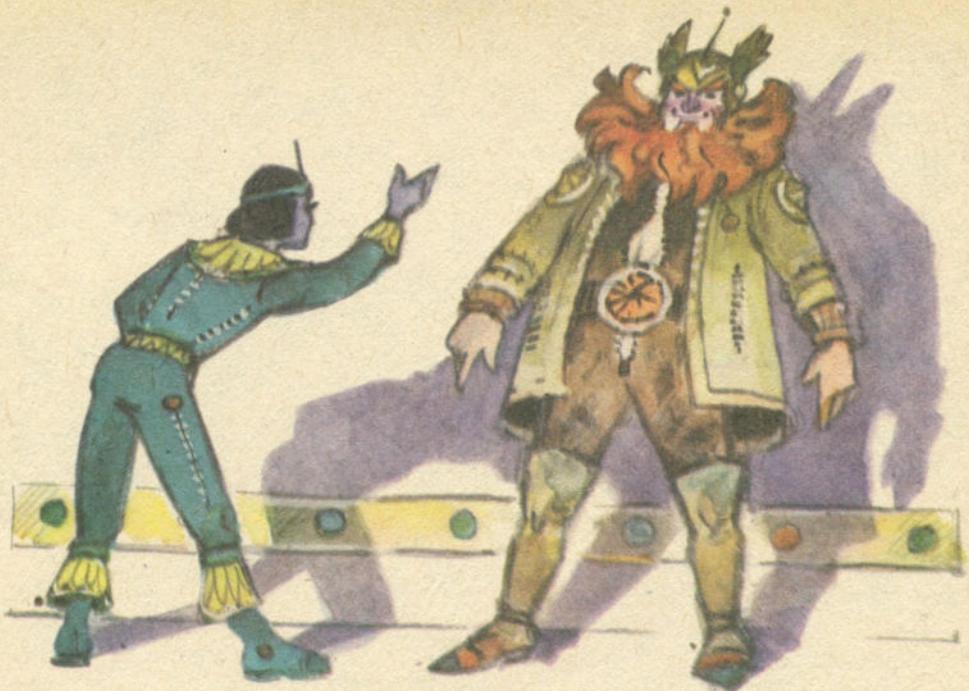
Командир Баан-Ну — из менвитов. В нём есть то, что характерно для расы избранников. Он очень высокий силач, гордо носит на широких плечах большую круглую голову.

Менвиты — сильные, красивые люди. Кроме страсти к физкультуре, у них особое отношение к одежде. Она должна быть обязательно нарядной и ладной, иначе менвит окажется в таком плохом настроении, что и тысяче весельчаков его не исправить.

Лицо Баан-Ну могло быть даже приятным, если бы не ледяное выражение, сковавшее сами глаза, сделавшее их как будто неподвижными.

Менвиты уверены в себе, но такое выражение проступает не только от отношения к другим свысока. Менвиты совершили много недоброго по отношению к арзакам, они навязали им свою волю, и чем больше плохих поступков у избранника, тем холоднее его глаза.

Ильсор знает гипнотическое действие взгляда менвита, когда человек, стоящий перед избранником, совсем теряет волю и идёт за ним послушным рабом, всё на свете забывает, кроме одного, что он раб и перед ним его господин.

Среди спящих звездонавтов на корабле есть арзаки: слесари, бурильщики, электрики, строители и другие рабочие, без которых менвиты не смогут основать базу на Земле.

Руководить работой арзаков в ёщё неясных земных условиях будет Ильсор, который на время работ, помимо слуги генерала Баан-Ну, станет ёщё главным техником.

Менвиты доверяют Ильсору. Он бесконечно добр. Он — самый послушный раб. Нет такого дела, с которым бы он не справился. И он никогда никуда не сбежит, потому что просто не сможет этого сделать, как думают менвиты, не спросив разрешения.

Ильсор окончательно просыпается, спрыгивает с койки.

— Мой генерал,— отвешивает он низкий поклон входящему в каюту врача Баан-Ну.— Рад вам прислуживать.

— Я знаю,— снисходительно кивает генерал, хотя в душе ликует, потому что Ильсор без замедления приведёт его в наилучший вид.— Я знаю,— повторяет он,— ты предан мне до конца.

Ильсор наклоняет голову в знак согласия, но тут же решив, что этого мало, ёщё раз поспешно кланяется.

НА БОРТУ ЗВЕЗДОЛЁТА

А

строномы Рамерии, наблюдая в сверхмощные телескопы различные планеты, заинтересовались Землёй, или Беллиорой, как они назвали Землю по-своему.

Они утверждали, что Беллиора не отличается по своей природе от Рамерии.

Посланцы планеты Рамерия должны были проверить, есть ли жизнь на Земле. Но полёт «Диавоны» не планировался как научная экспедиция.

Менвиты летели на Землю с воинственной целью: покорить новую планету.

Уже включили тормозные двигатели, Ильсор это угадывает по лёгкому дрожанию корабля. Врач Лон-Гор приступил к всеобщему пробуждению экипажа. И сразу отсеки звездолёта, которые казались до этого пустынными, сделались тесными и многолюдными. Потягиваясь и зевая, из них выходили астрономы, геологи, инженеры, лётчики, разбуженные после семнадцатилетнего сна. Только рабочие-арзаки оставались на своих местах, им не разрешили пока покидать отсек. Корабль напоминал теперь растревоженный муравейник, люди сновали туда и сюда во всех направлениях.

Как только разбуженные немного пришли в себя, Баан-Ну собрал менвитов в демонстрационном зале космического корабля.

— Именитые братья! — торжественно обратился он к собравшимся. — Нам доверено великое дело — завоевание цветущей планеты Беллиоры. Она должна быть цветущей по предсказанию наших астрономов.

На Рамерии были такие игрушки — божки с качающимися головами, арзаки вырезали их из камня для детей менвитов. Так вот, как послушные божки, астрономы все вместе закачали головами, соглашаясь с Баан-Ну.

— Наше дело очень простое, — продолжал генерал, — мы опустимся в любом месте Беллиоры и начнём возводить город.

Баан-Ну не сказал бы так просто, не будь штурмана. Командира всегда тянуло к красочным описаниям опасностей, бывших или будущих. Но Кай-Рук не понимал небылиц.

Штурман удобно сидел в кресле, покачивал головой, но не как послушный божок, а с сомнением.

Он внимательно слушал командира.

— А если Беллиора обитаема? — спросил он.

— По предварительным данным, там никого нет, — возразил Баан-Ну.

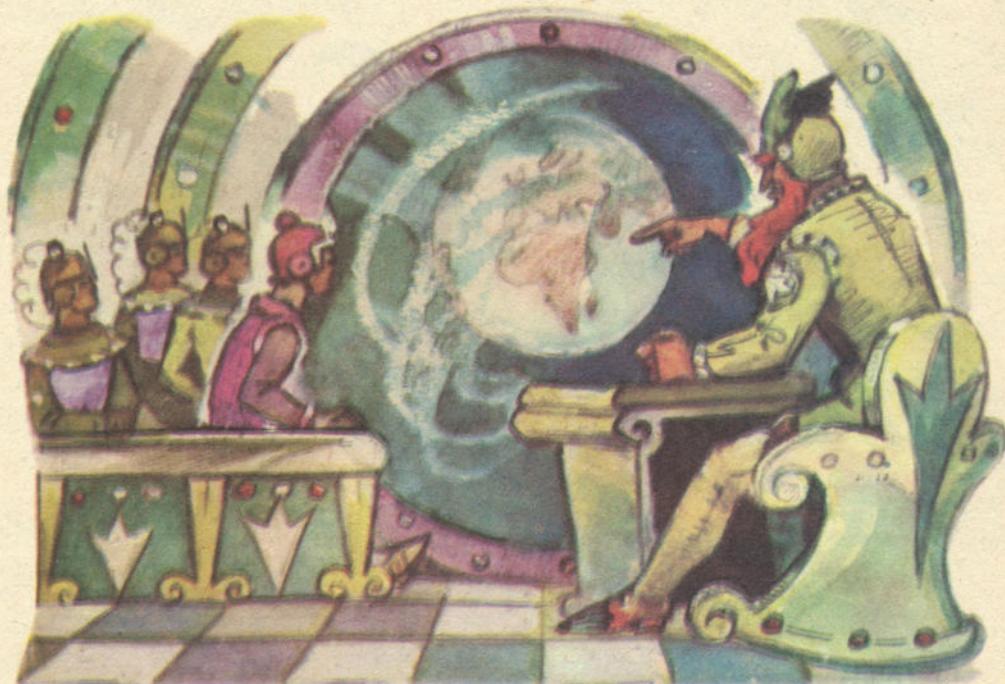
— А что если есть? — настаивал штурман. — Вот астрономы утверждают: Беллиора цветуща. Тогда могут на ней быть и существа вроде людей.

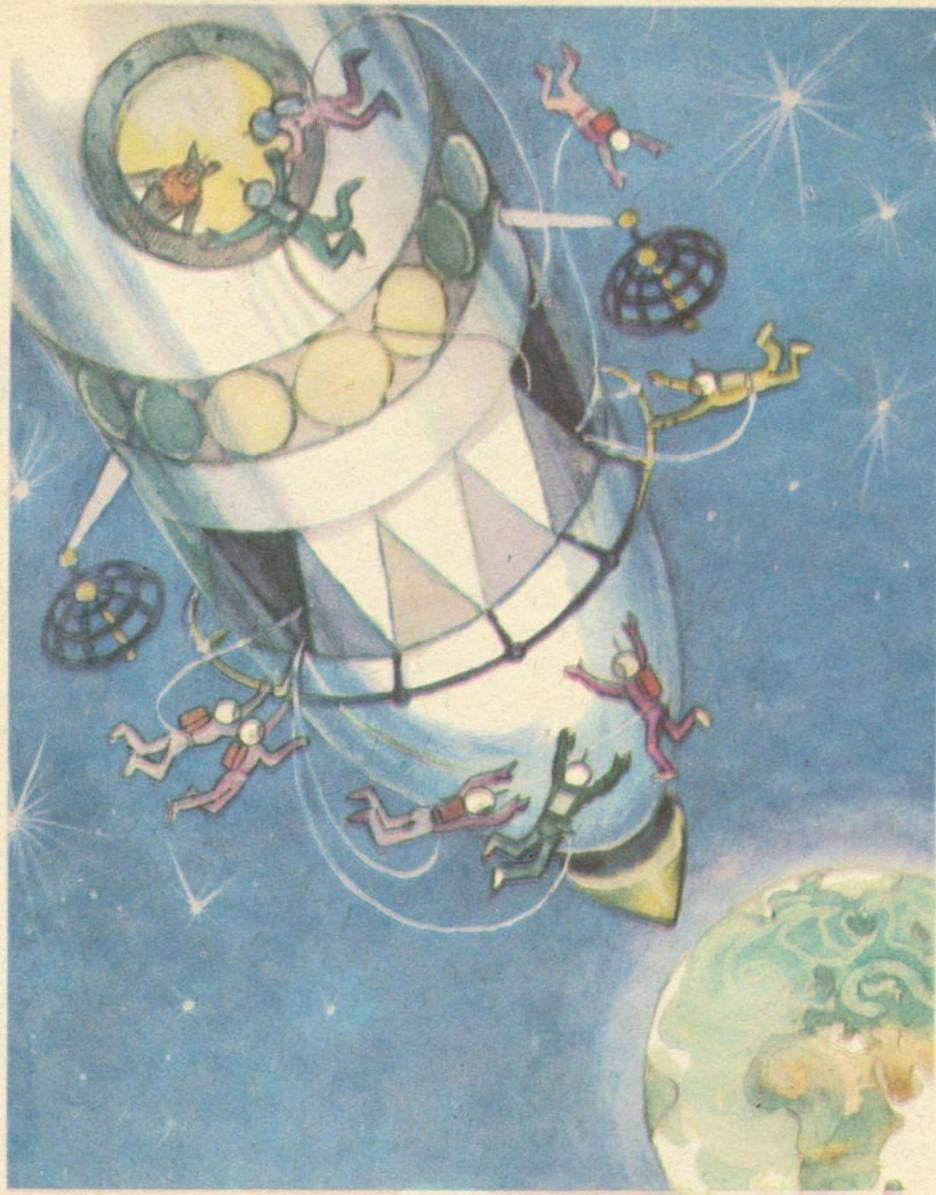
— Тем хуже для них! — жёстко, с самоуверенностью, характерной для завоевателей, сказал генерал. — Мы уничтожим большую часть жителей, а остальных превратим в рабов, как уже сделали с арзаками. Пусть служат нам преданно, как арзаки, — добавил он раздражённо.

Кау-Рук склонил голову в знак согласия, он не хотел сердить командира.

— Однако речь не об этом, — успокоившись, сообщил Баан-Ну, — Беллиора перед нами. Наш корабль много-много раз облетит её. Беллиора будет рассмотрена в телекамеры и сфотографирована. Физики возьмут пробы воздуха на разных высотах, определят величину атмосферного давления, математики вычислят силу тяжести. Итак, за работу.

Прежде всего техники, с ними Ильсор, надели скафандры и, выйдя через шлюз, осмотрели обшивку звездолёта. Поначалу когда-то зеркальная поверхность покрылась углублениями, рывинами — следами столкновений корабля с потоками космической пыли и осколками метеоритов. Будто неведомый чеканщик сантиметр за сантиметром семнадцать долгих лет обрабатывал её,

покрыв загадочными узорами. Углубления пришлись очень кстати, их использовали, когда стали наносить из распылителей на обшивку корабля тончайшее огнеупорное покрытие. Без него звездолёт мог сгореть при входе в земную атмосферу. Покрытие было предусмотрено Ильсором и не только защищало звездолёт от огня, но и делало его неуловимым для радиоволн на тот случай, если бы на Земле существовали локаторы, посылавшие эти волны.

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С УРФИНОМ ДЖЮСОМ

Пока на небе происходил полёт инопланетян, в Волшебной стране жизнь шла своим чередом. Там случались свои повседневные события. Одно из них было связано с Урфином Джюсом. Урфин не только переменил место жительства — прежде он жил в стране Жевунов в лесу, теперь обитал в долине у Кругосветных гор. Главная перемена совершилась с самим Джюсом как человеком. Он стал совсем другим, как будто родился человек заново. Выражение лица у этого нового жителя страны Гуррикапа не было больше свирепым. А поскольку характер человека проявляется в том, что он мастерит, то с Урфином приключилось чудо. Вместо угрюмых мрачных игрушек, которыми раньше пугали детей, он сделал очень весёлых кукол, зверьков и клоунов и подарил их гномам.

Урфин и сам получил подарок от Железного Дровосека. В стране Мигунов, известной мастерами, для Джюса сделали телескоп. Джюс пристроил к дому башню, прикрепил к ней гвоздями телескоп и стал по вечерам рассматривать небо. Так и случилось, что он заметил в телескоп «Диавону». Конечно, он увидел не звездолёт с такого далёкого расстояния, а крошечную мигающую звёздочку. Он бы, пожалуй, не обратил на неё внимания, если бы на его глазах звезда не засияла всеми цветами радуги. Несколько дней Джюс вёл за ней наблюдения. С каждым днём в её свечении всё больше усиливался красный цвет, а звезда росла. С ней происходило что-то неслыханное. Урфин был озадачен и продолжал вести свои наблюдения. О космическом корабле он не думал. Ему и в голову не могло прийти что-нибудь подобное. А между прочим, свет усиливался оттого, что на «Диавоне» штурман Кау-Рук один за другим включал тормозные двигатели. Два, пять, десять, пока не были включены все. Инопланетяне подлетали к Земле и гасили сверхскорость корабля. Это было неизбежно, чтобы начать двигаться вокруг Беллиоры.

НЕВЕДОМАЯ ЗЕМЛЯ

«Диавона» вращалась вокруг Земли, постепенно приближаясь к ней. Автоматические бортовые телекамеры навели на Беллиору и включили без промедления. На демонстрационных экранах в рубке командира, как и в зале, где собирались менвиты,

появились голубые очертания незнакомой планеты. Чужестранцы вглядывались в расплывчатые пятна неизвестных им океанов, морей, тёмных гор, жёлтых пустынь, зелёных долин и лесов. Долгий полёт притупил чувства инопланетян, но сейчас их охватило волнение, где-то в подсознании замелькала тревожная мысль.

— Что-то ожидает нас здесь?

Баан-Ну щёлкнул переключателем увеличения, и вдруг на экранах замелькали изображения больших городов с многоэтажными зданиями, заводов, аэродромов, кораблей.

— Внимание! — тут же раздалась команда. — Срочно маскироваться!

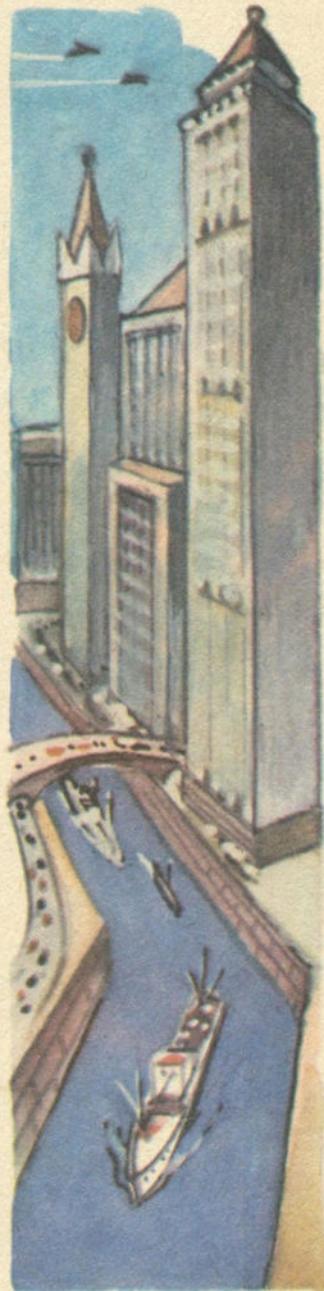
«Диавона», как спрут, выпустила из специального люка в корпусе звездолёта тёмное маскировочное облако, окутавшее корабль. Никакой телескоп не смог бы впредь обнаружить громадину рамерийского звездолёта. Вместо неё астроном с Беллиоры увидел бы бесформенное тёмное тело, но что оно значило, не разгадал бы ни один мудрец.

Космический корабль инопланетян в полной безопасности приближался к Земле.

Посланцы Рамерии, торопясь, просматривали виды Беллиоры. И чем дальше, тем больше хмурились их бледные лица. Баан-Ну и его подчинённые видели железные дороги, каналы, возделанные поля, мощные укрепления, на рейдах больших портов громадные корабли, с палуб которых грозно смотрели в небо стволы орудий. В глазах чужестранцев, настроенных на то, что Земля необитаема, невольно появилось недоумение и нерешительность.

— Да, — хмуро произнёс генерал, — эту цивилизацию не поставишь на колени одним ударом. И тут не спустишься на планету в любом месте. «Диавону» расстреляют прежде, чем мы успеем открыть люк.

Как менвит-завоеватель Баан-Ну полагал, что космических Пришельцев встретят на Беллиоре не миром, а войной. Так поступили бы рамерийцы, опустившись на их планету чужой корабль.

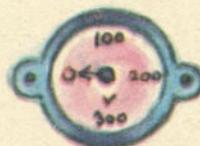
Менвиты решили найти тихое место, удалённое от больших городов, морских портов и мощных укреплений. Там можно скрыться до поры до времени, пока рабочие, наставляемые Ильсом, не соберут вертолёты: с них легче производить разведку, чем с звездолёта-гиганта.

Корабль совершал всё новые и новые витки над Беллиорой. Наблюдения продолжались. Пробы воздуха показали, что атмосфера Земли мало отличается от рамерийской и вполне пригодна для дыхания Пришельцев. Хоть в этом пришло облегчение: жить в скафандрах на чужой планете месяцы, а может, годы было бы невозможно.

Наконец, рамерийцам повезло. Посреди бесконечной песчаной пустыни они обнаружили большую лесистую равнину, окружённую кольцом высоких гор со снежными вершинами. Звездолёт несколько раз пронёсся над равниной. Телекамеры работали непрерывно. Сомнений не было. Среди рощ и полей виднелись деревни с крохотными домами, а в центре поднимался чудесный город, башни и стены которого сияли непонятным, но очень красивым зелёным светом. И нигде ни одного укрепления и форта, ниоткуда не поднимались стальные дула пушек, вид которых так неприятно поразил менвитов при первых облётах Земли.

Баан-Ну и его подчинённые впервые повеселились. Генерал протянул руку к телекрану с видом тихих деревень и чудесного города и, довольный, произнёс:

— Подходящая страна. Здесь будет наша база на Беллиоре. Он не знал, что страна эта волшебная.

Часть первая

ПЕРВЫЕ ДНИ НА ЗЕМЛЕ

УРФИН ДЖЮС — ОГОРОДНИК

У

рфину не давала покоя диковинная звезда, светящаяся красным цветом. Его мысли время от времени возвращались к ней, вечерами он подолгу просиживал у телескопа, но как ни старался её отыскать, нигде обнаружить не мог.

Звезда бесследно исчезла. Правда, он заметил однажды, как какое-то тёмное облако пронеслось по небу, но не придал этому никакого значения.

С жителями Волшебной страны Урфин теперь дружил, но о звезде, заинтересовавшей его, не торопился сообщать. Он ведь и сам пока ничего не понял.

Давно прошло то время, когда Премудрый Страшила сдержал слово и пригласил Джюса поселиться в Изумрудном городе среди людей. Урфин не ожидал, что ему будет так приятно это приглашение.

Однако он уже много лет жил у Кругосветных гор, привык к уютной долине с прозрачной речкой и расстаться со своей усадьбой не захотел.

Жить одному для него было так же естественно, как пить или есть. Он по-прежнему не хотел походить на других людей и одежду носил иного цвета: не голубую, не фиолетовую, а зелёную. И вовсе он делал так не от злого нрава, такой уж у него был нелюдимый характер. Общество он делил со старым филином Гуамоком.

латокинтом, с которым каждый день перебрасывался несколькими словами.

— Ну что, друг Гуамоко,— обычно с утра спрашивал Урфин,— прибыли вести на сорочьих хвостах?

И они с Гуамоко медленно, с паузами, обсуждали новости, которые умный филин запоминал от других птиц.

— Железный Дровосек к Страшиле Премудрому пожаловал в гости,— степенно говорил Гуамоколатокинт.

— Лев Смелый тоже в пути, но он стар — лапы его медленно ходят, он идёт-бредёт, потом садится, отдыхает.

— А что наш Премудрый? — спрашивал Урфин.

— Опять намудрил. Придумал какую-то библиотеку, книги серьёзные читает.

— Дело хозяйствское,— вздыхал Урфин.

Урфин был неплохим столяром во все времена. Была пора, ничего не скажешь, когда сделанные им столы, стулья и другие изделия из дерева перенимали сварливый характер мастера и норовили то толкнуть тех, кто их покупал, то наступить им на ноги — одним словом, доставляли людям всякие неприятности.

Строптивые изделия никто не покупал, и Урфину поневоле пришлось выращивать овощи на своей усадьбе, иначе чем бы он жил?

Урфин заделался огородником, работал быстро, но как-то нудно, неинтересно. Работа не приносila ему радости.

Но вот Джюс задумался о себе, о своих делах и словно заново родился, и всё вокруг изменилось. С его занятиями начали происходить непривычные вещи. Дело у него спорилось так, что он

сам удивлялся. Он отремонтировал домик в долине, покрасил его самыми весёлыми красками, какие нашлись в его хозяйстве. И почувствовал, что его прямо тянет заняться огородом. Да не просто заняться.

Со дня, когда он получил приглашение Страшилы и понял, что жители Волшебной страны совсем больше не сердятся на него, ему постоянно хотелось что-нибудь изобрести для них.

Смелости и терпения Урфину было не занимать, и он вырастил на своей усадьбе такие небывалые плоды, что даже филин Гуамоко, сначала недоверчиво отнёсшийся к затее Урфина, затем проникся безграничным уважением к нему.

— Эка невидалъ! — ухал он, взмахивая крыльями. — Небывальщина! Видно, хозяин, ты ещё умеешь колдовать!

Здесь была золотая морковка, голубые огурцы, красно-прозрачные, словно гранаты, сливы и яблоки, солнечные, точно апельсины.

Что и говорить, плоды получились очень нарядными. А главное, привлекал в них не столько цвет, а то, что они были сладкими, большими, вкусными.

Видно, не случайно Джюса потянуло к огородничеству. Разводить овощи и фрукты для других было куда как интересно, и из этого вышел толк.

Как только великолепные плоды созревали, Урфин нагружал ими доверху тачку и отвозил в Изумрудный город.

То был настоящий праздник Угощения.

На него спешили все, кто только мог, со всех концов Волшебной страны.

Причём Урфину хотелось никого не обидеть, одарить всех жителей и гостей. Он много раз наполнял свою тачку грудой плодов и торопился обратно в город. Перевозка была дальней и нелёгкой. И тогда жители Волшебной страны послали в распоряжение Джюса деревянного гонца. Скороногий гонец никогда не уставал. Он доставлял дары Урфина с ошеломительной быстротой.

Урфин готовил для гонца овощи и фрукты. Собирал их, выкашивал, ополаскивал ключевой искрящейся водой, которую жаркое солнце тут же высушивало. Джюс аккуратно складывал плоды в тачку. Жители Изумрудного города не отпускали его до тех пор, пока он не съедал целую гору пирогов, которые были особенно вкусны у хозяек чудесного города.

ЖЁЛТЫЙ ОГОНЬ

Праздники Угощения обязательно устраивались каждый год, их ждали с такими нетерпением, как ждут дня рождения. Потому что как ни чудесна жизнь в Волшебной стране, всё же один день похож на другой. Солнце поднимается всякий раз высоко и, когда ежедневные чудеса сделаны, опять опускается за горы.

Это случилось накануне нового праздника. Канун подоспел незаметно, он продолжался несколько дней, чтобы все желающие успели добраться до Изумрудного города, а Урфин-огородник успел приготовить угощение. Фрукты и овощи удались на славу, их было видимо-невидимо, так что Джюс опасался не успеть перевезти их в Изумрудный город до открытия торжества. Рядом с дворцом Страшилы соорудили длинные ряды из сдвинутых столов, которые перетащили из домов жители города.

Урфин и деревянный гонец, который помогал ему перевозить овощи, сновали между Кругосветными горами и Изумрудным городом.

Проезжая с полными тачками через страну Жевунов, они оставляли вкусный запах спелых, настоенных на солнце плодов. Разве могли Жевуны спокойно смотреть на это разноцветье фруктов и овощей в тачках?

Они высовывались из круглых окон своих домов почти целиком, даже странно, как они не падали, цепляясь ногами за подоконники. Они ещё и переговаривались, захлёбываясь от восторга.

— Ой-ой-ой,— говорил один Жевун,— опять голубые огурцы. Какое великолепие!

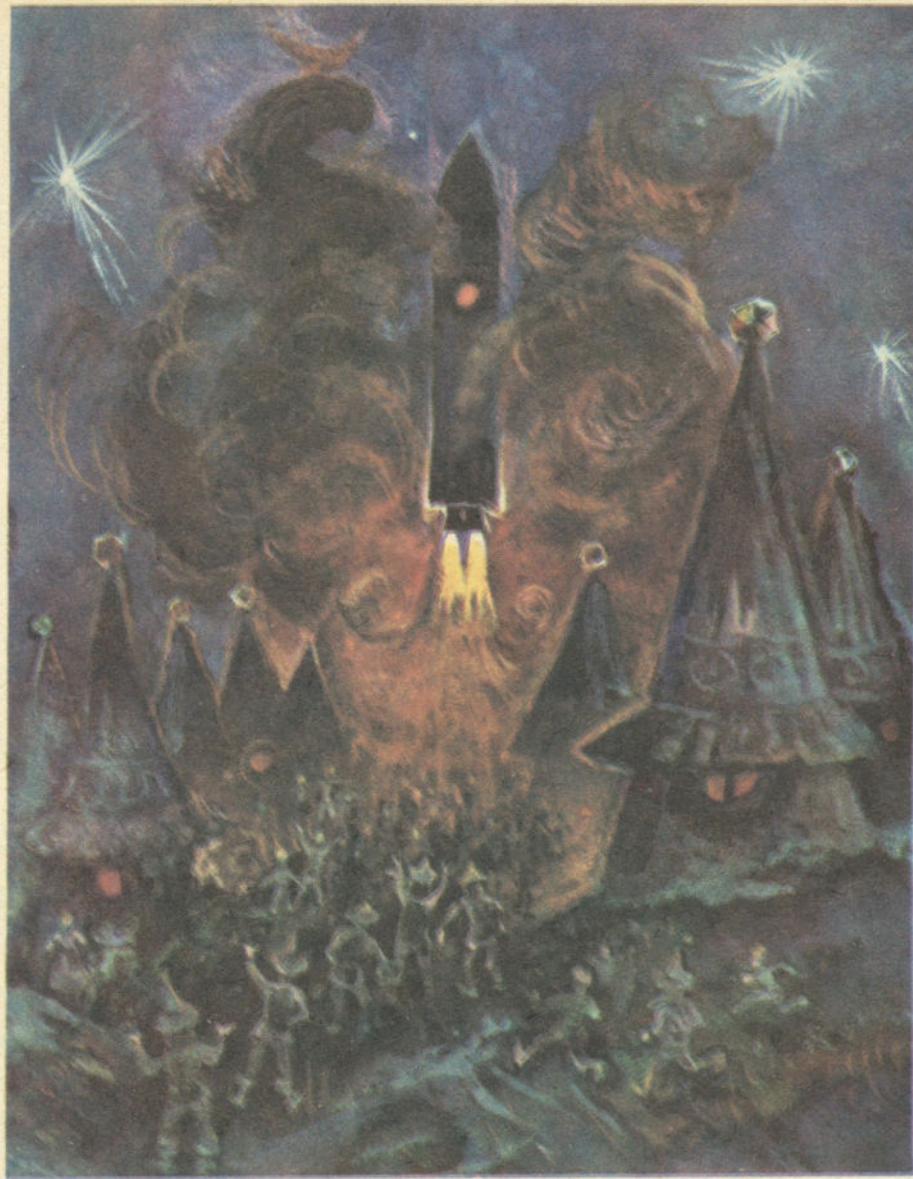
— Что огурцы, жёлтые орехи — чудо! Я сам видел, их целый воз! — воскликнул другой.— У меня уже и сейчас слюнки текут.

— А я люблю яблоки и апельсины,— тоненько пел женский голос.— У нашего Урфина яблоки горят, как апельсиновые солнца, а апельсины — румяные, точно яблоки.

— Ох, и наемся я,— уверял мальчуган Жевун звенящим голосом.

Вороха ярких ароматных плодов росли на столах Изумрудного города, а на усадьбе Джюса они, казалось, не убывали.

Жевуны тщательно чистили свою одежду, украшали её праздничными воротниками, их жёны надевали юбки колокольчиком, пришивали новые бубенцы к шляпам — одним словом, на праздник Угощения собирались, как на бал. Так же тщательно готовились к празднику во всех уголках Волшебной страны.

— Я буду самой красивой,— говорила одна девочка.— Мама сказала: у меня такой нарядный воротник из кружев.

— Нет, это я буду самым красивым,— возразил ей Жевун,— у меня самые блестящие бубенчики на шляпе. И они так звенят. Я могу весь праздник танцевать под свою мелодию, мне даже музыка не нужна.

— А я ещё не подшил шляпу,— тут же отозвался другой Жевун.— Не опоздать бы.

— Да, не опоздать, не опоздать,— заволновались Жевуны.

Бубенчики на их шляпах вздрагивали, и в домах стоял неумолчный перезвон. Жевунам и в самом деле пора было этой ночью отправляться в путь.

Благодаря инженерной смекалке Страшилы кое-что изменилось в Волшебной стране. Самым памятным оставалось, конечно, превращение Изумрудного города в остров. Несмотря на вырытый канал, столицу свою жители всё-таки по старой привычке называли не островом, а Изумрудным городом.

Нововведения Страшилы Премудрого коснулись и других мест Волшебного государства. Так, жители больше не гадали, как переправиться через Большую реку,— через неё перекинули мост. А в глухом лесу не страшно было двигаться и ночью — вдоль всей дороги из жёлтого кирпича зажигались в темноте качающиеся фонари, их движение и красноватый свет отпугивали диких зверей.

Всё же, чтобы поспеть вовремя, Жевунам очень скоро пора было трогаться, ведь шаги у них были маленькие, а путь предстоял неблизкий.

Конечно, они некрепко спали в эту ночь, совсем как дети накануне праздника. Поэтому они тотчас проснулись, услышав, как зазвенели бубенчики на их шляпах. Шляпы они на ночь ставили на пол, чтобы те молчали. Кто же звонил бубенцами, может быть, мыши? Жевуны заглядывали под шляпы — и никаких мышей не находили.

С улицы тем временем доносился непрерывный гул, он всё нарастал.

Жевуны выбежали из домов.

Огромный огненный шар, рокоча, подлетал к Кругосветным горам.

— Метеор? — озадаченно спросил Прем Кокус. — Но метеор не гудит, — ответил он сам себе. — Смотрите, — протянул он руки к небу, призывая Жевунов смотреть туда.

Шар пропал, превратился в дрожащий жёлтый огонь, по форме похожий на несколько корон, скреплённых вместе, или несколько перевёрнутых снопов.

Жевунам стало страшно, они тоже дрожали. «Диньк-диньк-диньк», — звенели бубенчики на их шляпах.

Гул всё усиливался. От Кругосветных гор потекли клубы жёлто-белого дыма. Прошумел вихрь. Деревья пригнулись.

В это время огонь погас. Вместо гула от гор донёсся громкий рёв, повторенный несколько раз эхом.

— Скорее, скорее в Изумрудный город, — торопил Кокус. — Страшно. Страшно и непонятно всё. Может быть, наш правитель...

— Мудрый Страшила отгадает, — решили Жевуны, всё ещё дрожа, и бубенчики на шляпах дребезжали в такт их словам.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

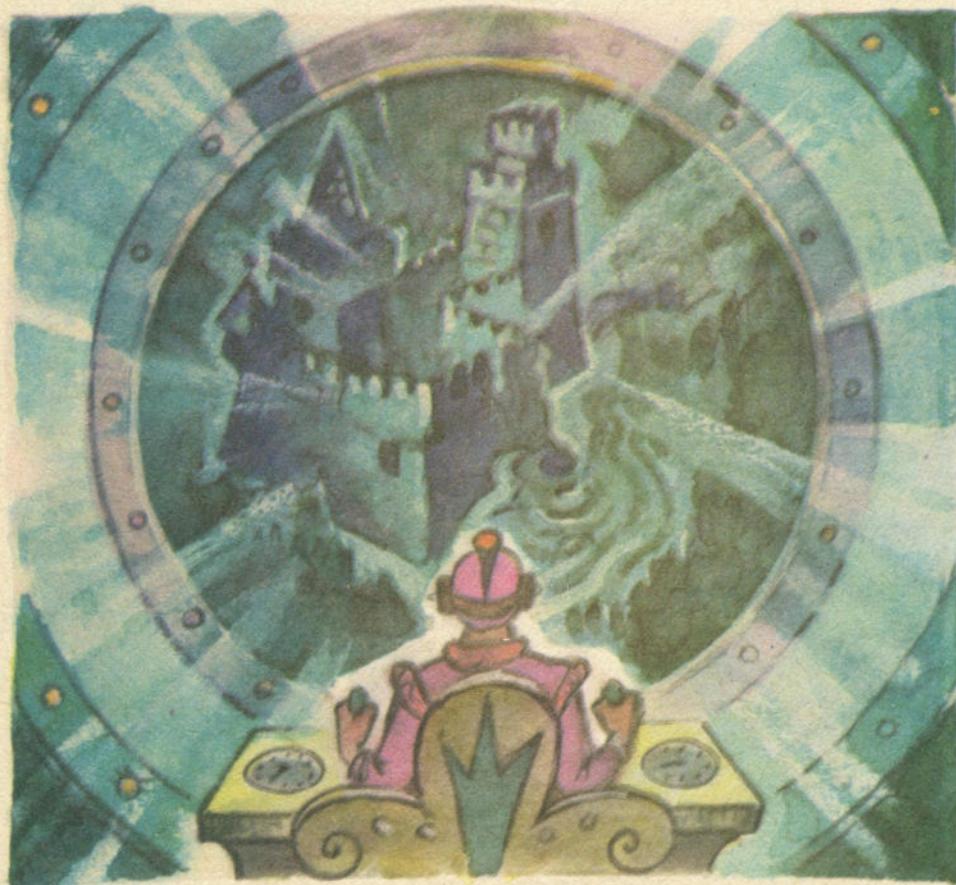
Ч

Ужестранцы торопились приземлиться до утра. Они полагали, что ночью на Беллиоре, скорее всего, спят, как на Рамерии, и их прилёт останется незамеченным.

Откуда им было знать, что жителям Волшебной страны как раз в эту ночь не спалось.

Совершив последний виток вокруг Земли, корабль начал снижение по плавной траектории. Штурман Кау-Рук сидел за пультом управления. Движения его были собраны и точны. Он напряжённо всматривался в экран локатора ночного видения, на котором проступали контуры незнакомой местности.

Важно было не пропустить кольцо гор, а точнее, то место у их подножия, где инопланетяне заметили огромный замок с чёрными провалами окон и полуразрушенной крышей. Судя по всему, в здании никто не обитал, и оно могло послужить на первое время неплохим убежищем.

Командир Баан-Ну готовился предстать перед новой планетой во всём своём великолепии. Борода его была давно руками Ильсора идеально, волосок к волоску, пострижена и причёсана, и слуга уже помогал генералу натягивать парадный наряд.

Парадными костюмами менвитов были яркие комбинезоны из плотной шелковистой ткани. Бледные малоподвижные лица менвитов от их блеска словно оживали.

Ордена на костюмах менвитов не привинчивались и не прика-

ливались, а вышивались золотыми, серебряными и чёрными нитями.

Они имели форму солнца, луны или звёзд; низшие помещались планками — одна, три и т. д., в центре ордена можно было видеть изображение созвездий и планет, окружающих Рамерию. Награждали менвитов по правилу: чем выше должность у обладателя комбинезона, тем больше у него орденов и тем красивее сами ордена. К парадному комбинезону полагались сапоги из мягкой лёгкой кожи с застёжками.

Как только на экране локатора показались очертания замка, Кау-Рук лихо развернул корабль двигателями к Земле. Он любил демонстрировать свою сноровку всем на удивление, и жаль, что в небе не было зрителей. Но внешне штурман оставался совершенно невозмутимым. Корабль медленно пошёл на посадку. У самого замка звездолёт на мгновение повис в воздухе, поддерживаемый огненным столбом из нескольких корон трепещущего жёлтого пламени, и медленно стал оседать на Землю. Тут же из корабля выплыли откидные опоры в виде гигантского треножника.

Когда рассеялись клубы дыма и пыли, менвиты произвели последние пробы атмосферы и, убедившись, что всё в порядке, открыли входной люк. Свежий ночной воздух, напоённый ароматом трав и цветов, ворвался в помещение звездолёта и опьянил инопланетян.

Спустили трап. Генерал Баан-Ну первым сошёл на Землю. Из рук он не выпускал новенький красный портфель, который для большей сохранности пристегнул цепочкой к руке. В портфеле лежала рукопись. Это была главная ценность генерала. Он намеревался писать историю покорения Беллиоры. Он уже начал сочинять её во время полёта. Своей работой генерал хотел прославить военное искусство менвитов, а больше всего мечтал прославиться сам.

Корабль стоял у великолепных гор, снежные вершины которых уходили в усыпанное звёздами небо. Поблизости шумели лесные заросли, откуда доносился ночной баюкающий свист птиц. Ступая по влажному мягкому ковру из трав, командир ощущил прилив неудержимой радости покорителя, даже сердце вдруг замерло, потом стало колотиться чаще и чаще. Баан-Ну пришлось расстегнуть «молнию» воротника.

— В этом месте будут жить достойнейшие из менвитов, — сказал себе генерал. — А рабов и так всюду достаточно.

Повернувшись к кораблю, он заметил, что уже почти все спустились. Менвиты гордо расхаживали в расшитых орденами одеждах, иногда пристально глядя в глаза какому-нибудь замешкавшемуся арзаку.

— Ну-ну, торопись,— приказывал взгляд, и арзак начинал сновать, как заводная игрушка.

Арзаки сутились за привычной работой: налаживали для менвитов удобную жизнь.

Одни раскидывали надувную палатку, устилали пол воздушными матрасами. Другие готовили ужин, несли напитки. Третья тащили из леса сучья, укрывали палатку. А для маскировки звездолёта натягивали огромную сетку с нарисованными на ней листьями, ветками, похожую на красочный ковёр.

Группа менвитов осторожно вынесла с корабля большое панно с изображением Гван-Ло и установила его на небольшом холме.

Генерал подошёл к собравшимся менвитам и, обратив взор к далёкой Рамерии, торжественно произнёс:

— Именем Верховного правителя Рамерии, достойнейшего из достойнейших Гван-Ло, объявляю Беллиору навсегда присоединённой к его владениям! Горр-ау!

— Горр-ау!!!— дружно подхватили менвity.— Горр-ау!!!

Арзаки молчали. Украдкой они с тоской поглядывали в ту сторону неба, где была их родина.

— Штурман,— обратился довольно сухо генерал к Кай-Руку. Хотя он пребывал в благодушном настроении, всё-таки не мог пересилить себя в отношении к Кай-Руку, которого недолюбливал за способности и излишнюю самостоятельность.— На рассвете проведёте разведку,— сказал генерал, а про себя подумал: «Первая разведка самая опасная, вот и справься с этой задачей, если ты такой умный».

— Проследите за всем самым внимательным образом,— приказал он,— но и сейчас не зевайте.

— Порядок, мой генерал,— отозвался Кау-Рук не так, как принято было среди военных чинов Рамерии, но ведь штурман всё делал по-своему. Он многое умел, поэтому даже к колдовству не прибегал, как другие менвиты.

— А мне не мешает отдохнуть,— потягиваясь и зевая, сказал генерал,— к тому же на Беллиоре прохладные ночи.

Один из рабов подал Баан-Ну фрукты на подносе, которые успели нарвать в ближайшей роще.

— Ну что, Ильсор,— обратился аппетитно жуя, генерал к слуге,— всё ли готово к отдыху?

— Всё готово, мой генерал,— Ильсор отвесил такой низкий поклон, что тело его повисло, как на шарнирах. Глядя на нелепо согнутого слугу, генерал вдруг расхохотался.

— Что, Ильсор, не чуешь ног от счастья, очутившись на такой превосходной планете?

— Да, мой генерал. Не может мне не нравиться то, что нравится вам,— согласился Ильсор.

— То-то же!— Баан-Ну похлопал Ильсора по плечу и отправился в палатку.

Вооружившись биноклем, он поочерёдно обошёл все окна палатки, лениво пробегая глазами горы и тщательно оглядывая ближайшие деревья в стороне леса — нет ли там вражеской засады. Ничего не разглядел, кроме силуэтов птиц, он спокойно растянулся на куче матрасов, которые Ильсор успел застелить пушистыми белыми шкурами какого-то зверя, вроде снежного барса; гигантский полог, тоже из белых шкур, отделил постель

генерала от остальной части палатки, где расположились другие менвиты.

Портфель Баан-Ну сунул под меховую подушку, которую Ильсор усердно приподнял. Во время сна всё важное для себя генерал не прятал в сейф — к сейфу можно подобрать ключи; укромнее места, чем изголовье, он не знал.

Когда командир менвитов задремал, Ильсор взял его бинокль, но не убрал, а тоже оглядел окрестности. Затем он подошёл к группе арзаков, собравшихся расположиться на ночлег прямо под открытым небом.

— Друзья мои,— сказал он совсем тихо,— не теряйте надежды,— а громко отдал распоряжение как главный техник:— Утром приступаем к сборке вертолётов.

Никто из избранников не подозревал, что такой Ильсор на самом деле.

«Самый исполнительный слуга, прекрасно разбирается в технике»— вот что знал о нём любой менвит.

А не знал вот чего.

Ильсор оказался более стойким, чем другие арзаки, перед гипнотическими взглядами и командами колдунов. У него была более сильная воля. Он успевал принять вид покорного раба, прежде чем волшебство вступало в силу. Поэтому он слышал самые секретные разговоры менвитов, которые не осторегались его, думая, что он послушен и, значит, совсем околдован. Из разговоров избранников Ильсор понял всё, что произошло на Рамерии.

Арзаки верили: только Ильсор может им помочь, он что-нибудь придумает для их освобождения, и выбрали его своим вождём.

Мысль о свободе арзаков никогда не покидала Ильсора.

Другая забота его была о землянах. Судя по тем сооружениям на снимках, которые не укрылись от взора вождя, Беллиору населяли разумные существа. Они не ведали об опасности, какую таил в себе взгляд менвитов. Предупредить их было прямой обязанностью Ильсора, хотя он и не знал, как это сделать.

РАЗВЕДКА

Н

а рассвете Кау-Рук с группой лётчиков отправился на разведку. Они спокойно прошли мимо дозорных, которые все были из менвитов и не дремля стояли на своих постах. Лётчики по духу были ближе штурману из всех военных, вот если бы ещё их эскадрилью не возглавлял Мон-Со, верный подданный

генерала. Захватив с собой несколько рабов-арзаков, лётчики сначала бодро продвигались вперёд. Разведка казалась им чем-то вроде весёлой прогулки.

Прежде всего решили осмотреть замок, не зная, что перед ними бывшее жилище волшебника Гуррикапа.

Обойдя его кругом, Пришельцы остановились перед закрытой дверью, верхний край которой терялся под потолком.

То и дело слышались шутки:

— Вот это хоромы! Такие только для государей да привидений!

— Ну-ка, нажмём плечом! Ещё раз. Да тут не хватит наших плеч!

Дверные петли заржавели, и кстати пришли усилия рабов, чтобы двери распахнулись.

Когда менвиты вошли в помещение, из пустых рам ринулись десятки потревоженных филинов и сов, заметались полчища летучих мышей.

Рамерийцев поразили размеры дворца, высота комнат, колосальные залы.

— Пожалуй, только рискни — поселись на несколько дней, эдак сам не заметишь, как уже государь! — продолжали шутить лётчики.

Много интересного нашлось в помещениях замка. Менвиты увидели шкафы высотой с пятиэтажный дом, а в них кастрюли и миски, похожие на плавательные бассейны, огромные ножи, книги, на которых бы уместились целые лесные полянки.

Пришельцы никак не могли понять, зачем было выстроено такое огромное здание. Они невольно поёживались именно от необъятности размеров. Они, конечно, читали в детстве сказки, и первое, что им пришло в голову, был вопрос:

— Может, здесь обитал людоед?

С помощью рабов менвиты раскрыли одну из книг Гуррикапа, думая: вот она-то прояснит им что-нибудь.

Но как старательно ни листали чужестранцы её страницы, они ничего не видели, кроме чистой бумаги, текст с листов исчез. Откуда было догадаться менвитам, что так сделал добрый волшебник: при приближении врагов книги не показывали, что в них написано. Менвиты быстро потеряли к ним интерес.

Рассматривая комнаты, мебель, всякую домашнюю утварь, Кай-Рук удивлялся:

— Неужели на Беллиоре живут такие гиганты?

Он даже попробовал усесться в кресле Гуррикапа. Арзаки, встав на плечи друг другу, образовали живую лестницу, по которой штурман и забрался в кресло. Рядом с твёрдой как кремень спинкой кресла он почувствовал себя так же неуютно, как

по соседству с огромным каменным изваянием какого-нибудь животного. Таких изваяний на Рамерии было много — то сохранились следы древней культуры арзаков.

— Подумать только,— сказал штурман глядевшим на него лётчикам.— Если даже некоторые земляне обладают таким гигантским ростом, что свободно умещаются в этом кресле, тогда мы, менвиты, сущие карлики перед ними.

Неожиданно Кау-Руку сделалось смешно.

— Вот обрадую Баан-Ну,— подумал он,— сюда бы ещё приведение, в придачу к замку.— Но, представив небольшие домики, которые он видел на демонстрационных экранах звездолёта, штурман разочарованно молвил про себя:

— Не очень-то испугаешь генерала развалинами замка.

Отряд лётчиков-разведчиков отправился дальше. Находясь под впечатлением увиденного, они приуныли.

Вновь они пришли в хорошее расположение духа, когда из сумрачного леса вышли на чудесную поляну, потом ещё одну и ещё.

Кругом расстилались зелёные лужайки с россыпями крупных

розовых, белых и голубых цветов (вроде крупных колокольчиков). В воздухе порхали крохотные птицы, чуть побольше шмеля, поражая необычно ярким оперением. Они гонялись за насекомыми.

Мохнатые шмели, которые летали тут же, не меньше привлекали ярким контрастом жёлтой и коричневой красок. Они пели свою бесконечную монотонную шмелинью песню.

Красногрудые и золотисто-зелёные попугаи кричали гортанными голосами, возвещая рассвет. Они смотрели на людей так, будто всё понимают. Если бы менвиты умели разгадывать, их изумлению не было бы границ, потому что попугаи действительно разговаривали.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, как прекрасно утро! — говорили одни.

— Что я вижу, что за люди? — недоумевали другие.

В прозрачных ручьях носились стайки быстрых серебристых рыб.

— Если вся Беллиора такая же, как мы увидели, — она прекрасна! — восторгались инопланетяне.

Приземлившись в ночную пору в окрестностях пустынного замка, где на десятки миль вокруг не было человеческого жилья, Пришельцы чувствовали себя в полной безопасности, как будто находились не на Беллиоре, а у себя дома на Рамерии. И свой лагерь вблизи жилища Гуррикапа они неслучайно назвали «Ранавир», что на языке менвитов значило «Надёжное убежище». Менвиты-колдуны, превращая людей в рабов, так верили в свою ворожбу, что полагали: события могут развиваться только так, как они захотят. Им было невдомёк, что события в Волшебной стране уже развиваются, и совсем не так, как желали того Пришельцы.

Многое заведомо определил не кто иной, как хозяин гигантского жилища. Да, верно, волшебник Гуррикап бесследно исчез, но ведь волшебство никогда не пропадает просто так. Взять хотя бы дар человеческой речи, которым Гуррикап наделил птиц. Птицы внимательно слушали людей, были в курсе разных событий и с песнями и свистом разносili новости во все концы Волшебной страны. Благодаря возможности понимать друг друга птицы и люди дружили. Люди никогда не трогали диких обитателей полей и лесов, а те в свою очередь оказывали им неоценимые услуги, вовремя принося важные вести, они не раз предупреждали об опасности. Вот и теперь инопланетянами прежде всего заинтересовались птицы. Когда разведчики-менвиты любовались пейзажами Беллиоры, пернатые обитатели леса перелетали с дерева на дерево и вовсе не для того только, чтобы покормиться червяками и букашками.

Штурман Kay-Рук не признавался себе, такой это казалось тарабарщиной, но чувствовал слежку со стороны птиц. Он заметил: пернатые не свободно порхают во всех направлениях, а ведут себя иначе, не перемещаются в одиночку, а совершают какое-то общее движение; связанные друг с другом, действуют так, как будто у них есть определённый план, и они его выполняют. Они проявляли интерес к Пришельцам, подобно разведчикам, облетали, осматривали чужестранцев. И даже Пришельцы думали, что им мерещится, с клювов птиц слетали отдельные какие-то невероятные слова: Качи-Качи, Кагги-Карр, Стра-шила.

Менвиты, хотя и являлись колдунами, понятия не имели о птичьей почте. Но едва настало первое утро пребывания на Земле, как по тенистым рощам прокатилась тревожная весть. Ветки вздрагивали то тут, то там. С дерева на дерево, от гнезда к гнезду метались растревоженные горластые вестники.

— Вставайте, вставайте!.. — требовательно будили они тех, кто ещё не проснулся.

— В наших краях появились неизвестные люди, — на разные голоса, торопливые и медлительные, с пересвистом и щебетанием кричали жаворонки, пересмешники. — Они выходят из огромной машины. Они копошатся возле старого замка. Они построили ящик, из которого достают воду.

Пришельцы так напоминали соплеменников Элли, что птицы сначала приняли их за людей из-за гор.

— Здравствуйте. Вы из Канзаса? — спрашивали пернатые, но пришельцы молчали.

Рамерийцы с рассветом принялись за дела. Астрономы устанавливали на холме большой телескоп, ботаники изучали растения, геологи исследовали почву. На самом деле всю работу выполняли арзаки, менвиты лишь покрикивали, приказывая.

По распоряжению Баан-Ну рабочие-арзаки приступили к ремонту необитаемого здания. Волшебник Гуррикап воздвиг замок в одно мгновенье. Но его волшебное искусство выдержало многовековое испытание, и ремонт требовался не очень большой. Нужно было вставить оконные стёкла, починить крышу, кое-где перестелить полы, покрасить стены и потолки.

Пластмассу делали тут же из захваченных с собой смесей — варили их в чанах. Довольствовались малым, тем, что оказалось под рукой, — глину, которую добавляли к смеси, нашли у Кругосветных гор, а посуду позаимствовали у Гуррикапа.

Расплавленную тягучую массу расправляли на оконных рамах, и она застывала, образуя безукоризненной прозрачности стёкла с голубоватым, желтоватым или розовым отливом. Через эти стёкла, приготовленные в котлах-самоварах, из внутренних помещений дворца можно было всё видеть, а если заглянуть с улицы — ничего.

Специальные формовочные машины-самолепители штамповали плитки, похожие на красную ребристую черепицу, ею застилали крышу.

Штукатуры, как и маляры, работали распылителями, которые сначала забивали трещины, обитости, просветы специальной замазкой. Через некоторое время замазка высыхала, её покрывали серой краской — и не отличишь от камня или от обломка скалы. Таким образом, пришельцы хотели не только залатать дворец, но и придать ему вид, в котором хоть что-то напоминало о Рамерии. Дома формой, как обломки скал, с разноцветными окнами были на Рамерии.

Арзаки работали и так быстро, а надсмотрщики-менвиты всё равно торопили их.

Ильсор руководил сборкой вертолётов, части которых в разоб-

ранном виде хранились на «Диавоне». Небольшой запас горючего был привезён с родины, но геологи рассчитывали добыть топливо на Беллиоре и уже начали разведывательные походы. Несколько раз приносили пробы, но Ильсор их забраковал.

— Нужно лучшее качество,— объяснял он геологам.

А по правде, Ильсор не торопился прокладывать путь мен-
витам, зная, что привезённого топлива на всё время не хватит. Он уже побывал на окраине деревень рудокопов и Жевунов и видел, какие тут безобидные люди обитают.

Прячась среди ветвей, птицы разглядывали Пришельцев, которые вели себя, по их наблюдениям, необъяснимо. Одни — высокого роста, с гордо поднятыми головами, с властными жестами и громким голосом, в одеждах, расширенных орденами, повелевали другими, одетыми скромно, в свободные зелёные комбинезоны из грубой материи, вроде мешковины. Ростом и силой люди в мешкообразных комбинезонах уступали тем, что с орденами. У них были добрые глаза, и они показались птицам совсем беззащитными.

Птицы прислушивались к разговорам Пришельцев, но ничего не понимали.

— Как они чудно бормочут, — думали пернатые.

И они постарались получше разглядеть, что делается у заброшенного замка. Их внимание привлекала неведомая машина наподобие громадного дома с круглыми окнами, просвечивающая сквозь сетку-ковёр. Забыв осторожность, несколько ласточек и крапивников подлетели сбоку к самому звездолёту и за это поплатились. Один из рослых Пришельцев поднял руку с предметом, по виду напоминавшим продолговатый фонарик, какой птицы видели среди зажигалки, пистолета и прочих вещей моряка Чарли. Пришелец нажал на кнопку — вырвался нестерпимо яркий свет, который в одно мгновение скёг птиц. Ласточки не успели даже метнуться к своим жилищам в пещерах гор. А крапивники, которые лучше бегали, чем летали, ловко бросились к кустарнику, но страшный свет опалил их вместе с зелёными ветвями растений. Из клювов быстро ногих птиц успел лишь вырваться крик, похожий на звук флейты и на песню человека. Ту песню, за которую крапивника испокон веков зовут органистом. Пернатые разведчики не знали, что видят лучевой пистолет, но поняли, чего можно ждать от незванных гостей. Они вмиг скрылись в лесу и больше не попадались, с большими предосторожностями вели наблюдения вблизи замка.

Не сговариваясь, птицы собрались на ветвях раскидистого дуба посоветоваться, как им быть. Решили немедленно составить донесение и послать его в Изумрудный город.

«Уважаемый повелитель Страшила,— писал в донесении умудрённый годами попугай Качи.— Сообщаю события чрезвычайной важности. Быть может, старость сделала меня чересчур осторожным, но кажется мне: сейчас нам угрожает опасность более страшная, чем война с великаншей Арахной. Прибыли в страну к нам и поселились у замка Гуррикапа Пришельцы. У них есть огромная машина с круглыми окнами, из которой они появляются. А самое главное: у них есть фонарики, которые не светят, а убивают сжигая. Уже погибли наши самые смелые разведчики — ласточки и крапивники. Поломай голову, правитель. Когда угрожает опасность, надо что-то делать».

Золотой дятел заучил текст донесения и стремительно помчался на северо-восток к Изумрудному городу. Он летел что есть духу; в синем небе, как огонь, вспыхивали его золотые перья. Дятел не боялся устать, он проделает всего несколько миль, а там слово в слово передаст донесение голубой сойке. Та со свежими силами пустится на крыльях, как на парусах, передаст слова мудрого Качи другой птице, и так пойдёт дальше по эстафете.

Заслуги знаменитой Кагги-Карр, придумавшей птичью эстафету, были известны каждому в стране Гуррикапа. Вняв ее совету, Соломенный Страшила получил мозги от Гудвина Великого и Ужасного и стал Правителем Изумрудного города: так повелел этот ненастоящий маг Гудвин, покидая Волшебную страну.

За уйму полезных советов Страшила наградил ворону орденом, которым она очень гордилась, считая себя по этой причине самой главной птицей государства — королевой ворон.

Прошло немного времени, и последний гонец эстафеты — рогатый жаворонок, его звали так за два удлинённых, как ушки, чёрных пера, достиг ворот Изумрудного города.

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Ф

арамант, стоявший в воротах, не успевал выдавать зелёные очки, да и оставалось их немного, хоть он и припас несколько лишних корзин очков — столько было желающих попасть в Изумрудный город.

Первые вести о необычных событиях, разыгравшихся в горах, принёс гонец, который работал с Урфином Джюсом.

Потом прилетел жаворонок. И уж позже всех пришагали усталые Жевуны.

К тому времени появились другие жители со всех концов Волшебной страны. Тут уж началось всеобщее волнение.

Жаворонок с чёрными ушками передал вороне Кагги-Карр сообщение мудрого Качи.

Жевуны в ужасе рассказывали про рычание в горах и жёлтый огонь. От волнения они перебивали друг друга:

- Был красный шар!
- Да нет, похоже, метеор!
- Не метеор, он гудел!

Выслушав всех, встревоженная Кагги-Карр немедленно отправилась к Страшиле. Она разыскала Правителя в Тронном зале Изумрудного дворца, который теперь называется библиотекой.

Библиотека тоже была выдумкой Страшилы. Ещё от Элли он слышал, что есть такое место, где хранят и читают книги. Страшила обнаружил немного книг в кладовой Гудвина позади Тронного зала среди фантастических птиц и рыб, зверя, Морской Девы и других чудищ, которыми пользовался Великий Обманщик во время своих превращений. Несколько книг нашлось в домике-фургоне Элли. Конечно, книг было недостаточно для настоящей библиотеки, все они поместились на двух полках, которые Страшила сам прибил гвоздями к стене.

Но тут выручили гномы. Они притащили свои многотомные летописи, которые заполнили все полки в кладовой за Тронным залом.

Книги в Волшебной стране оказались настоящими сокровищами.

Малое количество восполнялось той увлеченностью, с которой Правитель Изумрудного города читал.

Самым интересным из найденных сокровищ оказался «Энциклопедический словарь». Там столько всего занимательного было написано о вешах, окружавших жителей Волшебной страны, и о всякой всячине, в том числе о таких штуках, которых Страшила никогда не видел, например автобус, маяк, театр.

Усидчивый правитель часами занимался своим самообразованием.

Времени у него было достаточно, ведь ему не надо было есть, пить и спать. Именно эти занятия в Большом мире причиняют людям столько хлопот.

Мозги из отрубей, смешанных с иголками и булавками, служили своему хозяину верой и правдой уже много лет. Они подсказали ему немало удачных мыслей и поступков, за что поданные присвоили ему титул Трижды Премудрого.

С тех пор как Трижды Премудрому в руки попал «Энциклопедический словарь», умная голова Страшилы сделалась настоящей копилкой всевозможных знаний, и он с гордостью называл себя «эн-ци-кло-пе-дис-том».

У него была слабость запоминать длинные учёные слова и при случае произносить их, для пущей важности разделяя по складам.

Кто же, как не Страшила, должен дать ответ на события такой загадочной ночи.

Выслушав сообщение вороны, Страшила не на шутку разволновался и немедленно прямо в библиотеке решил созвать Военный Совет. Кроме Правителя, в него вошли длиннобородый солдат Дин Гиор, в военной обстановке фельдмаршал, Страж

Ворот Фарамант, Железный рыцарь Тилли-Вилли, начальник связи Кагги-Карр. На совете присутствовал также правитель Фиолетовой страны Железный Дровосек, гостивший в ту пору у своего друга.

Тилли-Вилли, хотя и мог притиснуться внутрь помещения, предпочитал сидеть на земле у дворца; голова его как раз приходилась против раскрытоого окна второго этажа.

Железному рыцарю, по людскому счёту, исполнилось всего несколько лет: ещё сущее дитя. Но чудесные создания Волшебной страны развиваются намного быстрее. Поэтому Тилли-Вилли не уступил бы по сообразительности любому второкласснику. В технике же он разбирался не хуже самого Лестара — выдающегося мастера Волшебного государства. Малыш Тилли-Вилли так крепко помнил своего создателя моряка Чарли, что всё время скучал по нему. И рад был любому поводу, чтобы поговорить о моряке; ему становилось не так грустно: будто он повидался с папой Чарли.

По правде сказать, одногий моряк, готовя Тилли-Вилли к борьбе с колдуньей Арахной, создал чудище. Он сделал Железному рыцарю необычайно свирепую физиономию, как у божка с острова Куру-Кусу. Но хоть у маленького великаны и торчали страшные клыки, и глаза были совсем косые, улыбался он дружески, глядел вовсе не враждебно. Сердце у гиганта было доброе, и его никто не боялся.

Он забавлял маленьких детей, возил их на плечах, а они визжали от восторга. Дети любили Тилли-Вилли и поэтому не видели огромных белых клыков, как не видят какие-то недостатки у родных, у друзей — у тех, кто дорог.

Тилли-Вилли ласково смотрел на членов Совета через открытое окно. Больше всего испугало всех известие о гибели птиц от одного-единственного огненного луча, бесшумно вылетевшего из продолговатого фонаря. Это был необъяснимый луч, они такого не знали.

— С владельцами ужасного оружия надо быть весьма осторожными, — сказал Страшила.

— Но что же произошло? — спросил Дровосек. — Откуда взялись эти люди?

— Жёлтый огонь, ревёт, — подсказала Кагги-Карр.

— Погодите, погодите, — замахал руками Правитель. Он стал перелистывать свой любимый словарь. — «Метеор, шар, огонь, грохочет, гром», — смотрел он слова, перебирая страницы.

— Может быть, они прилетели случайно, как домик Элли? Их просто принёс ураган? — предположил Железный Дровосек.

— «Ураган, дом», — читал Страшила дальше. Он заглянул

в слова «вулкан» и «землетрясение». — Нет, — покачал Страшила головой, — всё не годится.

— Надо бы посмотреть поближе эту машину, хоть и осмотрительно, — мелькнула мысль у Стражи Ворот.

— Это я как раз собираюсь сделать, — важно сказал Страшила, направляясь к волшебному телевизору, подарку феи Стеллы. — Думаю, этот ящик нам сослужит сейчас самую большую службу.

Телевизор стоял в Тронном зале на специальной тумбочке,

а рядом с ним вправо и влево висело по полке с книгами.

— Бирéлья-турéлья, буридáкль-фуридáкль, край неба алеет, трава зеленеет,— произносил Страшила, вспоминая магические слова.— Ящик, ящик, будь добренький, покажи нам, что происходит у замка Гуррикапа.

Экран засветился. Перед поражёнными зрителями появились Пришельцы точь-в-точь такого вида, как передавал жаворонок. Они расхаживали с надменным видом и резкими голосами отдавали приказания покорно склонившимся перед ними людям с приятными чертами лиц. Собравшиеся хотели послушать разговор Пришельцев, но речь велась на незнакомом языке. Страшила и его друзья заметили на экране пёструю просвечивающую сетку. Приглядевшись внимательнее, они различили под сеткой тёмную громадину с круглой дверью на боку, к которой приставлялась длинная лестница.

— Как всё-таки попала такая громадина в нашу страну?— поинтересовался Фарамант.

— Только не с неба, с неба она не могла упасть,— убеждённо сказал он,— слишком тяжёлая.

— А что же тогда летело и гудело?— спросил Дин Гиор.

— Дайте мне подумать,— попросил Страшила,— и я разрешу эту загадку.

Страшила принял усердно думать, от напряжения из его головы снова полезли иголки и булавки; к мудрому Правителю в такие моменты приходила необычайная ясность мысли. После долгого раздумья Страшила сказал:

— Непонятная вещь — не телега, у неё нет колёс. Она не лодка, потому что возле замка Гуррикапа нет реки. Это не метеор. Он летает, но не ревёт. По-моему, это летучий корабль. На нём и явились сюда эти диковинные люди!

— Слава Премудрому Страшиле, клянусь ураганами южных морей!— сказал великан совсем не громко, но и этого хватило, чтобы стёкла задрожали в залах дворца. Никто не удивился, услышав из уст железного малыша морское присловье, необычное для волшебных краёв. Дело в том, что Тилли-Вилли никогда не видел моря, но он наслушался моряцких приговорок от своего создателя моряка ещё в то время, когда одногоний Чарли мастерил чудовище. Приговорки крепко засели в огромной голове Тилли-Вилли, и он зачастую употреблял их.

— Клянусь колдунами и ведьмами! Мачты и паруса! Ветер и волны! Потопи меня первый же шторм! Разрази меня гром!— то и дело слышалось, стоило великому открыть рот.

— А вот откуда Пришельцы прилетели,— продолжал Страшила,— я не знаю. Только не из Канзаса. Если бы в Канзасе водились такие люди, нам рассказала бы о них Элли.

— Надо провести тщательную разведку,— сказала ворона,— и тогда мы решим, что делать.

— Разведка опасна,— сказал Железный Дровосек.— Пришельцы настороже, недаром они убивают безобидных птиц.

— Разведчики должны быть умными, наблюдательными и совершенно незаметными для врага,— подтвердил Страшила.

— Я не знаю никого, кто бы так годился для разведки, как гномы,— промолвила Кагги-Карр.

Страшила ещё раз оценил ум вороны. И все с ним согласились.

— А теперь надо известить гномов, я сейчас же лячу в пещеру,— Кагги-Карр едва заикнулась, как опять задрожали стёкла.

— Тысяча чертей! — заговорил Тилли-Вилли.— Мы сделаем вот как: я пойду к крохам гномам, заберу их сколько потребуется и доставлю куда нужно. Мне на это понадобится совсем немного времени, клянусь рифмами Куру-Кусу и якорем.

Предложение великана члены Совета приняли без обсуждения: трудно было придумать что-либо лучшее. Он мог шагать со скоростью сорока миль в час. К тому же он, подобно Страшиле и Железному Дровосеку, не нуждался в отдыхе и сне, а значит, мог двигаться без перерыва. Сборы были совсем недолгими: Тилли-Вилли взял с собой корзину с мягким мхом, да на всякий случай ему хорошенько смазали суставы — на это ушла бочка машинного масла. И вот Железный рыцарь шагает по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом.

ОБИДА УРФИНА

П

раздник Угощения в этот раз отменили ввиду чрезвычайности событий.

С тех пор как Пришельцы поселились в Волшебной стране, обычная счастливая жизнь её обитателей сразу нарушилась. Мигуны стали плохо спать — они так часто мигали, что глаза неслипались перед сном.

Жевуны перестали есть — они всё время жевали и забывали глотать пищу. Какой же тут праздник Угощения! Всем было не до него. Урфина это, конечно, страшно обидело, он думал — все забыли о Джюсе.

Он побежал домой, чтобы оттуда видеть, кто так чудовищно ревёт в горах.

Притаившись в темноте, он рассмотрел корабль инопланетян, похожий на громадный дом с круглыми окнами. А потом он опять вернулся к своим невесёлым думам.

— Стоило прилететь каким-то людышкам с другой планеты, — рассуждал знаменитый огородник, — как Урфин уже никому не нужен. Вот возьму и сам съем все фрукты. Неси сюда чудо-блюдо дыню-финик, — обратился он к Гуамоко, — пусть они себе там хоть воюют, а мы с тобой пировать будем.

Мудрый филин прикатил чудо-дыню, которая была раз в пять больше его самого. Урфин вынес из дома стол, с трудом поднял на него сказочный фрукт.

Пока Джюс разрезал дыню большим ножом, по долькам крупными каплями тёк ароматный сок, а у Гуамоко текли слюнки.

Сев за стол, они жадно принялись уплетать сочную сахарную мякоть.

— В этом году ты славно потрудился, хозяин, — сделал заключение, отрадное для ушей Урфина, филин, когда с дыней было покончено, — такой сладкой я ещё не ел.

Урфин Джюс ничего не ответил. Забравшись под одеяло, он тут же уснул.

Чего только ему не снилось: и как полчища Пришельцев наступают со всех концов на его дом с огородом, тянут к нему свои руки-щупальца и ревут:

— Где этот Урфин, мы хотим праздника Угощения.

Чтобы не отдавать иноземцам, Джюс начинает уплетать одну дыню за другой, а верный Гуамоколатокинт прикатывает всё новые и новые. Вот уже Урфин так наелся, что не может шевельнуться. Тогда филин режет дыню сам и съёт ему дольки прямо в рот.

— Я же лопну! — кричит Урфин и просыпается.

Джюс выбежал во двор — там всё спокойно: никаких инопланетян нет, на столе мирно лежали остатки чудо-дыни. Гуамоко сидел рядом с корками от дыни на столе. Один глаз у него уже проснулся. Увидев своего хозяина, он притворился спящим. Урфин всегда заставлял его что-нибудь делать по утрам: то выклевывать гусениц, то отгонять птиц от огорода. Но в этот знаменитому огороднику было не до филина. Джюс привёл в порядок свою тачку, кое-где починил, кое-где помыл, нагрузил её фруктами.

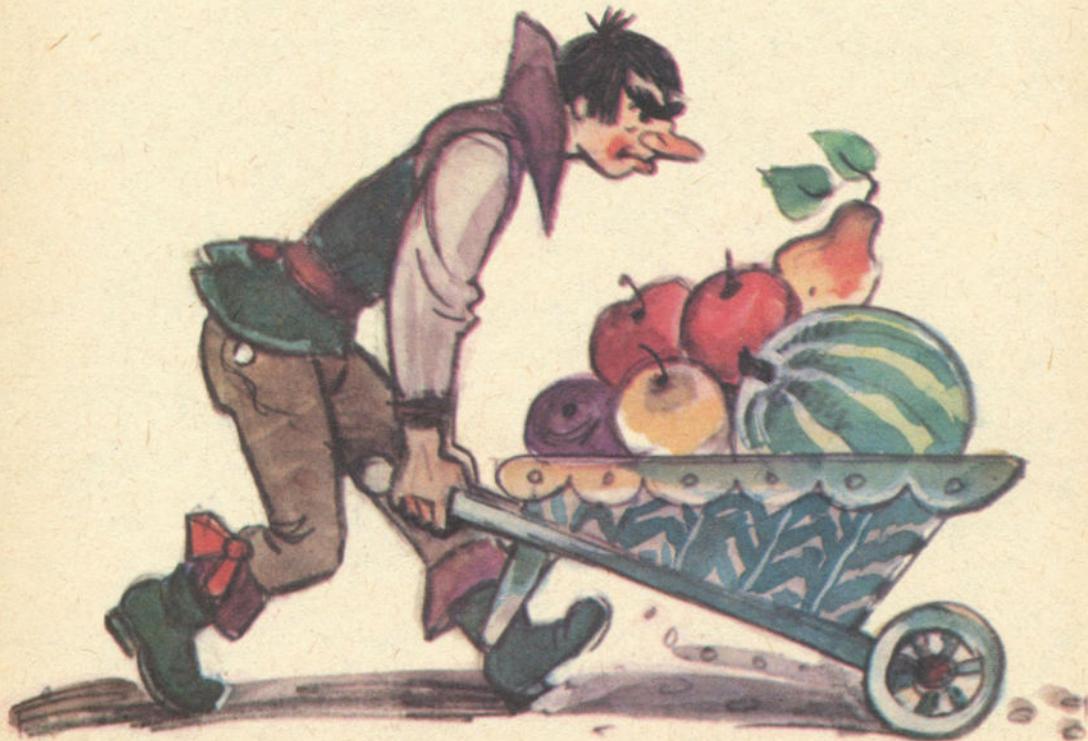
— Эй, Гуамоко, хватит притворяться! — заворчал он на филина. — Я же видел, что у тебя глаз открыт.

— Это ничего не значит, — ответил филин. — Я сплю.

— Ну как хочешь, тогда я один пойду. — И Урфин покатил тачку.

— Зря стараешься, хозяин, праздника в честь твоих фруктов всё равно не будет. Не то время! — проухал вслед, как только умеют филины, Гуамоко, не открывая глаз.

Урфин знал куда идти — всем жителям Волшебной страны от севера до юга и от запада до востока было известно, что Пришельцы поселились в замке Гуррикапа.

ГНОМЫ-РАЗВЕДЧИКИ

Д

ень бежал за днём, но арзаки потеряли им счёт. Они трудились не покладая рук и давно измеряли время числом выложенных кирпичей, глубиной выкопанных колодцев, количеством спиленных деревьев.

С утра до вечера Ильсор руководил работами, успевая между делами обслуживать генерала.

Уже возвели ремонтные мастерские, заканчивали монтаж станции контроля за погодными условиями и сборку летательных машин.

Передвигаться небольшие, но быстрые вертолёты должны были по ночам. Благодаря новой бесшумной конструкции они издавали в полёте сухой стрекот, какой бывает при взмахах крыльев. Кто обратит внимание в темноте на крылатые неясные силуэты, стрекочущие в небе среди лёгких облаков? Скорее всего, их примут заочных птиц, отправившихся на охоту.

Иногда за ходом работ наблюдал сам Баан-Ну. Тогда Ильсор неслышно, как тень, следовал за своим господином: вовремя подавал записную книжку, карандаш, почтительно докладывал о ходе дел, давал пояснения о некоторых отступлениях от первоначальных планов. Так, по усмотрению Ильсора готовили взлётные площадки для вертолётов. Это были совсем простые и потому надёжные сооружения. Даже не сооружения. Самые обыкновенные круглые полянки в лесу с вырубленными под корень деревьями. Посредине полянки стоял вертолёт. Сверху натягивали полупрозрачную маскировочную плёнку — по виду большую цветную фотографию того места, на котором срубали деревья и кусты и строили площадку. Плёнка колыхалась от малейшего ветра, ещё больше усиливая сходство изображения с живым лесом. В любой момент она легко сбрасывалась, раскрывая вертолёт, достаточно было дёрнуть за шнур.

Маскировочная плёнка защищала вертолёт от палящих лучей солнца, а случись непогода — могла бы защитить и от дождя. Рядом с каждой взлётной поляной стояла палатка для пилотов, где они могли выпить чашку чаю между полётами.

Несмотря на свою нетерпеливость, Баан-Ну оставался доволен Ильсором. Работа под руководством самого умного и послушного арзака кипела вовсю. Рабочие производили на свет действительно чудеса.

У менвитов, кроме надсмотра за арзаками, была иная забота. Всякое утро у них начиналось с зарядки. Они бегали, прыгали, крутились на турниках, гоняли мяч по лужайкам, вытаптывая нежную шелковистую траву страны Гуррикапа и её

волшебные цветы: белые, розовые, голубые. Они любили различные соревнования и устраивали их даже здесь, готовясь к войне с землянами. Одним из видов соревнований, самым любимым, был для инопланетян конкурс мускулов. На нём побеждали самые тренированные: у кого были наиболее сильные мышцы (которые перекатывались под кожей, как шары) и кто умел лучше других управлять ими.

Баан-Ну в основном проводил своё время в замке. Ремонт заброшенного жилища Гуррикапа подходил к концу. Давно готовы были покой генерала с личным кабинетом и жилые комнаты Пришельцев. Для обогрева поставили камины, теперь температура ночью в залах дворца поддерживалась такая же, как в домах на Рамерии, и менвиты не зябли.

Генерал уединялся в кабинете со своим неразлучным красивым портфелем.

«Итак, следую дальше твоим означенным курсом, о великий Гван-Ло,— этими словами Баан-Ну каждый раз продолжал свой любимый труд — историческую книгу «Завоевание Беллиоры». — Который уже день подряд Беллиора имеет счастье принимать лучших представителей Рамерии во главе с достойнейшим генералом Баан-Ну».

Генерал даже вспотел от напряжения, выписывая такие знаменательные слова. Перечитав последнюю строчку, он выпрямился и принял позу достойнейшего: подперев подбородок рукой, возвёл глаза к небу. Обтерев носовым платком из тончайших кружев лоб, Баан-Ну снова взял ручку и приступил к самому главному: рассказу про то, как он завоёвывает планету. Тут он не забыл похвалить природу Земли.

«Благоухающий цветущий сад,— расписывал он,— тут райский уголок, о каких только приходится мечтать».

Затем перешёл к ужасам. Он, видите ли, никогда и представить не мог таких дремучих лесов.

«Покорение Беллиоры приходится начинать с её первобытных чащ. Диких зверей в чащобах тьма-тьмущая, они ревут, трубят, мяукают и лают,— захлебываясь от собственной фантазии, писал Баан-Ну.— То настоящая симфония воплей по ночам. А их глаза? Полчища светящихся зелёных огней, которые горят ярче изумрудов на башнях удивительного города. Подобные изумруды только дети наши рисуют на картинах».

Баан-Ну сам выдумывал разных страшилищ с клыками и копытами и описывал жестокие поединки, в которых всегда побеждал.

О пушках, военных кораблях, укреплениях, которые он видел со звездолёта, генерал молчал, понимая: если написать

о них, ему непременно придётся отчитываться о военных операциях, которые он проводит, и тут уж надо говорить правду, а не выдумывать.

О жителях страны Гуррикапа генерал тоже ничего не сказал, кроме того, что их охраняют великаны. Схватку с одним великанином, жилище которого менвиты захватили, Баан-Ну только начал описывать. Он успел рассказать, какие у этого великана кастрюли — с бассейн, какие шкафы — с пятиэтажный дом, как кто-то самым бесцеремонным образом выхватил у него из рук листок с описанием такого крупного исторического события и скрылся в открытом окне. Генерал настолько был поражён кражей, что едва успел заметить чёрное оперение птицы. И ещё у него блеснули в глазах алмазные колечки, он готов был поклясться, что видел их на лапах птицы. Но он не был точно уверен. Он даже не попытался взять лучевой пистолет из ящика стола. Вытащив из портфеля чистый лист бумаги, он торопливо застрочил ручкой, описывая свой поединок со страшной птицей-драконом, у которого на лапах блестели кольца с алмазами.

Маленький эпизод с птицей не ухудшил настроения торжества, которое переживал Баан-Ну. Как будто генерал уже всего достиг на Беллиоре и всех покорил. Немалую роль тут играла не в меру разыгравшаяся фантазия Баан-Ну. Новая планета нравилась ему всё больше, рукопись продвигалась отлично, поэтому в его глазах так и полыхал огонь самоуверенности. Менвит не мог его спрятать, даже когда в кабинете появлялся Ильсор с лимонадом или кофе на подносе. Генерал

всё сниходительнее похлопывал слугу по плечу и в который раз спрашивал:

— Ну что, Ильсор, здорово мы сделали, что явились на Беллиору?

А раб послушно отвечал:

— Моё мнение — это мнение моего господина,— и кланялся для большей убедительности.

— Да, да, Ильсор, я знаю,— улыбался Баан-Ну,— ты самый верный слуга.

Вождь арзаков снова и снова кланялся, чтобы скрыть усмешку.

Ильсор тоже постоянно думал, но не о прославлении рamerийского генерала. Не раз предпринимал он вылазки за пределы Ранавира, едва Баан-Ну засыпал безмятежным сном победителя, а победители засыпают рано.

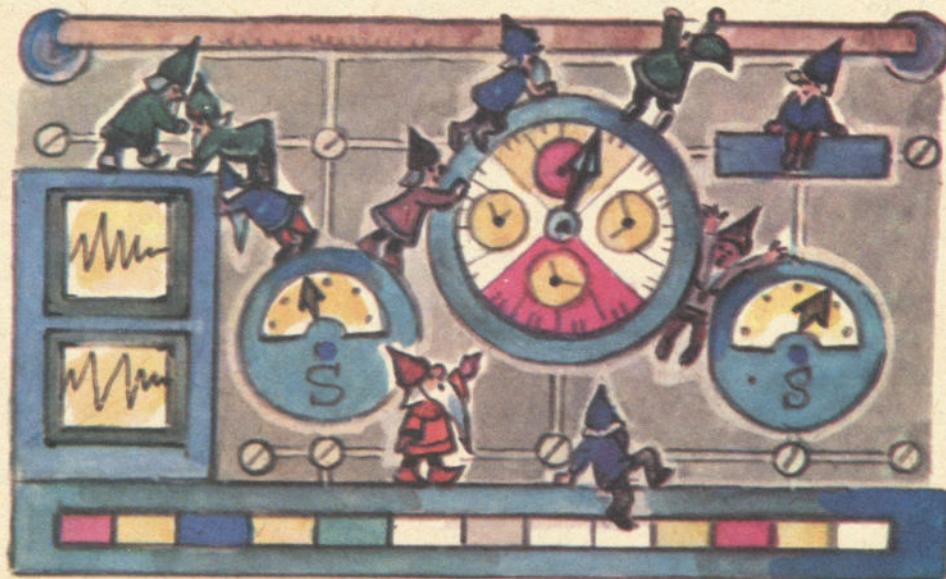
Ильсор добрался как-то до деревни рудокопов. Он тихо-тихо подошёл к ближайшему домику и встал под окном. Он услыхал верещание ткацкого станка, похожее на музыку, потом увидел самого ткача — плотного, подвижного, уверенного в себе старика. Ткач подошёл к маленькой старушке, очевидно жене. Подал ей пустую кастрюльку. Заговорил, видно, об ужине. Он, наверное, любил свой станок, но и о еде не забывал. Арзак очень внимательно прислушивался к разговору стариков.

— Свари-ка мне, Эльвина, цыплёнка,— сказал ткач,— у тебя их много развелось.

— Рано ешё,— ответила Эльвина,— они не подросли.

Если бы Ильсор мог понять из их разговора хотя бы самую малость! Но он слышал слова, которые казались ему не меньшим бормотанием, чем птицам разговор Пришельцев. Вождь арзаков понял, какое огромное препятствие лежит между ним и землянами. Как сказать, если не знаешь языка? Трудно же понять друг друга.

Ильсор совершил вылазку в другую сторону, поближе к Кругосветным горам, и набрёл на жилище Урфина. И в этот

раз он не разобрал ни слова в языке землянина, говорившего с филином. Но он сделал открытие, изумившее его. Землянин и филин беседовали друг с другом!

— Обученная птица? — удивился вождь арзаков. — Но не-похоже, чтобы она повторяла заученные слова, как попугай. Она сама разговаривает, она мыслит!

Тилли-Вилли быстро, как обещал, дошагал до пещеры гномов, после гибели колдуны Арахны — свободных людей Волшебного края. Единственной и приятной обязанностью их по наказу Страшилы оставалось ведение летописи.

Железный рыцарь поудобнее во весь свой рост растянулся на земле. Он хоть и был тяжёлым, но пружины его, прилаженные моряком Чарли и мастерами Мигунами, работали исправно, Тилли-Вилли легко и свободно опускался и вставал, при этом даже скрипа не слышалось.

Самым тихим голосом, на какой был способен, рыцарь позвал старейшину летописцев:

— Эй, Касталь! Друг старейшина! Грому и молнии! Гномы! Выходите из пещеры. Мне надо, проглоти меня акула, с вами поговорить!

Гномы не заставили себя ждать. Они толпами окружили великана, глаза его перекатывались туда-сюда.

— От вас ждут важной услуги в Изумрудном городе, — сказал Тилли-Вилли гномам, — Страшила считает вас самыми лучшими разведчиками. Вам нужно разузнать всю правду о Пришельцах.

— Пожелание Страшилы Мудрого для нас всё равно что приказ, — отозвался Касталь. — Но мы пойдём по доброй воле. Можно ли держаться в стороне, когда Изумрудному городу грозит беда?

Момент — и маленькие человечки собрались. Захватывать с собой рюкзаки с одеждой и капканы для ловли кроликов они не стали — ни к чему, не в поход шли, а с особым заданием. Мож-

но было потерпеть со всем, что мешало разведке. На время задания одежду они собирались стирать в ручьях, а питаться гномы и в мирное время любили орехами и ягодами. Вот щётки зубные и мыло разведчики всё-таки засунули в карманы, очень уж они любили умываться. Главное же — они не забыли надеть серые плащи с капюшонами. Когда гном заворачивался с головы до ног в такой плащ и лежал, похожий на клубок, где-нибудь в яме или стоял на дороге столбиком, он был неотличим от серого камня, каких множество валяется в рощах Волшебной страны. Недаром Кастальо любил повторять:

— Мы непревзойдённые знатоки маскировки.

В корзину с мягкой подстилкой из мха взобралось несколько сотен гномов — столько, сколько поместилось. Команду над ними взял, как всегда, Кастальо.

Длинноногий рыцарь отмахал большое расстояние, доставив самое зоркое войско в лес перед заброшенным замком. Гномы разбрелись во все стороны и скоро в разных местах проникли на территорию инопланетян.

Никто из Пришельцев не догадывался, но что бы ни делали арзаки, понукаемые менвитами, — строили взлётные площадки для вертолётов, рыли колодец или готовили пищу, — всюду за ними наблюдали внимательные глаза-бушины. Гномы выглядывали из кустов, из-за камней, влезали на различное оборудование, выгруженное из «Диавоны». Нашлись смельчаки во главе с Кастальо, которые пробрались даже в космический корабль и осмотрели его устройство, хотя ничего в нём не поняли.

«Шурх-шурх!» — слышалось временами в лагере Пришельцев, но даже самый дотошный наблюдатель-менвиг подумал бы, что это какое-нибудь насекомое крыльями прощуршало или проползло, а больше ничего не подумал.

Гномы аккуратным почерком заносили свои наблюдения на крохотные клочки бумаги, и карандаши у них были карлики — никто, кроме их владельцев, ими пользоваться не мог.

Донесения гномов были очень удобны для птиц, незамедлительно доставлявших их в Изумрудный город. Кастальо свёртывал бумажные клочки в трубки и прикреплял травинками к лапам посыльных: пересмешника, свиристели, золотого дятла. Но разобрать их было совсем нелегко, если бы не изобретательный ум мастера Лестара да ещё Ружеро, которые придумали, как можно соорудить микроскоп из нескольких увеличительных стёкол и нескольких капель воды. Страшиле даже при самом большом напряжении, когда иголки высекивали из его головы и топорщились, как у ежа, ни за что бы не прочитать их.

Тилли-Вилли нашёл место, где прятаться в глухом лесу на значительном расстоянии от замка. Там в незапамятную пору Гуррикап построил павильон, в котором отдыхал во время прогулок. Тилли-Вилли тоже, принося депеши Страшилы, распологался в павильоне и внимательно следил за дорогой, чтобы его не обнаружил какой-нибудь забредший сюда случайно инопланетянин. В крайнем случае рыцарь должен был забрать Пришельца в плен: связать и унести в Изумрудный дворец.

Приказы за Правителя по-прежнему писали фельдмаршал или Страж Ворот. Страшила читал хорошо, а вот искусство письма ему никак не давалось — такое случается иногда в Волшебной стране.

Страшила и его друзья находились в курсе всего, что происходило у замка Гуррикапа, но они не разгадали, зачем явились инопланетяне в их уединённый край. Много раз, сидя у экрана волшебного телевизора, самым внимательным образом Страшила с Дровосеком вглядывались в работающих или распоряжающихся иноземцев, но это им ничего не объясняло.

Гномы между тем повсюду следовали за Пришельцами. В разговорах инопланетян особенно часто повторялись два слова: «менвиты» и «арзаки». Немного времени понадобилось проницательному Кастальо, как он уже догадался: «менвитами» назывались господа, «арзаками» — рабы. Часто произнислось также слово «Рамерия», причём говоривший обычно смотрел вверх, куда-то на небо. Кастальо пытался проследить за взглядом инопланетянина, тоже смотрел вверх, а поскольку это случалось и ночью, он видел перед собой не однажды Луну. Вот почему старейшина гномов решил, что Рамерией на языке Пришельцев зовётся Луна: оттуда они, по мнению Кастальо, прилетели на Землю.

ПОХИЩЕНИЕ МЕНТАХО

Б

было время, когда глубоко под Волшебной страной в исполинской Пещере жили люди. Их звали рудокопами, потому что они добывали в шахтах металлы и драгоценные камни. Но их ещё звали подземными за то, что они и жили и работали под землёй.

Много столетий трудились подземные рудокопы в поте лица, а всё-таки бедствовали. Потому что ими правили семь королей-лентяев, которые сами ничего не делали, а жить любили роскошно, и не только сами, но приучили к праздной жизни целую армию слуг.

На счастье рудокопов, в Пещере однажды появились Элли и её троюродный брат Фред, заблудившиеся во время прогулки в горах и занесённые к рудокопам подземной рекой.

Вот тогда-то и кончилась власть семи королей. Мудрый Страшила придумал лёгкий трюк: надоумил рудокопов напоить властителей Усыпительной водой. Короли проснулись ничего не ведающими младенцами, и им внушили, что они раньше вели скромную жизнь ремесленников: один был ткачом, другой — кузнецом, третий — хлебопашцем...

Рудокопы оставили Пещеру и построили деревни по соседству с Жевунами под горячим солнцем Волшебной страны. Они занялись, как другие жители страны Гуррикапа, земледелием, и только бригады рабочих поочерёдно спускались под землю добывать медь, железо и другие металлы, без которых не обойтись ни в одном государстве.

Ментахо был когда-то самым чванливым подземным королём, он ужасно гордился своим высоким происхождением. Бывший король, а теперь ткач, и его жена старушка Эльвина жили в скромном чистом домике на окраине деревни рудокопов, к которому очень привыкли. Их-то и видел Ильсор во время своего разведывательного похода.

Днём Ментахо сидел за ткацким станком, если не сидел, то очень скучал по его пению и всегда приговаривал: «Нет ничего лучше работы ткача», а вечером выходил поболтать с соседями. Эльвина хлопотала по хозяйству, копалась в огороде, разводила кур и уток.

Оба были вполне довольны судьбой и совершенно забыли, что когда-то носили королевские мантии и повелевали сотнями людей.

Однажды утром Ментахо и Эльвина спокойно завтракали, как вдруг дверь их домика распахнулась. В комнату, согнувшись вдвое, так он был высок ростом, притиснулся не-

знакомец в кожаном комбинезоне. Он глядел на них приказывающим взглядом, которому Ментахо с Эльвиной не смогли противостоять. Они подняли глаза на незнакомца, да так и смотрели не отрываясь, оторопев от ужаса. Даже закричать не смогли.

Вошедший, это был Мон-Со, одной рукой сгрёб Ментахо, а ткач был совсем немалого роста, Эльвину как перышко подхватил другой и, подталкивая, вывел их на улицу. Перед крыльцом ткач и его жена увидели непонятную машину, но им не дали её рассмотреть. Похититель втолкнул старииков в кабину, защёлкнул дверцу, и машина взмыла вверх. Эльвина страшно перепугалась. Ментахо тоже волновался, неизвестность пугала его.

Прошло немало времени, и Ментахо начал кое-что соображать.

Он не раз летал на драконах, и теперь то, что происходило с ним и Эльвиной, было похоже на полёт.

— Не бойся, старушка,— сказал Ментахо.— Эта штука, этот зверь, что нас несёт, наверняка вроде дракона. Владелец его вряд ли причинит нам вред. Зачем ему это делать на небе? Нас забрали в плен. Хотя я не могу понять, зачем мы понадобились.

Слова мужа немного успокоили Эльвину. Старушка даже украдкой взглянула в окно на поля и леса, что смутно виднелись внизу.

Летели час или больше, только спустя время вертолёт, ведомый Мон-Со, оказался в Ранавире.

Машина плавно спустилась, и Ментахо увидел замок. Конечно, это могло быть только жилище Гуррикапа, где поселились Пришельцы.

Ментахо и Эльвину провели прямо в кабинет инопланетного генерала.

Луч света, проникающий сквозь розоватые стёкла окон, освещал стройную фигуру менвита, золотое и серебряное шитьё орденов. Быть может, потому инопланетянин казался Ментахо и Эльвине таким сияющим, светились его лицо, волосы, борода.

— Операция прошла успешно, мой генерал,— доложил лётчик.

— Хорошо, Мон-Со, подведите их ближе.

Баан-Ну, казалось, был сбит с толку, когда пленники приблизились. У него даже появилось подозрение, что к нему привели не захваченных беллиорцев, а переодетых арзаков—они только цветом кожи отличались, а так походили друг на друга, как братья.

Ошибка исключалась, операцию выполнял верный генералу Мон-Со.

Однако поразительное сходство беллиорцев и арзаков смущило генерала.

Ментахо чувствовал на себе пристальный взгляд Баан-Ну, но посмотреть сам в ответ почему-то боялся. Он знал: опасности надо глядеть в глаза, лишь тогда она становится менее страшной. И, поборов себя, он поднял голову. Ментахо ошибся, как раз самым страшным оказалось смотреть в глаза. Ткач уже не мог оторвать своего взгляда от лица генерала. Какая-то тайная сила удерживала его, и он помимо воли смотрел и смотрел в глаза инопланетянина, словно ожидая приказа, которому он готов подчиняться.

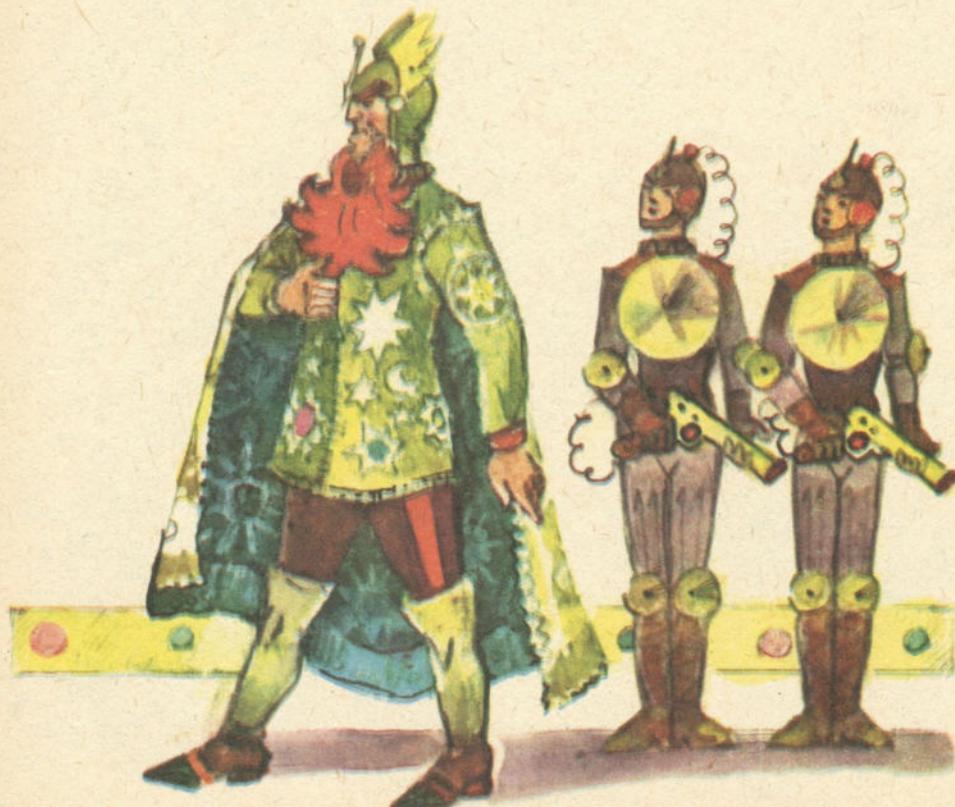
«Что это со мной?— думал Ментахо.— Что же я такой чуд-

ной стал? Уже и не вижу как будто ничего, не слышу, и воли своей нет. Я как сплю,— и он на самом деле зевнул.— Так нельзя, так нельзя»,— приказывал Ментахо себе, из последних сил борясь со сном. Менвит же не думал повелевать, он просто задумался, и его глаза случайно остановились на лице Ментахо.

Генерал продолжал размышлять о поразительном сходстве между арзаками и пленниками. Уж не перебрались ли в отдалённые времена их предки с одной планеты на другую?

«Надо переходить к действиям,— приказал себе Баан-Ну.— Надо срочно покорять землян. Не то арзаки увидят в них родственников и не встанут ли на их сторону? Впрочем, этого быть не может. Они рабы и послушные». От досады генерал всё же помрачнел. Он холодно приказал Мон-Со увести пленников. Ментахо и Эльвину заперли в помещении вроде сарая, где лежали части машин, и там старики просидели остаток ночи без сна, вздыхая и раздумывая над тем, какая участь им уготована. Там они под утро и заснули.

ГОВОРИЛЬНАЯ МАШИНА

Проснулся Ментахо в маленькой уютной комнате. Там всё было приготовлено для удобной жизни: стояли две кровати, посередине стол и несколько стульев, небольшой шкаф с посудой и всё. Нет, не всё. Повернувшись, Ментахо увидел за собой в углу какой-то диковинный предмет, блестящий, как маленький рояль, из него доносился невнятный шорох и лёгкое попискивание. Ткач долго не раздумывал, ему хотелось есть, тем более на столе ждал сытный завтрак.

Пленники поспешили к еде. Усаживаясь на стуле, Эльвина не утерпела, спросила:

— Где это мы, господи?

— Где это мы, господи? — повторил кто-то, Эльвина и Ментахо оглянулись: в комнате никого, кроме них.

Завтракали в полном молчании. Поев, Ментахо пришёл в великолепное расположение духа, в какое всегда приходил после вкусной пищи, особенно после пирогов и взбитых сливок, а именно их сегодня подали к столу. Он откинулся на стуле, удовлетворённо сказал:

— Не робей, старушка, мы с тобой ещё поживём!

Вдруг машина, похожая на рояль, мигнула, щёлкнула, из неё раздался голос, точь-в-точь голос Ментахо:

— Не робей, старушка, мы с тобой ещё поживём!

— Бог мой, да что же это такое? — в испуге вскрикнула Эльвина.

И машина тонким голосом тоже вскрикнула:

— Бог мой, да что же это такое?

Ментахо задумался, и вдруг его осенило:

— Я догадался: это говорильная машина,— сказал он Эльвине.

Машина тотчас скопировала его слова. Ментахо подошёл к окну. Оно было затянуто тонкой, но прочной сеткой из металла. Никаких сомнений — они пленники.

А машина, щёлкнув и трижды мигнув, заговорила на разные голоса:

— Не робей, мой бог, я догадался, что это такое, старушка. Мы с тобой ещё поживём, говорильная машина... Господи, где...

Машина строила фразы на языке землян, пользуясь услышанными словами и переставляя их так и сяк, как детские кубики на полу. В некоторых фразах не было никакого прока, другие получались осмысленными.

Бывший король и его жена додумались, зачем их похитили. Пришельцы с их помощью хотят изучить язык землян. Сметливому Ментахо стало не по себе. Уж если чужестранцам понадобился язык жителей Волшебной страны, значит, они собираются поселиться надолго. Ментахо вспомнил взгляд того Главного Пришельца, к которому их с Эльвиной приводили. У ткача мураски пробежали по коже. От такого взгляда никуда не деться.

— Попробую-ка я не глядеть ему в глаза,— решил Ментахо,— должен же я осмотреться, разобраться во всём, не будь я Ментахо.

— Меня не проведёшь,— сказал бывший король вслух.

— Меня не проведёшь,— опять повторился его голос.

— Ты чего дразнишься? — не вытерпел Ментахо.

— Ты чего дразнишься? — отозвалась машина.

— Ладно, и тебя одолеем,— махнул рукой Ментахо.

Машина проворчала то же самое, и снова наступило молчание.

У говорильной машины в запасе было слишком мало слов землян, и она ждала, когда пленники заговорят снова. Ментахо не хотелось оказывать услугу своим похитителям, он бы охотно молчал всё время, но ему волей-неволей приходилось говорить с женой. Инопланетяне хитро сделали, похитив мужа и жену.

Не одна говорильная машина ждала. Ждал сообщений о пленниках генерал Баан-Ну. Он, как всегда, был занят любимым трудом — писал историческую книгу «Завоевание Беллиоры».

«Итак, следую дальше,— начал генерал новую страницу,— с тех пор, как меня посетил дракон...» — тут Баан-Ну задумался. На этот раз известия о работе говорильной машины с пленниками волновали его сильнее, чем собственная фантазия. Но она стала бы неистощимой, зная генерал, как недалёк он от истины: в стране Гуррикапа водились настоящие драконы.

Машина жадно глотала слова землян, к вечеру их запас достиг нескольких сотен. Но вот в её работе появилось нечто новое. Она стала разгадывать смысл некоторых слов, говорила, например, слово «хлеб», а вслед за ним слышалось — «нобар», после слова «вода» говорилось «эссор». Ментахо слышал и невольно запоминал.

— Значит, хлеб — нобар, — бормотал он, — а вода — эссор.

Память ткача обогащалась всё новыми словами менвитского языка. И он понял, что становится переводчиком.

— Ну уж служить Пришельцам не буду! — сопротивлялся он, а сам продолжал запоминать слова. — А если я трахну по этой говорильне? — Ментахо перевернул стол ножками вверх, собираясь бросить его на машину. Однако бывший король вовремя спохватился. Он как-никак пленник Пришельцев. Если не подчинится, что они надумают тогда? Больше всего Ментахо боялся за Эльвину — он ведь нежно любил свою жену.

— Ладно, коли на то пошло, буду изучать их проклятый язык! — гневно воскликнул ткач. — Может, он мне ещё пригодится.

Щёлкнул замок, отворилась дверь, и вошёл человек. Он поставил на стол прохладительные напитки, бутерброды и, показав на себя, назвался:

— Ильсор.

— Ильсор, — повторила машина в углу. Если бы не очень бледная кожа, Ментахо с Эльвиной приняли бы Ильсора за жи-

теля Волшебной страны: то же открытое лицо, добрые глаза, внушающие доверие.

Ментахо назвал себя и Эльвину.

А Ильсор растворил дверь, быстро осмотрелся и поманил Ментахо за собой. За ним было пошла и Эльвина, но Ильсор молча покачал головой. Главный техник арзаков привёл Ментахо в густую рощу в окрестностях замка и показал на груду серых камней, торчащих ровными столбиками.

— Не унывай, Ментахо,— так держать!— послышался шёпот откуда-то снизу.

Разобрав присловье Великана из-за гор, Ментахо всмотрелся в камни. Один из столбиков, качнувшись, зашевелился, и ткач увидел у своих ног маленького старишку с длинной белой бородой.

— Я Кастальо, старейшина гномов,— представился старишок.— И принёс тебе вести от Страшилы. На твою долю, Ментахо, выпала честь стать глазами и ушами землян в стане врагов.

Поражённый Ментахо молчал.

— Постарайся понять язык чужестранцев,— продолжал старейшина.— Мы должны знать намерения Пришельцев.

Ильсор снова поманил Ментахо за собой и отвёл его к Эльвине.

Ткач хотел сказать Ильсору «спасибо», но не знал, как это произнести по-менвитски. Тогда он показал рукой на поднос с прохладительными напитками и бутербродами и закричал:

— Нобар! Эссор!

В тот же день среди инопланетян разнёсся слух, будто бы беллиорец-пленник делает серьёзные успехи в изучении менвитского языка.

УСТАНОВКА РАДАРОВ

После исчезновения Ментахо и его жены рудокопы с Жевунами стали на ночь запираться в своих жилищах на маленькие деревянные засовы. Хоть такая защита была не очень надёжная, чувствовали они себя всё же спокойнее. Совсем робкие жители, те, что хотели быть в полной безопасности, перебрались на жительство в подземную пещеру.

Инопланетяне смекнули, что их пребывание в Ранавире для землян больше не тайна. Да разве скроешься, когда по лесным окрестностям бродил не какой-нибудь десяток людей, а экипаж огромного космического звездолёта! И когда арзаки работали,

тут уж были и всполохи огня, которые не спрячешь, и стук, грохот, рокотание, которые гулко отдавались в горах, а потом их разносило эхо. Пришельцы перестали таиться. Стрекочущие вертолёты появлялись над страной днём, с них производили съёмки, составляли карту.

Как магнит притягивал инопланетян Изумрудный город. Иной раз вертолёт подолгу висел над ним, менвиты любовались его красотой: ничего подобного не было на Рамерии.

Из Ранавира отправлялись партии геологов — вертолёты требовали топлива. От Кругосветных гор по-прежнему доставляли всё новые пробы, а Ильсор недовольно твердил:

— Низкое качество. Не пригодно.

Бaan-Ну он объяснял:

— Из худа не сделаешь хорошо, мой генерал. Зачем рисковать вертолётами? И время терпит — народ миролюбивый.

На западных отрогах Кругосветных гор геологи обнаружили две заброшенные шахты и вблизи них небольшие курганы из каменных пород, извлечённых из этих шахт. Установить, что добывали в шахтах прежде, не составило труда. В отработанных породах обнаружили прозрачные зелёные крупинки того минерала, который дал название прекрасному городу землян.

О ценной находке сообщили Baan-Ну, и нужно было видеть, как засверкали его глаза, когда он узнал о существовании Изумрудных копей.

К очистке шахт и креплению сводов подземных галерей приступили без промедления. Два десятка арзаков под присмотром геолога-менвита уже через два дня добыли первые изумруды. Некоторые из них были величиной с грецкий орех. Генерал боялся верить такой крупной удаче: на Рамерии изумруды ценились не дешевле алмазов, и добытые драгоценности исчезли в его сейфе. Любаясь по вечерам их переливами, Baan-Ну думал о неисчислимых сокровищах Изумрудного города. Он не знал, что рядом с настоящими изумрудами хитроумный Гудвин поместил просто зелёное стекло.

— Когда я заберу отсюда все сокровища, я стану великим богачом Рамерии, — мечтал Baan-Ну, и глаза его блестели.

Ментахо и Ильсор виделись каждый день. Появляясь в дверях каморки затворников, Ильсор, улыбаясь, приветствовал их:

— Тéру, мéруи!

От говорительной машины Ментахо уже знал — это означает:

— Здравствуйте, друзья!

— Тéру, тéру, — отвечал ткач, — эм нóто Карóssi! — Что значило: «Здравствуй, здравствуй, рад тебя видеть!»

Вождь арзаков и бывший король смотрели друг на друга

с искренним дружелюбием. Однако разговор всё ещё клеился плохо. Ильсор передал генералу, что говорильная машина медленно справляется со своими обязанностями, и предложил собственные услуги.

— Беллиорец,— сказал он,— должен говорить на менвитском языке без передышки. Мой план такой: нужны впечатления. Жизнь, лишённая впечатлений, не располагает к откровенным разговорам.

Баан-Ну одобрил план Ильсора и разрешил ему действовать самостоятельно. Послушный слуга разузнал, чем Ментахо увлекался. И в тот же день ткач сидел за своим станком; были довольны оба и пели оба: станок верещал от радости, и это было похоже на музыку, а Ментахо мурлыкал про себя песенку.

Ментахо сразу прибавил в знании языка. Он занимался усердно, и машина ставила ему за ответы «10», «11», «12»— таковы были высшие баллы у менвитов.

— Ты прав, Ильсор,— говорил генерал,— и верно: много впечатлений — много слов.

— А много слов,— поддакивал слуга,— вы ближе к цели — установлению своего господства.

— Мне известен ещё один способ расшевелить людей,— уверенно заявил Баан-Ну,— он безотказный, он даст самые большие результаты.

Генерал вытащил из шкатулки два прозрачных изумруда. В комнате пленников он положил их перед Ментахо.

— Ну-ка, гляди-ка сюда,—
нетерпеливо придинул
Баан-Ну драгоценности ткачу.

Машина тут же переводила. Ткач посмотрел.

— Угу,— сказал он.

Машина молчала.

— Нравится?— спросил генерал.

— Угу,— кивнул Ментахо.

Машина не смогла перевести это «угу», а ткач больше ничего не говорил. Баан-Ну сидел озадаченный. Увидев скучающий взгляд Ментахо, он понял — его камушки не подействовали, и рассердился.

— Что, неинтересно смотреть на изумруды?— спросил он Ментахо.

— Угу,— снова ответил ткач.

Генерал решил, что «угу»,— какое-то главное, хотя и не переводимое слово у землян.

И вот бывший король знает назубок менвитский алфавит, прочёл букварь, приступил к чтению хрестоматии менвитской литературы. Свободно разговаривать на языке Пришельцев он с помощью Ильсора совсем скоро научился. Ильсор управлял говорильной машиной, заставлял её с непостижимой быстротой запоминать всё новые и новые слова землян, сообщать также, как эти слова произносятся по-менвитски.

Зато Эльвина попала в безнадёжно отстающие, у старушки не было никакого желания учить язык незваных гостей.

Когда, по мнению Баан-Ну, пленник достаточно усвоил менвитский язык, а говорильная машина могла бесперебойно (столько многое в ней содержалось информации) делать переводы, генерал в сопровождении Ильсора прибыл в комнату затворников для беседы с Ментахо.

Баан-Ну первым делом принялся расспрашивать пленника о его стране. Ментахо вёл себя осторожно: он уже получил наставления от Страшилы, что и как говорить. Рассказывать, что страна Волшебная, было не нужно. Строго-настрого запрещалось упоминать о сказочных феях Стелле и Виллине. Нельзя было проговориться, что птицы и звери понимают человеческую речь. Существование Страшилы и Дровосека тоже должно было остаться тайной.

— Скажи, Ментахо, как называется страна, в которой мы находимся?— спросил генерал.

Машина вздыхала, мигала, попискивала, старательно переводя то на один язык, то на другой.

— Гудвания, господин генерал,— ответил ткач по-менвитски.

— А почему она так называется?— последовал вопрос.

— По имени Гудвина, который прославился военными подвигами,— сказал, не сморгнув, Ментахо, но, правда, сказал на своём языке, сочинять на чужом ему было ещё трудно.

— Гудвин — король? — спросил генерал. Получив утвердительный ответ, он поинтересовался:

— Значит, у вас были войны?

— Ещё какие! — похвастался Ментахо. — Армия Гудвина славится необычайной храбростью. Она одержала победы над могущественными государствами Гингемией и Бастиндиеей.

Ткач плутовал, но пользовался подлинными именами, чтобы не запутаться.

— У вас есть пушки? — продолжал расспросы Главный Пришелец.

— Пушка у нас только одна, — честно признался Ментахо, — но зато какая! Одним выстрелом может положить целую армию деревянных солдат.

— Каких солдат? — не понял генерал.

Ментахо сказал лишнее и молчал. Баан-Ну решил — говорильная машина сделала неверный перевод.

Как бы там ни было, разговор инопланетянину нравился меньше и меньше.

— Ну, а Гудвин продолжает править страной? — поинтересовался он.

— Нет, господин генерал. Он улетел на Солнце.

— То есть как улетел?

— На этом, на воздушном...

— Корабле? — спросил генерал.

— Вот-вот, — подтвердил ткач.

Заявление о межпланетном путешествии Гудвина (а именно так понял его полёт Баан-Ну) подействовало на генерала удручающе. Он поморщился, но продолжал расспросы.

— А скажи, друг Ментахо, кто жил в Ранавире? — нечаянно назвал ткача «другом» Баан-Ну, до того он был озабочен. — Такой громадный замок...

Ментахо догадался: его спрашивают про бывшего владельца замка. Но он ничего о Гуррикапе не знал. Всё же Ментахо не растерялся.

— А... это так, — неопределённо махнул он рукой, — строитель замка Гуррикап.

— В Гудвинии есть великаны? — с колотящимся сердцем задал свой главный вопрос Баан-Ну.

— Куда им деваться? Водятся ещё, — как ни в чём не было сказан Ментахо.

Холодный пот вдруг прошиб рамерийца, но он, пока не узнал подробности, продолжал беседу.

— У великанов своё королевство? — как можно невозмутимее спросил он.

— Нет, великаны живут поодиночке, — рассказывал Мен-

тако.— Видите ли, они настолько свирепы, что не могут ужиться друг с другом. Как встретятся, так и начинают швырять один в другого камни.

Хоть король Ментахо и превратился под действием Усыпительной воды в ткача, характер его положительно не менялся. Лгал он вдохновенно, с полной самоотдачей, при этом глядел в глаза собеседнику — продолговатые, суровые, от рассказа ткача изумлённо расширившиеся.

Лгал он по-королевски!

Главный менвит молчал, растерянность подвела его. Он даже про свой взгляд забыл, а то бы мог приказать что угодно, например говорить правду.

Встретившись в следующий раз с Ментахо, Баан-Ну менял порядок вопросов, задавал их врасплох. В ответах ткача повторялись всё те же имена.

«Нет, невозможно допустить, что этот легкомысленный человек, этот вертопрах, врёт,— размышлял генерал.— Ну, конечно, привирает. Характер у него широкий, но, думаю, самую малость».

С момента приземления Баан-Ну не раз вспоминал о том, что правитель Рамерии Гван-Ло ждёт от него сигнала о покорении Беллиоры. Надо было торопиться.

Прежде всего инопланетяне окружили Гудвинию цепью радарных установок.

Баан-Ну приказал расставлять радары километрах в пятидесяти один от другого. Так обеспечивалась, по его мнению, полная защита границы между Гудвинией и Большим миром.

Пушки выгрузили из «Диавоны», но радары пришлось всё же строить.

Пока арзаки монтировали установки, вертолётики-менвиты поднимались на самые высокие вершины Кругосветных гор, расчищали площадки, ставили поворотные круги для пушек. Вращающаяся антenna радара улавливала приближение любого живого существа, электронное устройство посыпало радиосигнал в Ранавир, а кроме того, наводило самозаряжающуюся пушку на живую цель.

Работы были закончены. Но установки не включались. Целый час их держали на ограничителе, чтобы дать возможность вертолётам улететь в лагерь.

Надёжность установленной системы один из лётчиков испытал на себе. У него неожиданно провисла дверца вертолёта, и, налаживая её, он провозился больше часа. Занятый починкой, пилот не сориентировался во времени, забыл про ограничитель, а, когда пустился вдогонку за остальными, вслед ему грянул выстрел. Лётчик был ранен, хорошо ещё, не убит и с большим трудом посадил вертолёт на дно ущелья. Как же он изумился,

когда к нему в палатку, где он лежал забинтованный, прибыл посыльный от Баан-Ну (конечно, это был Ильсор) и принёс вместо выговора приказ о награждении орденом Луны.

Так высоко Баану-Ну оценил вовсе не ротозейство лётчика. Но благодаря ему он теперь был спокоен: никто не сможет незамеченным проникнуть в страну, где приземлились рамерийцы. И также, если вдруг жителям Гудвинии потребуется помочь, никто из них тайно не пройдёт в Большой мир.

СХВАТКА ГОРИЭКА

В

ыполняя приказ Страшилы Мудрого и его друзей, Ментахо сумел расположить к себе Пришельцев. Немало позаботился об этом Ильсор.

Он на все лады расхваливал пленника-беллиорца перед Баан-Ну.

— Разумный, способный, восприимчивый,— говорил он.— Ментахо оказывает нам неоценимые услуги с простодушием, свойственным ему.

Бывшему королю и Эльвине даже разрешили без всякой охраны разгуливать вокруг домика, где их поселили, и дверь держали незапертой. Относительная свобода была очень кстати, чтобы чаще встречаться с Кастальо. Частые прогулки ткача с женой в лес не вызывали подозрений. Старики уходили по грибы. Ментахо не делал секрета из того, что любит поесть. А аккуратная Эльвина в чистом передничке не забывала прихватывать с собой корзинку и наполняла её грибами.

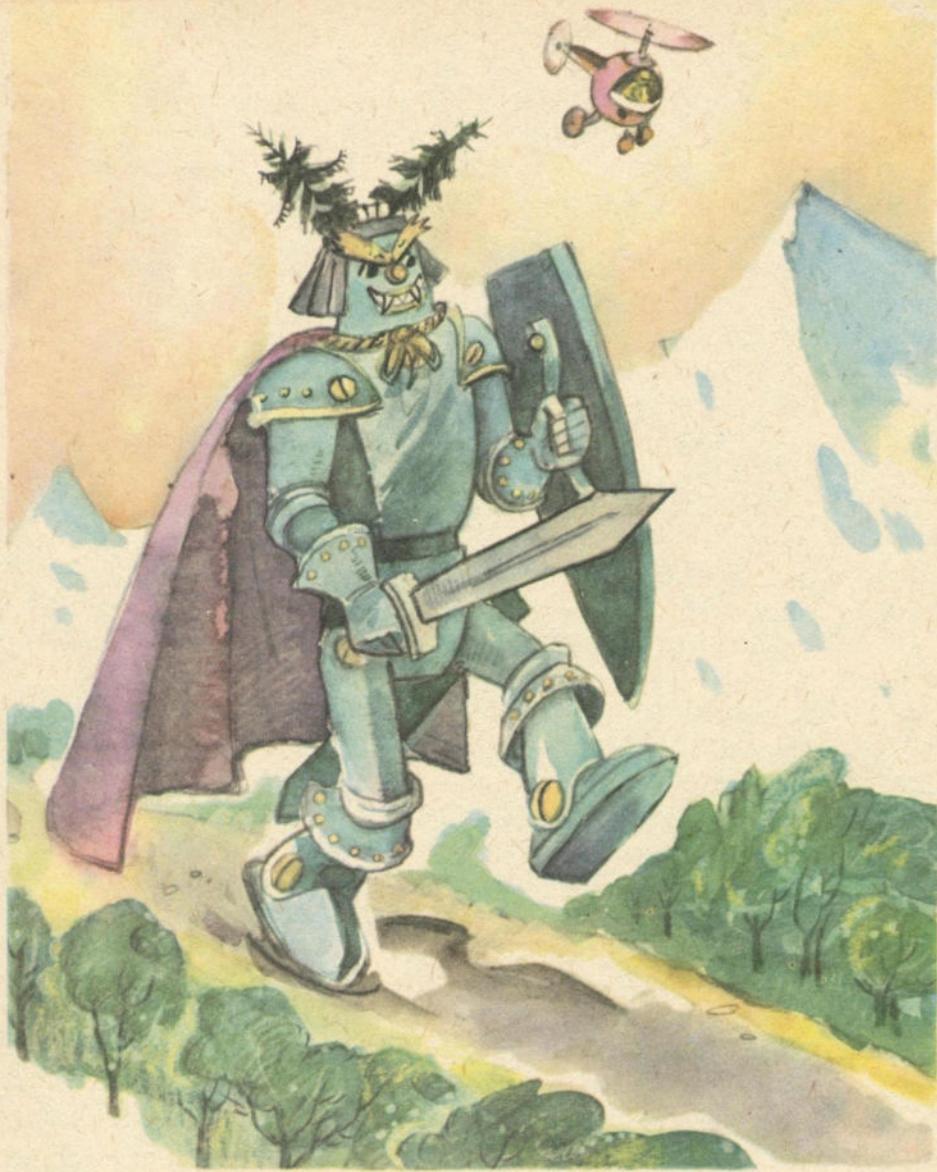
Как говорится, ум хорошо, а два лучше. Ментахо был хитрый, а Ильсор умный. И вот однажды Ильсор надоумил Ментахо на такое дело, которое порядком обескуражило рамерийцев, а об Ильсоре сказали, как о большом друге землян. Это была настоящая военная хитрость, о которой Кастальо написал Страшиле, и тот пришёл в совершенно неописуемый восторг, даже пустился в пляс, как в прежние времена, припевая:

— Эй-гей-гей-го! У нас удивительный друг! Эй-гей-гей-гей-го!

Ильсор давно заприметил рыцаря Тилли-Вилли. И поскольку сам был изобретателем, подивился, с каким умением сделан этот железный человек, как прекрасно отложен его механизм.

Совет Ильсора был простой. Тилли-Вилли начал появляться на дорогах страны, стараясь как можно чаще попадаться на глаза рамерийским лётчикам. Но встречался он им всё в новых местах, ему было нетрудно преследовать дальнее расстояние при его длинных ногах. А самое главное, он принимал всякий раз новое обличье: то он был серо-стального цвета, то бронзово-жёлтый, то зелёный с чёрными пятнами, наподобие огромной ящерицы, то на его плечах красовалась какая-нибудь яркая накидка, закрывавшая его с головы до ног.

Лётчики были убеждены, что видят разных великанов. Генералу приносили всё новые фотографии огромных рыцарей. А превращения совершались без всяких затей. Внутри Тилли-Вилли в кабине, в которой мог поместиться человек, сидел Лестар, не только лучший мастер страны Мигунов, но и первый друг Желез-

ного рыцаря; с ним — целая батарея банок с красками и распылитель. Тилли-Вилли показывался какому-нибудь рамерийскому лётчику, а потом прятался в роще среди деревьев, и Лестар быстро перекрашивал его в другой цвет. Благодаря такой хитрости Баан-Ну и его подчинённые думали, что по соседству с Гудвинией и в самом деле живут люди громадного роста и силы.

Ментахо подтвердил, что именно эти гиганты помогли королю Гудвину одержать его замечательные победы. Поверив в существ-

вование великанов, Баан-Ну решил, что Пришельцам надо вести себя гораздо осторожнее до поры до времени: не ровен час ещё рассердишь такого гиганта! Ссориться же, пока они не готовы к войне, в планы чужеземцев не входило.

И всё же один их враждебный шаг по отношению к Гудвии-
ни был замечен землянами. В Кругосветных горах, в северной
их части, было место, где жили гигантские орлы. Это уединённое
место называлось Орлиной долиной. По вековому обычаю орлы
ограничивали численность своего племени цифрой сто. Каждый
новый птенец появлялся на свет, только если выбывал кто-
нибудь из старших в племени. Поэтому право высидеть птенца
давалось орлицам в порядке строгой очереди.

На то были серьёзные причины. Орлы питались мясом гор-
ных козлов и туров, естественно, эти животные размножались
не быстро, потому что истреблялись гигантскими птицами.

Когда-то вождём орлиного племени был Аппахес. Он хотел
присвоить себе очередь другого орла Карфакса на выведение
птенца. Однако благородный Карфакс победил и стал вождём
племени. В его семье подрастал орлёнок Гориэк. Ростом и силой
он почти не уступал отцу. И по молодости лет был слишком само-
надеян.

Орлы обладают необычайной зоркостью. С большой высоты
они различают на земле даже мелкие предметы на много миль
вокруг. И, конечно, от их глаз не могли укрыться пушки, уста-
новленные на голых скалах. Но это только от внимательных
глаз. Гориэку же было не до внимания. Он выследил большого
быстроходного тура и, увлечённый охотой, совершенно забыл
об осторожности. Тур носился по ущельям, легко преодолевая
горные кручи, прыгал с утёса на утёс. Орлёнок, преследуя тура,
не отставал от сильного животного, даже внезапный блеск ме-
талла от незнакомого предмета на скале не остановил его.

Радар заработал, пушка пошла по кругу. К счастью для Го-
риэка, случилось так, что невидимый луч упал на тура, который
поднимался в этот момент по открытому склону. Пушка, следуя
за лучом, повернулась, животное, поражённое выстрелом, сор-
валось вниз в ущелье. Гориэка, который в это время настиг тура,
тоже задело и перебило ему крыло. В страстном желании отом-
стить непонятному врагу, подстёгиваемый болью и гневом, Го-
риэк начал подниматься по горе громадными прыжками. И прежде
чем пушка успела снова зарядиться, он со всей яростью,
на какую был способен, обрушился на неё.

Гигантские орлы уже в юности обладают чудовищной си-
лой.

Гориэк сорвал пушку вместе с поворотным кругом и швырнул
её в пропасть. Пушка с оглушительным грохотом разлетелась.

Тогда Гориэк хватил по радару клювом, и от чувствительного аппарата остались одни обломки.

После долгих розысков отец и мать нашли Гориэка на скале и с большим трудом горными ущельями дотащили его домой.

СНОВА ЧЁРНЫЕ КАМНИ ГИНГЕМЫ

С

игналы в Ранавир об исправности радаров поступали дважды в сутки. И когда однажды они не были приняты, командир эскадрильи Мон-Со отправился выяснить, в чём дело. Он обнаружил одну установку разгромленной: от радара остался ворох сломанных деталей, а пушка исчезла. На склоне горы лётчик нашёл два орлиных пера, размеры которых ужаснули его. Каждое было длиной в рост человека. Стало ясно: не обошлось тут без участия птиц.

Ещё прежде, когда только расчищали площадки для радаров, летая над горами, рамерийские лётчики не раз видели гигантских орлов, но издали рассмотреть их поближе не удавалось. Если вертолёт устремлялся к диковинным птицам, те с молниеносной скоростью удалялись прочь. Кау-Руку повезло больше: ему удалось подлететь ближе всех, но и он потерпел неудачу. Правда, он не раз ещё появлялся, парил на своём вертолёте над долиной Орлов, видел, как птицы взмывали ввысь к гнездовью, наблюдал издали за охотой на туров и горных козлов.

Доклад Мон-Со произвёл тягостное впечатление на менвитов. Система защиты границы оказалась совсем не такой надёжной, как уверяли её создатели. Получать неприятные известия вовсе не входило в планы Баан-Ну.

— Я возмущён вашим легкомыслием,— гремел генерал, распекая и лётчиков и инженеров; глаза его от гнева из продолговатых становились круглыми, как пуговицы.— Сегодня из строя вышла одна установка. Где гарантия, что завтра не выйдет другая, третья?— кричал он.

Лётчики и инженеры молчали. Голос подал звёздный штурман Кау-Рук, он сосредоточенно раздумывал над чем-то:

— Дело в том,— сказал штурман,— что в горах живут необыкновенные орлы.

— Ну и что же?— не понял Баан-Ну.

— А то, что они охотятся там, где наши радары. Пушки не смогут не бить по таким исполинским птицам.

— Какое нам до этого дело!— пробурчал генерал.

— Пушки будут бить, а орлы будут их сбрасывать,— сказал

Кау-Рук,— раненый гигант орёл, вероятно, обладает поразительной силой.

— Пожалуй, вы правы,— неохотно согласился со штурманом Баан-Ну.— Но где выход?

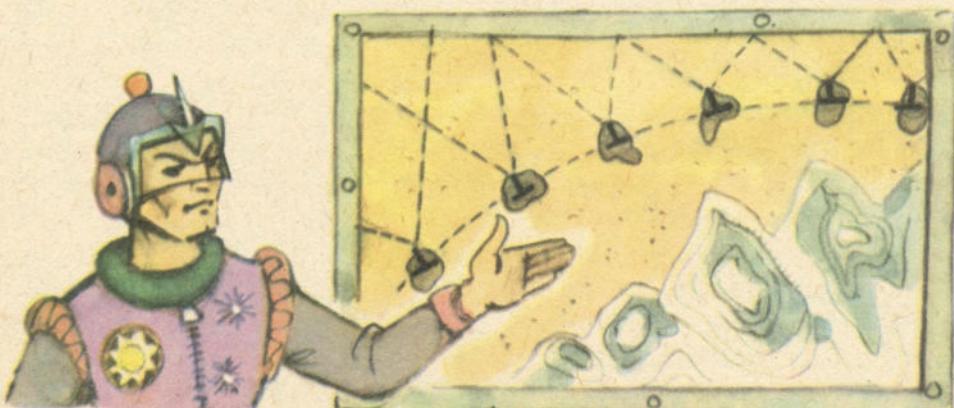
— Выход только один,— заявил Кау-Рук.— Вынести систему за пределы Гудвинии. Во время разведывательных полётов мы видели — страна окружена цепью больших Чёрных камней. Они равномерно удалены один от другого. Зачем поставлены эти камни, можно только гадать. Не исключено, они — дорожные знаки. Или, скорее, алтари, на которых древние беллиорцы приносили жертвы богам...

Кау-Рук имел в виду камни Гингемы, но что они магические, Пришельцы с далёкой планеты знать не могли. Злая волшебница расставила их в пустыне несколько столетий назад, чтобы преградить дорогу в Волшебную страну любому пешеходу или всаднику из Большого мира. Только жители Волшебной страны свободно проходили, пролетали и проезжали. Правда, колдунья не предусмотрела вертолётов, которые без помех проносились над каменной преградой.

— Вот на этих исполинах я и предлагаю установить наши радары,— предложил штурман. Его предложение нашли разумным, на том и порешили.

Пришельцы немедля принялись за работу. Ответственным за выполнение этого задания генерал назначил Мон-Со.

Полетело столько вертолётов, сколько имелось пушек плюс ещё одна машина для командира эскадрильи — он должен был руководить, налегке перемещаясь от одной точки к другой. Арзаков не брали с собой. В каждом вертолёте сидело по два менвита: пилот и инженер. Пушки заранее распределили: менвиты знали, кому какую переносить, и вертолёты, словно пчёлы из улья, вылетали каждый к своей цели.

Солнце поднималось всё выше и выше, румянец точно смывался с его лица, переходя на облака, а само светило бледнело. Под его лучами туман таял, лишь кое-где в низинах расстилались его белесые клубы. Вот и пушки, роса блестела на их дулах. Радары не двигались, не дрожали, но будто напряглись, напоминая крылатых коней, готовых в любую минуту загарцевать. Чудилось, солнце своими лучами вот-вот разбудит их. Но они не спали и не собирались просыпаться — их просто отключили.

Вертолёты зависли над установками. Инженеры спустились по верёвочным лестницам, крепкими узлами привязали тросы к скобам радаров. Оставалось осторожно подхватить и переправить их на Чёрные камни. Из камней Гингемы выбрали самые высокие и удобные.

Винты вертолётов легко и бесшумно рассекали воздух, как бы вкручиваясь в него. Операция по переносу обещала пройти успешно. Ответственный не утерпел, на секунду залетел в Ранавир доложить генералу, что выполнение задания проходит в хорошем спортивном темпе. Ему хотелось обрадовать Баан-Ну.

Генерал заканчивал утреннюю зарядку. Боксируя с «невидимкой», он в восторге прыгал по полу. Возможно, так должен был выглядеть очередной его бой с чудовищем, ещё не описанным в «Завоевании Беллиоры».

Командир эскадрильи обменялся с генералом приветствием, нарисовал обстановку в самых весёлых красках и, поощрённый Баан-Ну, снова взлетел руководить дальнейшим ходом работ.

Облетая на большой высоте Чёрные камни, Мон-Со увидел, что все пушки давно на местах. Сейчас вертолёты, висящие над камнями, поднимут тросы. Инженеры взберутся по трапам. И все прибудут в лагерь, а там встреча, поздравления.

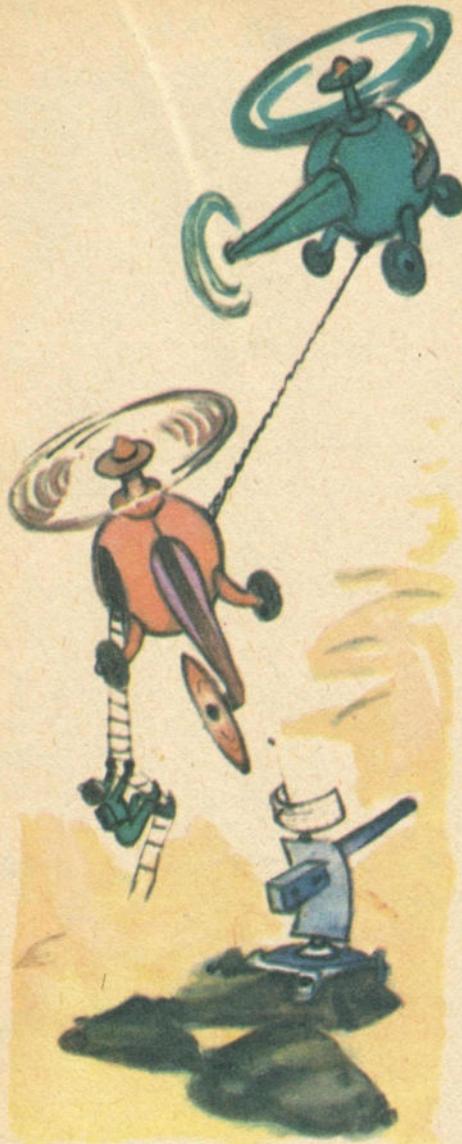
«Расчудесно, хорошо», — чуть не пел про себя Мон-Со. Да, командиру эскадрильи, его лётчикам нынче предстоит сидеть в главе праздничного стола, как в былые времена на Рамерии, когда случались удачи. И прислуживать им будет Ильсор. Такой подарок обещал Баан-Ну. Мон-Со собрался заказывать праздничное меню, даже развернул машину в направлении к лагерю, но тут его рация заговорила на все голоса — это пилоты, заметив своего руководителя в облаках, наперебой звали его к себе. «Эти камни, как магниты», — жаловались они. Приглядевшись, Мон-Со оторопел. Происходило что-то невообразимое. Одни вертолёты прыгали через камни, другие как угорелые носились по кругу. Временами, словно устав, некоторые машины вели себя нормально, то есть висели, как воздушные шарики, над камнями, зато менвиты, их пассажиры, были, как циркачи. Сначала их подбрасывало повыше, чуть ли не на крышу вертолёта, потом прыжком они возвращались в кабину, оттуда их снова вытяги-

вало. И — опять то же самое. Всё повторялось, пока они не выбивались из сил.

Часть вертолётов висела пустыми: инженер на пару с пилотом одновременно, точно акробаты, кувыркались с трапа.

Увидев такое, Мон-Со вышел из себя и никак не мог вернуться в прежнее расположение духа. Потребовалось время, чтобы он успокоился и решил разобраться в поведении машин и экипажей. Командир эскадрильи дал себе слово как следует наказать ви-

новых. Он начал спускаться к вертолёту, где пилот с инженером отдыхали после отчаянных прыжков через камень.

— Мон-Со, мой полковник,— донёсся до него голос пилота,— послушай. Мой напарник укрепил на чёрной скале установку и полез назад в вертолёт. Не тут-то было. Не успел он одолеть и половину трапа, как грохнулся вниз. Он опять попытался подняться, и опять будто кто-то стянул его вниз. Я решил ему помочь. Стал вытягивать инженера вместе с трапом. Но не успел вытянуть и половину его, как мой напарник разжал руки и трахнулся на камень.

Дальше было так. Пилот посадил вертолёт рядом с камнем, втащил инженера в кабину. Затем потянул штурвал на себя — вертолёт поднялся. Однако едва он взлетел над чёрной скалой, как лётчик потерял силы и выпустил штурвал. Описав дугу, его машина перепрыгнула камень, приземлившись с другой стороны.

Мон-Со посмеялся над лётчиком, но всё же кинул ему конец троса, дабы взять непослушный вертолёт на буксир. Связанные тросом, обе машины без препятствий поднялись в воздух. Потом

Мон-Со почувствовал резкий толчок — трос натянулся, второй вертолёт камнем повис на нём — видимо, лётчик опять отпустил штурвал. Мон-Со нажал до отказа педаль скорости. Винт завертелся с такой бешеною силой, что сам вертолёт начал вращаться в противоположную сторону. Всё-таки они оторвались от неведомого притяжения, набрали высоту, но несчастный пилот никак не мог прийти в себя. Мон-Со, подтягивая к себе вторую машину тросом, ухитрился посадить оба вертолёта далеко от камня. Он вытащил пилота и инженера из кабины, а сам ругался,

хлопал их по щекам. Наконец, удалось привести неудачников в чувство.

— А, Мон-Со, мой полковник,— сказал лётчик, открыв глаза.— Послушай. С того момента, как я отпустил штурвал, я и мой напарник, мы оба ничего не помним. Только одно — нас с силой вдавило в кресло, больше ничего.

Подобным образом, привязав вертолёт к вертолёту, Мон-Со вызволил всех менвитов — не оставлять же их у Чёрных камней навсегда.

Когда Баан-Ну доложили о случившемся, он подумал: среди лётчиков началась земная эпидемия — приказал всех поместить в изолятор. Но отдохнувшие от прыжков и испуга пилоты не обнаруживали больше признаков заболевания.

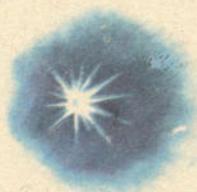
— Ничего страшного,— решил генерал,— перегрелись на солнце, только и всего. Досаднее, что установки не работают.

В попыхах, спасая лётчиков, Мон-Со забыл подключить источники питания к радарам и пушкам.

Никто из пилотов, побывавших у Чёрных камней, возвращаться в опасное место не захотел. Из других лётчиков добровольцев тоже не нашлось.

Не сознаваясь себе, побаивался лететь и Мон-Со. Опасно было застрять и торчать одному в пустыне среди камней. Самого точного исполнителя приказов генерала лётчики недолюбливали, и он не верил, что хоть какой-нибудь пилот примчится ему на выручку. Не Баан-Ну же в самом деле его спасать!

Генерал размышлял, как дальше быть с установками, а пока до решения этого вопроса система радаров бездействовала.

Часть вторая

ЭННИ, ТИМ И ПРИШЕЛЬЦЫ

БЕДА ГРОЗИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

П

уть от Волшебной страны до Канзаса дракон Ойххо про-
делявал третий раз. Его спутники Фарамант и Кагги-Карр при-
томились в дороге и заснули.

Как и в прошлый раз, Ойххо рассчитал время так, чтобы не
пугать местное население. Он опустился ночью около знакомого
оврага, куда никто не ходил, и затаился там.

Фарамант и Кагги-Карр без труда нашли ферму Смитов.
Семья давно спала, когда Страж Ворот робко постучал в дверь.

Прибытие нежданных гостей, особенно из Волшебной страны,
всегда сюрприз, естественно, оно переполошило спавших.

Энни в восторге прижимала к груди и гладила счастливую
Кагги-Карр, обняла Стража Ворот. Фермер Джон приветствовал
путешественников с большой теплотой. Только миссис Анна
смотрела на ворону и Фараманта с тревогой, её сердце чувствова-
ло: прилёт посланцев страны Гуррикапа неспроста и не сулит ей
ничего хорошего.

Фарамант и Кагги-Карр с огорчением узнали, что Элли они
не застали, хотя она работает учительницей неподалёку от родно-
го дома,— недавно она уехала со своими учениками на экскурсию
в другой штат.

— Жаль,— вздохнул Фарамант,— каждый раз ведь думаешь:
видишься в последний раз, а тут и увидеться не довелось.

И, чтобы не расстраиваться, Страж Ворот перешёл к рассказу

о Пришельцах, поселившихся в замке Гуррикапа. Инопланетяне прилетели не с миром. Они окружили Кругосветные горы цепью самостреляющих пушек, не пропускающих мимо ни одно живое существо.

— Сын Карфакса Гориэк,— сказал Фарамант,— пострадал от такой пушки, но и он не сплоховал: сбросил пушку в ущелье.

Его слушали с горячим сочувствием к жителям Волшебной страны, попавшим в новую беду.

— Но как вам удалось добраться до Канзаса?— с беспокойством спросила Энни.

— Как всегда, на Ойххо.

— И он не ранен?— Энни, волнуясь, смотрела на Стража Ворот.

— Цел и невредим,— отозвался Фарамант,— лежит в овраге и дожидается, когда ему притащат десяток вёдер каши и варёной картошки: бедняга проголодался с дороги.

Фермер обещал накормить дракона, а Фарамант сказал:

— Мы добрались без приключений. Инопланетяне почему-то забросили пушки, никакого интереса к ним не проявляют, пока что. Так говорит Страшила.

Энни встрепенулась.

— Страшила, славный Страшила! Как-то он там поживает? А добрый Дровосек и Смелый Лев? Что со всеми моими друзьями?

— Пока с ними ничего не случилось, но им придётся плохо, если ты, Энни, и Тим...

Миссис Анна, не дослушав, вскочила.

— Ну, я так и знала, что этим кончится! Вы опять пришли за помощью.

— Тише, Анна, тише!— принялся успокаивать жену фермер,— Тут, кажется, дело обстоит куда серьёзнее, чем прежде. И надо бы пригласить к нам семейство О'Келли. С Тимом, разумеется.

Джон ушёл на соседнюю ферму, миссис Анна погрузилась в невесёлые думы, а Энни потихоньку расспрашивала Фараманта об Изумрудном городе, о Страшиле, Дровосеке и Льве, о Тилли-Вилли, о Жевунах, Мигунах и Прыгунах...

Миссис Анне тоже интересно было послушать, но раздумье не давало ей покоя. Вскоре явился Тим с родителями. За два года, протекших со времени его последнего возвращения из Волшебной страны, он очень вытянулся, ростом почти не уступал отцу.

В предчувствии предстоящих приключений Тим радостно приветствовал Фараманта и Кагги-Карр.

Фараманту пришлось повторить то, что уже слышали Смиты. Ричард О'Келли гордо заявил:

— Нас на Земле сотни миллионов, неужели мы не справимся с горстью инопланетных воинов?

Фарамант перебил его:

— А если за горстью примчатся десятки космических кораблей?

Энни боязливо взглянула на звёзды.

— К счастью, в нашей борьбе с инопланетянами-менвитами у нас есть союзники: арзаки.

Наступило долгое молчание. Потом миссис Анна спросила:

— Но почему вы, почтенный Фарамант, считаете, что в вашей борьбе могут помочь Энни и Тим? Они только дети, правда, уже большие, но дети.

Страж Ворот сказал:

— По правде говоря, мы рассчитывали не только на ребят, хотя и очень надеемся на них. Мы думали пригласить Великана из-за гор, этого мудрого, многоопытного человека. Кстати, у Тилли-Вилли — кто бы мог подумать, что такое возможно у огромного железного парня? — очень нежное сердце: он скучает по моряку Чарли и готов с утра до вечера говорить о нём.

— Хорошо, что он такой памятливый и благодарный, — отозвалась миссис Анна. — А брат плавает в Тихом океане и вряд ли появится у нас в ближайшие месяцы. Когда же вы двинетесь в обратный путь на свою удивительную родину, я попрошу вас передать Тилли-Вилли одну вещь, которую мы с Энни храним для него уже целый год...

— Мама! — Энни поднесла палец к губам и лукаво посмотрела на миссис Анну, та замолчала.

— Вот и опять получается не так, как хотелось.

— Значит, Великан из-за гор не сможет принять участие в нашей борьбе, — вздохнул Фарамант. — И всё же я прошу отпустить к нам Энни и Тима. Мы убережём их от опасности, не заставим драться с врагами, но их советы могут оказаться для нас неоценимыми...

Фермер Смит опередил жену, которая собиралась заговорить.

— Послушай, Анна,— сказал он,— два раза звали в Волшебную страну наших детей. В первый раз беда грозила Страшиле и Железному Дровосеку. Во второй раз опасность нависла над всей Волшебной страной, её хотела погубить злая колдунья. Но теперь, в третий раз, дело обстоит неизмеримо хуже: страшная беда грозит всей Земле. Мы себе не простим, если не поможем, если удержим Тима и Энни.

И матери поняли и отпустили своих детей.

Когда согласие было получено, фермер Джон сказал:

— А теперь, милые женщины, я вас порадую. Наши ребята отправятся не одни. Мы вызовем Альфреда Каннинга. Думаю, он не откажется принять участие в борьбе с инопланетными Пришельцами.

— Да, да, он поможет,— откликнулась миссис Анна,— он теперь инженер, изобретатель, навыдумывал кучу всевозможных штук. Что по сравнению с ними механические мулы?

— Фред поможет непременно,— согласился фермер.— Да, кстати, присмотрит за нашими ребятами.

Когда женщины узнали, что в опасной экспедиции примет участие Фред Каннинг, на сердце у них стало сразу полегче.

НЕВЕСЁЛЫЙ ПИР

Альфред Каннинг получил телеграмму: «Приезжай немедленно, родственники на Изумрудном острове тяжело заболели, требуется серьёзное лечение. Джон Смит».

Телеграфисты ничего не поняли, они не знали, что такое Изумрудный остров, и тайна была сохранена. Но Фред Каннинг догадался, что Волшебной стране грозит опасность, взял длительный отпуск и через два дня явился на ферму Смитов.

Молодой инженер поблагодарил Джона Смита за доверие.

— Может быть, мои знания пригодятся,— горячо заверил Фред.— В голове у меня рой формул. Я изобрёл взрывчатку, одна щепотка которой вдребезги разнесёт целую гору.

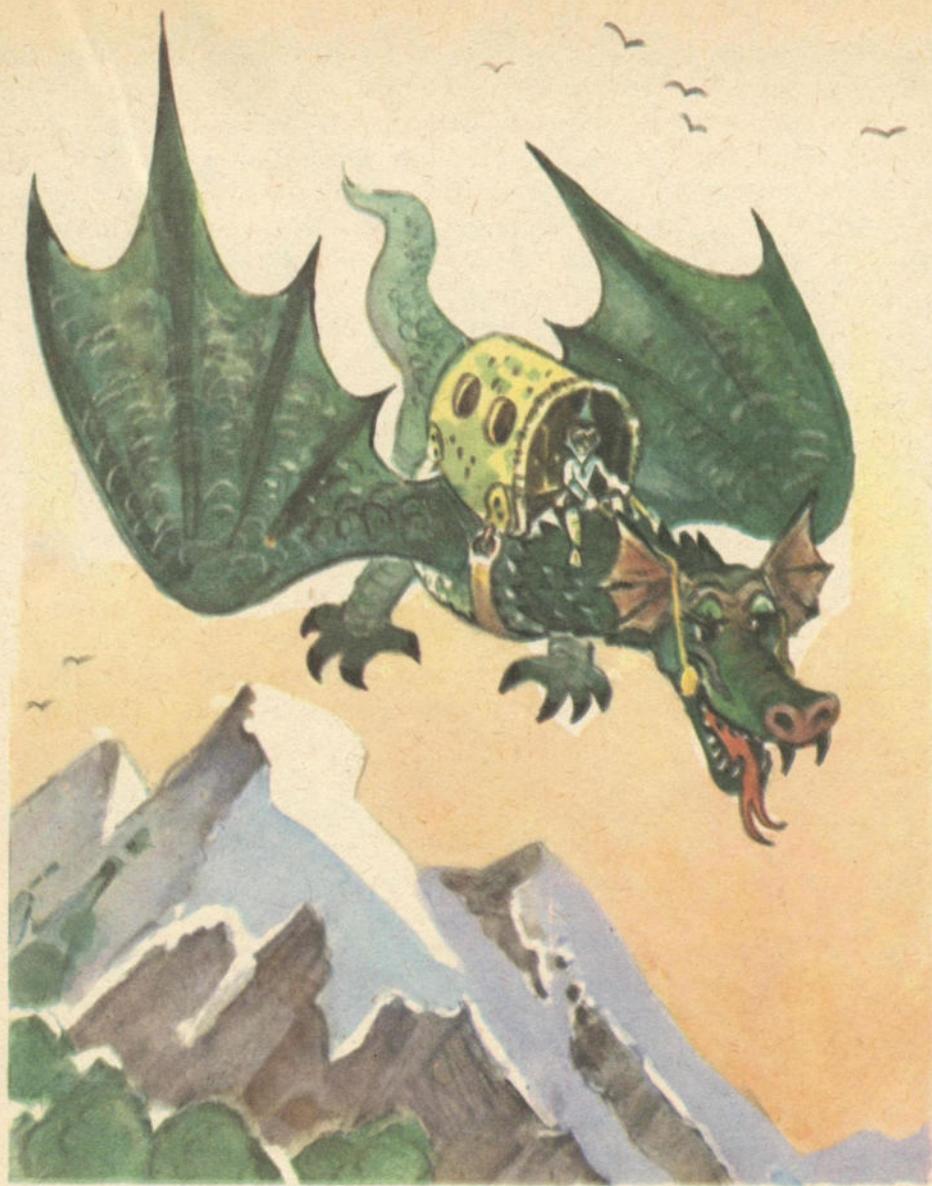
Глаза Тима загорелись от восторга.

— Фредди,— закричал мальчик,— а хорошо бы подложить такую взрывчатку под корабль Пришельцев, правда?!

— Там видно будет,— уклонился от ответа Фред.

— Нет, обязательно, обязательно!— настаивал Тим.— И подложу её я! Надену серебряный обруч лисьего короля, и готово дело!

Тим говорил о чудесном обруче, который Энни получила в подарок от лисьего короля Тонконюха XVI.

— Послушай-ка, Тим, если ты не выкинешь из головы такие бредни, то знай: останешься в Канзасе,— сказал Альфред так решительно, что Тим тут же утомонился, но всё-таки спросил:

— Фредди, а взрывчатку мы возьмём?

— Нет, конечно. Сделаем её на месте. Нужные вещества найдутся и там. Однако насчёт огнестрельного оружия придётся позаботиться.

Каннинг купил ящик винтовок и десятка два револьверов; к ним были в обилии припасены патроны. Груз оказался по-рядочным, но для Ойххо это был сущий пустяк.

И вот ночной порой Смиты и О'Келли опять прощались со своими детьми и Альфредом Каннингом. Слов было сказано немного, но за ними таилась большая душевная боль, ведь в семьях Смитов и О'Келли на долгие-долгие недели поселятся беспокойство и тревога...

Ойхxo взял курс на Волшебную страну. Путешественники разместились в просторной кабине у него на спине. Её сделал Чарли Блек ещё в прошлый полёт.

На этот раз с собой не взяли Артошку. Характер у него был несдержаный, он мог невзначай залаять и повредить делу.

В пути Альфред всё вспоминал химические формулы и долго о них рассуждал. Тим и Энни ничего не понимали. Не удивительно, что ребята быстро уснули под монотонные длинные рассуждения и равномерное покачивание кабины.

Был вечер, когда ручной дракон приземлился у подножия Кругосветных гор. Отсюда начинались волшебства, и Кагги-Карр заговорила. Уставшая от вынужденной немоты, она с большим чувством приветствовала Энни с Тимом и Фредом.

— Ночью продолжать путешествие бессмысленно,— предупредила Кагги-Карр,— можно натолкнуться на летательную машину Пришельцев.

Путники устроились на ночлег, но перед этим Энни не утерпела и испробовала, в порядке ли серебряный обруч с рубиновой звёздочкой. Обруч действовал безотказно, и наши герои задремали, убаюканные лесными шорохами.

Наутро Ойхxo тихо-тихо перелетал с одной лесной поляны на другую, скрываясь от чужеземных вертолётов. Ни с одним из них он не встретился и благополучно опустился со своими спутниками у ворот Изумрудного города.

Страшила собирался оповестить весь город, всю страну о прибытии Энни, Тима и Альфреда. Устроить парадное шествие от ворот ко дворцу с музыкой и речами, но его отговорил фельдмаршал Дин-Гиор. Длиннобородый солдат, прекрасно понимавший, как надо хранить военные тайны, проявил осторожность.

— Неожиданное торжество,— сказал он,— встревожит Пришельцев, заставит их разведать, в чём дело. И беда будет, если они дознаются про людей из-за гор.

Страшила проявил благоразумие и все приготовления к пышному приёму гостей у городских ворот отменил.

Но уж тут, под защитой высоких стен дворца, Мудрый Правитель распоряжался как хотел и дал волю своей неуёмной фантазии. Сам он оделся великолепно. На новом бархатном кафтане, туго набитом свежей соломой, сияли бриллиантовые пуговицы, под широкими полями шляпы звенели серебряные бубенчики, носки красных сафьяновых сапог высоко задирались

вверх, а грудь усыпали ордена. Часть их он пожаловал себе сам, другие получил от правителя Фиолетовой страны Железного Дровосека и правителя рудокопов достопочтенного Ружеро. Были ордена, присланные добрыми феями Виллиной и Стеллой.

С добродушного лица Страшилы не сходила широкая улыбка.

По торжественному случаю Железный Дровосек тоже был ярко начищен и с золотым топором на плече; у Смелого Льва, которому возраст не помешал прибыть в Изумрудный город (хотя он и медленно шёл на усталых лапах), был надет золотой

ошейник, какие полагается носить царям; фельдмаршал Дин Гиор с бородой до земли стоял в парадном мундире и с жезлом, блестевшим драгоценными камнями; доктора Бориль и Робиль в чёрных мантиях, на которых блестели ордена, держали в руках медицинские чемоданчики (мог же кто-нибудь на пиру упасть в обморок!); тут был и правитель страны Жевунов Прем Кокус; в стороне стоял, подобно исполинскому монументу, Железный рыцарь Тилли-Вилли, страшно разочарованный, что среди прибывших не оказалось моряка Чарли. Тилли-Вилли по секрету признался Энни: с тех самых пор, как Фарамант и Кагги-Карр отправились в Большой мир, он всё время ждал своего создателя, он так волновался, что у него даже ослабли некоторые пружины и при ходьбе начали бряцать болты.

— А это никуда не годится,— ласково сказала великану девочка,— рыцарю всегда надо быть сильным...

— Знаю я это,— гулко вздохнул великан,— да ничего не могу с собой поделать. Давай, Энни, поговорим с тобой о папочке Чарли.

Энни улыбнулась и вытащила из дорожной сумки большой прямоугольный пакет.

— Угадай, что это такое?— сказала она.— Тот, о ком ты скучаешь, Вилли, не смог сам прилететь в Волшебную страну, но тебе прислал подарок. Смотри, сейчас увидишь дядю Чарли как живого!

Энни достала из пакета большую фотографию одноногого моряка. Чарли Блек снялся на палубе своего корабля среди бушующего моря; в зубах Блека была зажата неизменная трубка, глаза улыбались.

Восхищению Железного рыцаря не было конца: он не отрываясь глядел на дорогое лицо, подносил фотографию то к одному глазу, то к другому, то приближал к себе, то отдался...

— Гром и молния!— кричал, волнуясь, гигант.— Каким волшеством сумел папочка Чарли перейти на этот лист бумаги и остаться на нём навсегда?

— Этого тебе я и сама не смогу объяснить,— призналась девочка.— Не знаю.

Тилли-Вилли попросил Энни сшить для портрета прочный кожаный футляр, чтобы такая хрупкая вещь, как фотография, быстро не износилась...

Футляр Энни сшила из кожи Шестилапых,— вряд ли мог найтись более прочный материал,— и с тех пор портрет моряка Чарли всегда хранился в кабине Железного великаны.

На пиру Энни, Тима и Альфреда встречал хлебом-солью ещё более толстый, чем обычно, повар Балуоль в белом фартуке и белом колпаке. Об этом сказочном, с точки зрения Страшилы,

обычно правитель вычитал в «Энциклопедическом словаре» и пожелал гостям сделать приятное.

После пира, по правде сказать, не очень весёлого, Страшила пригласил прибывших из Большого мира друзей в Тронный зал к телевизору.

Розовый Волшебный ящик Стеллы работал по-прежнему отлично: он продемонстрировал зрителям менвитов и арзаков. Рабы Ранавира обносили территорию замка проволокой с висящими упорами, звонками, антеннами.

Фред как знаток техники быстро разобрался, что перед ними сигнализирующие устройства, которые, вероятно, поднимут адский шум, если кто-нибудь попытается пробраться в убежище Пришельцев.

— А вот и Ильсор! Смотрите,— встрепенулся Страшила.— Слуга генерала и наш друг.

Энни, Тим и Фред невольно залюбовались стройной фигурой Ильсора, его красивым лицом с живыми чёрными глазами, копной тёмных волос.

По просьбе Страшилы телевизор показал звездолёт «Диавону», величаво поднявшийся на трёх высоких опорах. Фред подивился внушительности космического корабля.

Ночь Фред Каннинг провёл в глубоком раздумье, ни на минуту не сомкнув глаз. Тимм и Энни отдыхали с детской беззаботностью. Страшила, никогда не спавший, сидел на троне, украшенном изумрудами, и прикидывал в уме, на какие простые множители можно разложить число 64 725.

ТАЙНА ИЗУМРУДА

М

ежду прочим, работа в Изумрудных копях шла полным ходом. Первую шкатулку, до отказа забитую драгоценными камнями, генерал уже спрятал в сейф. Но, надо сказать, ещё прежде случилась одна неожиданность. В поведении арзаков, работавших на добыче изумрудов, стали проявляться мятежные наклонности.

Геолог-менвит, надзиравший в шахтах за арзаками, в конце дня следил за тем, чтобы рабы не утаили добычу. Он всматривался гипнотическим взглядом в чёрные и карие глаза арзаков, которые подходили по очереди к шкатулке, и внушал им положить в неё изумруды.

— Повинуйся, повинуйся, мне раб,— раздавалась его команда,— изумруд не твой, расстанься с ним.

И рука арзака сама собой разжималась, в шкатулку из неё медленно выкатывался прозрачный зелёный камень.

И вот так получилось, что однажды надсмотрщик дал команду арзаку, ещё не сдавшему свой изумруд.

— Спустись-ка, раб, в шахту и захвати складной стул, — сказал он.

Вместо того чтобы спуститься в шахту, раб внезапно отозвался:

— Стул может подождать и завтрашнего дня.

Слова арзака, осмелившегося возразить, свалились на менвита как снег на голову, он даже не нашёлся что молвить на это. Между тем и некоторые другие арзаки, не сдавшие изумруды выразили согласие с ответом своего товарища, тогда как остальные смотрели на них в полном смятении.

Прошло время, все арзаки успели сложить изумруды в шкатулку, а менвит-геолог всё никак не мог пережить происшедшее. Ему было неприятно смотреть на рабов, которые стали свидетелями его позора. И тогда он с ненавистью взглянул в глаза возмутителя спокойствия и тихо, но отчётиво повторил команду:

— Повинуйся, повинуйся мне, раб. Принеси немедля мой стул.

Арзак вздрогнул, метнулся и быстро скрылся в шахте. Через пять минут он появился со стулом в руках.

Менвит успокоился. Он не был бессилен перед лицом своих рабов.

До заката солнца горняки-арзаки шагали к воротам замка, тихонько обсуждая случившееся. Больше всех от необъяснимой смены поведения недоумевал сам виновник происшествия.

Когда ночью обо всём арзаки поведали Ильсору, он расспросил подробности и, узнав, что в одном случае арзаки отвечали с изумрудами в руках, в другом — без них, сказал:

— Помнится, читал я у древних мудрецов: змея, взглянувшая на изумруд, сначала плачет, потом слепнет. Я думал — всё это сказки. Сделаем вот что... Ещё раз проверим.

На следующий день все арзаки сложили все добытые изумруды в шкатулку, кроме одного, который спрятал небольшой камень в сапог. Сдавшие изумруды отошли подальше, а тот, кто спрятал талисман у себя, нарочно вертелся на глазах надсмотрщика. Наконец менвит заметил: у одного арзака не было в руках инструмента.

— Где твой отбойный молоток? — обратился к нему геолог.

— В забое... забыл... — запинаясь, ответил тот и вопросительно взглянул в глаза. Надсмотрщик тоже не отрывал взгляда от глаз раба.

— Ну так поди принеси, — сказал он.

Арзак опустил голову, медленно побрёл, затем послушно, со всех ног бросился к шахте. Когда он вернулся и занял место в колонне построившихся горняков, то не удержался и тихо прошептал соседу:

— Здорово! Действует!

— А что же ты так побежал выполнять приказ? — спросил сосед.

— Чтобы господин не догадался о нашем открытии.

Вечером того же дня все арзаки знали о чудесном зелёном

камне, который освобождает раба от повиновения избраннику. Чтобы снять колдовские чары менвитов, оставалось добыть по камешку для всех арзаков. Работа в шахтах кипела, к радости геолога.

Баан-Ну не мог нарадоваться, глядя, какими темпами наполняются шкатулки. Но больше всех радовались арзаки: никогда прежде работа не давала им столько отрады, что ни говори, они трудились ради свободы своего народа.

УРФИН В РАНАВИРЕ

Ч

то касается первого похода Урфина в Ранавир, так он был неудачным. Проникнуть на территорию базы инопланетян он сумел. А вот тачку с фруктами и овощами оставил у ограды, так меньше риску.

Стучаться во дворец Гуррикапа Урфин не стал, без фруктов там ему нечего было делать. Но вокруг жилища волшебника Джюс обошёл крадущейся походкой, затаиваясь за каждым углом. Он заглядывал в окна,— очень уж хотелось знать, как живут менвиты,— сначала в желтоватое, потом в розовое, голубоватое, но ничего, кроме стёкол, рассмотреть не удалось.

Домой огородник, подхватив тачку, возвращался окружным путём, и путь этот пролегал как раз через Изумрудные копи. Урфин затаился за невысоким курганом из отработанной породы. Рабочий день в шахте только что кончился, и он очень близко видел приветливые лица арзаков с задумчивыми глазами.

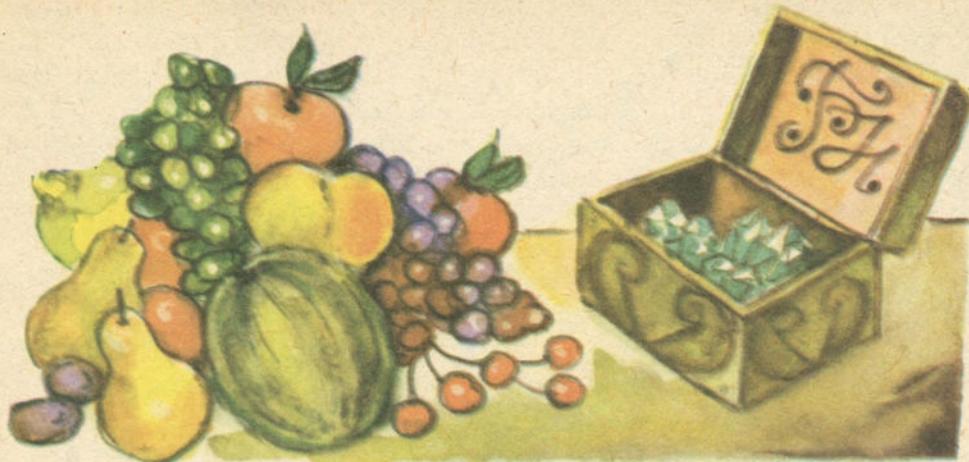
Проследив, какой дорогой возвращались рабы к замку, Урфин забежал вперёд и, вытряхнув из тачки, сложил на пути горняков великолепные плоды.

Арзаки как заворожённые стояли перед этим чудом, а когда отvedали, к ним пришло удивительное настроение, как будто они попали в сказку, где все надежды сбываются.

Урфин зачастил к Изумрудным копям. Больше всего его поражало то обстоятельство, что, выходя из забоя после работы, арзаки выглядели более живыми и весёлыми, чем начиная свой труд. Как будто они не уставали, а отдыхали в шахте. Впрочем, отдав добытые изумруды геологу-менвиту, который стоял со шкатулкой у выхода, они опять становились вялыми, шли, не глядя друг на друга.

— А чудеса-то от изумрудов, больше не от чего,— сообразил Урфин.

В другой раз Урфин Джюс с тачкой, полной плодов, открыто

приблизился к Ранавиру. Охрана тут же схватила его, и он предстал перед Баан-Ну. Роль переводчика выполнял Ильсор, о котором, как и другие жители Волшебной страны, Джюс знал.

— Отвечай, кто ты такой и зачем пришёл к нам? — спросил генерал. Его, он этого не скрывал, интересовал беллиорец, который добровольно пожаловал к менвитам.

— Я огородник, выращиваю фрукты и овощи, каких больше нигде нет, — отвечал Урфин. — И готов возить их каждый день к столу господина генерала. За свои услуги я прошу сущий пустяк. Один изумруд за десять тележек.

Для волшебной страны, где изумрудов было столько, сколько звёзд на небе, это была действительно скромная плата.

В заключение беседы огородник разложил перед Баан-Ну виноград, дыни, клубнику и еще всякую всячину, которую привёз в тачке.

По мере того, как генерал пробовал фрукты, его недоверие к беллиорцу пропадало. Баан-Ну даже согласился расплачиваться изумрудами, решив, однако, отобрать их у огородника, как только завоюет Гудвинию.

С тех пор Джюс каждый день прикатывал менвитам на кухню по несколько тачек волшебных фруктов. Скоро до Изумрудного города долетела весть о предательстве Урфина, который добровольно согласился поставлять плоды со своего огорода генералу и другим менвитам. Конечно, не бесплатно — за десять тачек он получал великолепный изумруд. Кроме того, Пришельцы обещали не трогать его, когда они завоюют Гудвинию, а может, и всю Беллиору.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА АЛЬФРЕДА КАННИНГА

Ж

ители страны Гуррикапа никаких опасений у Баан-Ну не вызывали. Относительно удивительных созданий Волшебной страны — Страшилы, Железного Дровосека, Тилли-Вилли и других — он пребывал в неведении. Его волновали великаны. И ещё если из Большого мира сюда явилась армия с пушками и ружьями, тогда стоило призадуматься. Но генерал твёрдо верил: многочисленная армия не сможет приблизиться тайком.

Всё же Баан-Ну счёл нeliшним принять некоторые меры предосторожности. Он приказал окружить Ранавир изгородью из колючей проволоки, лишь кое-где оставив в ней проходы. В этих местах рабочие приладили сигнализацию из рупоров, звонков, антенн: рёвом сирен она даст знать о всяком, кто попробует пройти.

В первые же дни случилось несколько ложных тревог: сирены гудели, а поблизости никого не оказывалось. Если бы менвиты были повнимательнее, они заметили бы в кустах и за большими камнями уморительные рожицы гномов. Но им было невдомёк. Они просто-напросто терялись в догадках, отчего приходит в действие сигнализация.

А когда гномам надоело дразнить менвитов, они прорыли под проволокой длинные канавки-траншеи и по-прежнему разгуливали втихомолку по территории базы.

Когда Альфред Каннинг просматривал в Изумрудном дворце донесения гномов, ему показалась забавной мысль о ложных тревогах. Хорошенько всё обдумав, он приписал к очередному наказу Страшилы несколько слов. Они касались прежде всего Кагги-Карр.

Вскоре на всех пропускных пунктах инопланетян поднялась тревога. Сирены оглушительно завыли, прямо-таки захлёбываясь криком.

Менвиты с лучевыми пистолетами на готове бросились к изгороди. У всех инопланетян возникла одна и та же мысль: «На базу напали беллиорцы».

Но у колючей проволоки было пусто.

Менвиты обследовали метр за метром все ограждения — по-прежнему никого! Озадаченные, они вернулись. Однако не успели сделать и ста шагов, как вой возобновился. Несколько раз повторялась такая история. Наконец по трепетанию листьев в лесу Пришельцы поняли: «Птицы!»

Да, всю эту суматоху, весь этот шум-гром устроили свиристели и ласточки. Стаями налетали они на сигнализаторы, которые сразу начинали реветь. Командовала атаками пернатых Кагги-Карр. Налёты продолжались не однажды, а птицы оставались неуловимыми.

Обитатели Ранавира долго бились, пока наконец не махнули рукой на дневную суматоху.

Но тут в игру включились летучие мыши. Водились они в ближайших пещерах тысячами. И что тут началось! Вой сирен не смолкал по ночам ни на секунду, его не могли вынести ничьи уши. Рамерийцы перестали спать.

Генерал Баан-Ну, посиневший от бессильной злобы, приказал рабочим-арзакам выключить сигнализацию.

Так Альфред Каннинг одержал первую, пусть не очень значительную, но всё же победу.

КАК БОРОТЬСЯ С МЕНВИТАМИ?

На экстренном совещании, созванном Страшилой, присутствовали, кроме Правителя, Железный Дровосек, Смелый Лев, Альфред Каннинг, Дин Гиор, Фарамант и Кагги-Карр. Тилли-Вилли с улицы заглядывал в окно, и никто не знал, что в кабине у него, удобно устроившись, сидит Энни. Собравшиеся обсуждали мудрёный вопрос: как бороться с Пришельцами, чтобы добиться победы. Вступить открыто в войну было невозможно: лучевые пистолеты инопланетян превосходили обычные ружья и револьверы, которые захватил из Большого мира Каннинг. Самым лучшим было бы использовать одно из чудес Волшебной страны.

Фарамант предложил напустить на замок Гуррикапа и его окрестности Жёлтый Туман Арахны. Магические слова, при помощи которых это удавалось колдунье, помнил Тим. Случайно, конечно, Чарли Блек, прежде чем сжечь колдовскую книгу, читал вслух её заклинания, а у мальчика была хорошая память.

— Холод, который принесёт с собой туман,— сказал Страж Ворот,— сделает Пришельцев простуженными, слабыми, и мы легко справимся с ними.

Предложение понравилось: не без затей и не требует больших

хлопот. Попробовать во всяком случае стоило. В Тронный зал пригласили Тима.

Страшила включил волшебный телевизор. Альфред приказал Тиму говорить колдовские слова перед экраном, где появилось изображение Ранавира.

— Убurrý-курубуррý, тандаррá-андабаррá,— начал Тим и тут же захлебнулся смехом. Уж очень ему забавно показалось выступать в роли злого волшебника.

Фред накинулся на мальчугана.

— Кто говорит такие зловещие заклинания с хохотом? Ты должен быть совершенно серьёзным, если хочешь, чтобы у тебя что-нибудь получилось.

Но серьёзности Тим как раз и не мог набраться. Достаточно было сказать два-три слова, и он начинал фыркать. Кончилось тем, что мальчугана прогнали, а заклинание, написанное им на бумаге, прочитал сам Каннинг. В его устах оно звучало внушительно, но никаких изменений в Ранавире не произошло: небо там осталось таким же голубым и солнце сияло по-прежнему. Участники совещания ошеломлённо смотрели друг на друга, а потом Правитель Изумрудного города уныло покачал головой:

— Мы забыли: когда Арахна умерла, а Великан из-за гор сжёг магическую книгу, все её волшебства кончились.

— Значит, придумаем что-то другое,— сказал Каннинг деловым тоном. Он не хотел, чтобы все загрустили.— Одно из величайших чудес вашей страны — Усыпительная вода,— молвил он.— Помните, как легко удалось с её помощью победить подземных королей? Несмотря на их армию, Шестилапых, драконов... Не забывайте, что арзаки помогут нам. Если они добавят Усыпительную воду в пищу, Пришельцы заснут, и дело с концом!

— Ты хорошо придумал, милый Фред, у меня тоже мелькала такая мысль. Но как ты незаметно доставишь воду в замок Гуррикапа? — неуверенно возразил Страшила.— Много воды не пронесёшь...

— Как? — переспросил Каннинг.— Надо подумать...

Наступило молчание.

— Пожалуй,— сказал, поразмыслив, Альфред,— здесь не обойтись без водопровода. Надо по трубам направить Усыпительную воду в колодец замка.

— Но для этого придётся проложить подземный ход,— сказал Дин Гиор.

— Да, но при всём нужна крайняя осторожность, — напомнил Страшила.

— А мыши на что? — не выдержала в своём укрытии Энни. Она с помощью Тилли-Вилли перебралась из кабины через окно в Тронный зал.

— Мышей много, они сделают всё бесшумно, их надо только направить. Вот же он, волшебный свисток Рамины, у меня! Хотите, я вызову королеву полевых мышей?

— Это выход, — оживлённо прокаркала Кагги-Карр и бросилась к девочке, чтобы та погладила её перья. Она хоть и была солидная важная ворона, но очень любила ласку. Энни тихонько гладила Кагги-Карр по голове и с ожиданием глядела на участников совещания.

— Пожалуй, тут есть смысл, — наконец согласился Каннинг.

— Ура! — чуть не запрыгала Энни.

— Ура! — прокаркала за ней Кагги-Карр.

— Не надо забывать и ещё об одном выходе — крайнем, — сказал Альфред. — Если ничто не поможет, мы взорвём космический корабль Пришельцев. Сделаем маленькую, но сильную мину. Заминируем звездолёт уже сейчас. В опасном деле нам поможет Ильсор.

Не откладывая в долгий ящик, собрали две бригады — Мигунов под руководством Лестара и рудокопов во главе с Ружеро. Отряд дуболовов нёс трубы и все необходимые инструменты.

После перевоспитания семи подземных королей, их семейств и придворных Усыпительной водой пользовались редко. Случалось подобное при особых событиях, например когда за предательство усыпили Руфа Билана. Тюрем в Волшебной стране не было, и преступник отдался долгим сном.

Фельдмаршал Дин Гиор предупредил сторожа Священного источника, чтобы он пропустил ремонтные бригады Мигунов и рудокопов.

Настоящую причину работ решили пока утаить, чтобы ничего не прознали раньше времени Пришельцы. Ружеро и Лестар были готовы приступить к прокладке труб. Дело теперь было за мышами.

ПОХИЩЕНИЕ ЭННИ СМИТ

операция со взрывом звездолёта, хотя и была отложена Каннингом на крайний случай, тоже требовала подготовки. Альфред не жалел времени на поиски вещества для взрывчатки. С Энни и Тимом он бродил по окрестностям Изумрудного острова, разыскивая нужные минералы. Однажды вся компания переправилась через канал на пароме, где днём и ночью работали дуболовы, и шагала по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом.

Сколько эта дорога вызывала у путников воспоминаний! Энни думала о том, как её старшая сестра Элли, принесённая в Волшебную страну ураганом, шла в Изумрудный город к волшебнику Гудвину; её сопровождала самая немыслимая компания, какую только можно вообразить: соломенный человек Страшила, Дровосек, сделанный из железа, Трусливый Лев, у каждого из них было заветное желание: Страшила жаждал умных мозгов, Железный Дровосек — доброго сердца, Трусливый Лев помышлял о смелости. И хотя Гудвин оказался не волшебником, он сумел исполнить все их желания. Страшила получил мозги, Дровосек — сердце, Лев — смелость. А Элли перенесли на родину волшебные серебряные башмачки Гингемы.

По этой же дороге шёл мальчик Фред, когда ему удалось выбраться на белый свет из Пещеры¹: он направлялся в Изумрудный город поведать, что Элли во власти подземных королей, что они держат девочку в плена и требуют от неё вернуть Усыпительную воду, исчезнувшую по вине изменника Руфа Билана.

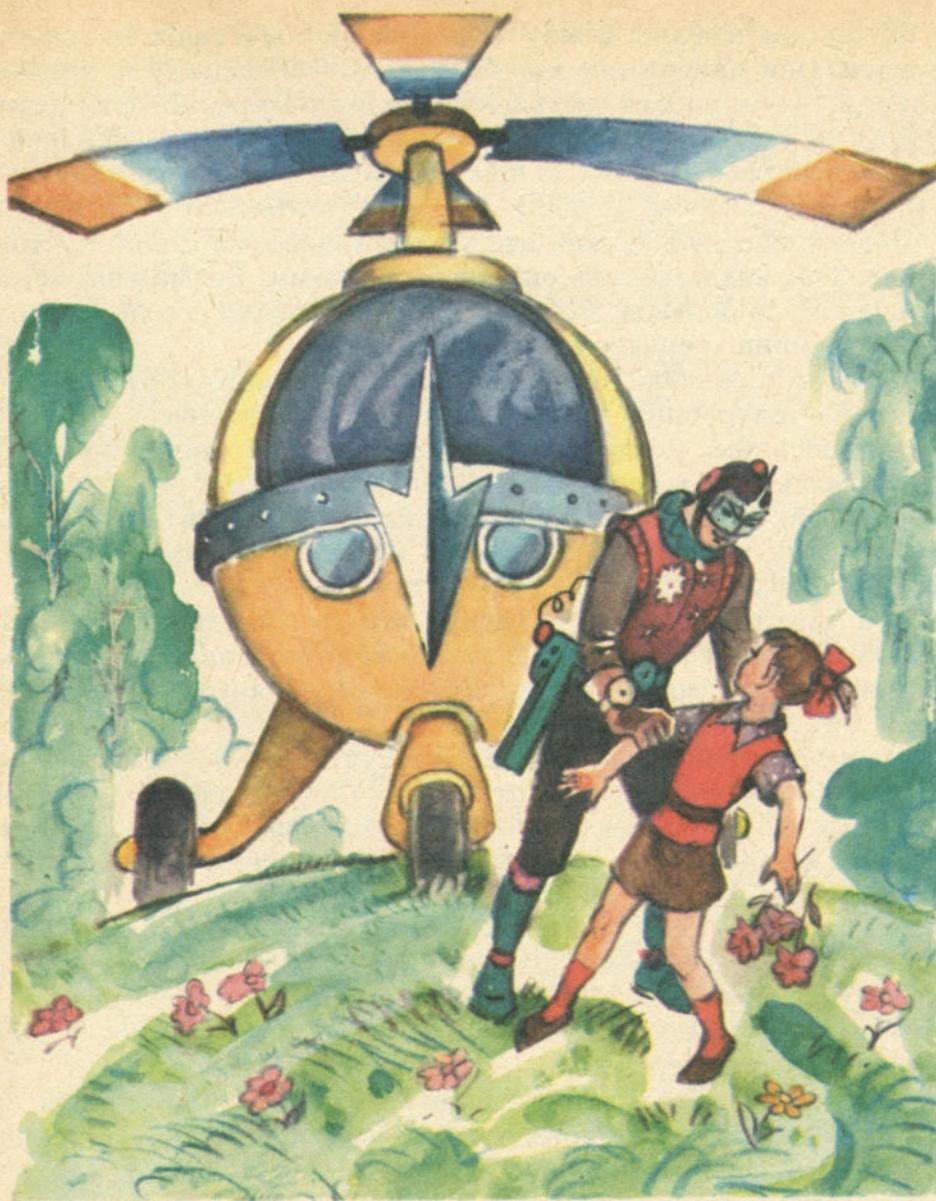
— Вот что, Энни,— прервал свои размышления Альфред,— сегодня ночью зови мышьей, понимаешь?

— Ой, Альфред,— обрадовалась Энни,— понимаю! Наконец-то я увижу Рамина!

Заприметив вдали холм, где могли оказаться нужные минералы, Альфред и Тим, вооружённые геологическими молотками и рюкзаками для сбора пород, поспешили туда. Энни задержалась на поляне, собирая цветы.

В это время сверху метнулась тень, послышался стрекот, и в нескольких шагах от девочки на поляну опустился вертолёт. Из кабины выпрыгнул лётчик высокого роста. В несколько скачков он был уже рядом. Энни отчаянно закричала, попыталась бежать — напрасно: лётчик крепко держал её за руку. Вырваться тоже не удалось, хотя в свои двенадцать лет девочка была крепкой и ловкой. В момент незнамоц подхватил Энни, будто куклу, она даже глаз не успела зажмурить от испуга.

¹ См. сказку «Семь подземных королей».

Размахивая молотками, к месту происшествия бежали Альфред и Тим. Но вертолёт уже висел в воздухе — они опоздали.

Когда чёрная точка исчезла за лесом, потрясённые Тим и Фред всё стояли и смотрели вслед. Опомнившись, они заторопились в город.

Энни испугалась и едва сознавала, что находится в кабине вертолёта, что дверца крепко заперта, а машина набирает высоту.

Вертолёт понёсся над лесами и полями Волшебной страны. Какое-то время виднелись сверкающие башни Изумрудного горо-

да, потом они исчезли. Внизу мелькали фермы и сады, где работали люди. Они провожали взглядом летящую машину и, конечно, не знали, что та уносит гостью из Большого мира, которая хотела им помочь, а вместо этого сама попала в беду. Кричать и звать на помощь было бесполезно, да и небезопасно (невольно Энни могла назвать имена своих друзей), она это понимала.

Лётчик обернулся, внимательно поглядел на Энни и что-то сказал. Тон, каким он говорил, не был резким. Возможно, менвит убеждал её не бояться. Во всяком случае взгляд его продолговатых, чуть прищуренных глаз не был злым.

Девочка пожалела, что с ней нет серебряного обруча: как бы помог ей в теперешнем положении подарок Тонконюха XVI! Чудо совершилось бы, когда её высаживали из машины или куданибудь вели. Она в один миг выскользнула бы из рук, сделалась невидимкой, и тогда пусть бы поискали её похитители.

«Ну вот, размечталась, как в сказке,— подумала Энни.— Чего нет, того нет».

Она опустила голову, и вдруг что-то холодное, как будто соскользнувшее с цепочки, коснулось её руки. Энни даже подскочила: ну как она могла забыть! Это же серебряный свисточек Рамины. Вот он, ключ к спасению!

Энни с опаской поглядела на широкую спину лётчика: не заметил он её движения, не обратил внимания на свисток? Лётчик обернулся, почувствовав её взгляд, ободряюще покивал ей головой. Нет, он был занят, он следил за приборами, управлявшими вертолётом.

Итак, план побега готов. Как только она останется одна, она позовёт королеву Рамину: царственная подруга поможет в беде. Она обладает волшебной способностью: какое-то мгновение — и перенеслась в любое место. Узнав всё, что произойдёт с Энни, Рамина немедля передаст это в Изумрудный город.

Вертолёт приземлился в Ранавире. Пилот (им оказался сам Кай-Рук) настойчивым поворотом головы приказал Энни следовать за ним, девочка покорно пошла за менвитом.

Появление пленницы в лагере Пришельцев не произвело никакого впечатления. Менвиты равнодушно проходили мимо. Арзаки тоже не отрывались от работы. Но, поравнявшись с одним из них, она, как по волшебству, услышала такие понятные слова:

— Ты... будь... спокойна...

— Это Ильсор,— угадала пленница.

Энни и в самом деле пошла бодрее. Дело обстоит не так уж плохо, если среди Пришельцев у тебя находится друг.

Штурман похитил пленницу по приказу Баан-Ну. События последних дней, особенно проделки птиц и летучих мышей с сигнализацией, показались генералу подозрительными.

«Всё ли так в этой стране, как объясняет Ментахо?»— думал он. Баан-Ну решил проверить показания ткача. Ввиду особой важности задание он поручил Кау-Руку и велел доставить ему кого-нибудь из землян не из ближайшего посёлка рудокопов, а из окрестностей Изумрудного города.

— Так вернее,— считал Баан-Ну.

Энни шла за Кау-Руком, стараясь держаться спокойно.

Баан-Ну вышел из замка в расшитом орденами мундире. Ильсор уже приготовился сопровождать его. Энни загляделась на нарядный костюм.

— Наверно, это очень богатый человек, какой-нибудь вельможа,— подумала она.— Такие красивые костюмы я видела только в книжках.

Генерал был довольно суров, он не смягчился, увидев приветливое лицо девочки.

Беседа, которая больше напоминала допрос, происходила в Синем доме пленников. Первым делом из комнаты выпроводили Ментахо и Эльвину. Эльвина, как обычно, собираясь на прогулку, взяла с собой корзину для грибов.

Неожиданно столкнувшись в дверях с гостьей из Большого мира, старики вместо того, чтобы обрадоваться, страшно расстроились. Они поняли основное: девочка, как и они, пленница менвитов.

Ментахо успел показать Энни на себя, покачал головой, приложил палец к губам. Потом показал на Эльвину и тоже приложил к губам палец.

Энни задумалась: «Наверное, он хочет сказать, что мы не знакомы, во всяком случае, чтобы я о чём-то молчала».

Так оно и было.

Баан-Ну прежде всего спросил пленницу:

— Знакома ты с людьми, которые вышли отсюда?

Машина в углу комнаты, похожая на маленький рояль, к удивлению Энни, замигала, зашипела и стала переводить вопросы Баан-Ну — Энни, а ответы девочки — генералу.

— Нет,— ответила Энни,— я их не знаю.

Кай-Рук с интересом поглядывал на машину, прислушивался к беседе, Ильсор реагировал на всё с привычным спокойствием, только взгляд, пожалуй, стал более пристальным.

— А как их зовут? — схитрил Баан-Ну.

— Если я не знаю этих людей, — удивлённо сказала Энни, — разве я могу назвать их имена?

Дальше начались вопросы, которые Баан-Ну не раз задавал ткачу.

По рассказам Фараманта и Страшилы Энни знала и вопросы и ответы.

Она добросовестно пересказала генералу, что страна, куда прилетели Пришельцы, зовётся Гудвиией, что имя своё она получила от короля Гудвина, что королевства, присоединённые бесстрашным королём, зовутся Гингемией и Бастиндией.

Слыша знакомые имена, Баан-Ну всё более и более успокаивался. И когда на вопрос о великанах девочка ответила точь-вточью, как в своё время Ментахо, генерал окончательно поверил в правдивость пленника ткача. Действительно, не могла же девчонка из другой части страны в случае обмана выдумать совершенно так же, как Ментахо.

Баан-Ну вовсе не сурово поглядел на Энни, настроение его заметно улучшилось.

— Теперь, когда вы узнали от меня всё, что хотели, — вежливо попросила Энни, — не можете ли вы меня отпустить домой?

Но едва машина перевела просьбу, как генерал снова нахмурился.

— Нет, — жёстко сказал он. — Ты останешься жить вместе с Ментахо и Эльвиной. Я прикажу им заботиться о тебе.

И генерал в сопровождении Ильсора и Kay-Рука покинул домик.

— Хорошо же, — крикнула ему вслед Энни, — если Тилли-Вилли захочет, он из любого котлету сделает!

Говорильная машина старательно переводила последние слова девочки, по счастью, их уже никто не слушал.

КОРОЛЕВА ПОЛЕВЫХ МЫШЕЙ

К*

огда пленники остались одни, Энни, хитро посмотрев на Ментахо и Эльвину, сказала:

— Не огорчайтесь.

Подула в свисток Рамины, и перед ней тотчас появилась королева полевых мышей с несколькими фрейлинами.

Эльвина, невольно ахнув, сама не заметила, как оказалась на табуретке с ногами: добрая старушка боялась мышей.

— Здравствуйте, ваше величество! — вежливо обратилась девочка к королеве. — Простите, что потревожила вас, но мои дела плохи...

— Здравствуй, милая Энни! — ответила Рамина. — Разве ты не имеешь права на моё внимание и помочь? Ты же владелица серебряного свистка! Но как ты очутилась во власти Пришельцев с другой планеты?

— Вы уже знаете? — удивилась Энни.

— Конечно, — спокойно продолжала Рамина. — Меня давно просветила моя царственная сестра, королева летучих мышей Таррйга. А её подданные недавно устроили непрошеным гостям хорошенъкий концерт!

Рамина, не сдержавшись, хихикнула, фрейлины почтительно её поддержали.

— Воображаю, как друзья волнуются теперь из-за меня, — сказала Энни, совсем расстроенная. — Может, думают, что меня и на свете нет...

— Ты преувеличиваешь, милая Энни, — сказала королева-мышь. — На что тогда волшебный ящик Страшилы? Я уверена, твои друзья прекрасно знают о тебе всё. Сейчас я это проверю.

И, прежде чем Энни успела опомниться, Рамина исчезла,

оставив в Синем домике фрейлин, на которых со страхом косилась старушка Эльвина.

Прошло минут двадцать, не больше, а королева уже успела побывать везде, где хотела. Вид у неё был довольный.

— Ну, конечно, всё, как я думала! — заявила она. — Лишь только Фред и Тим добежали до дворца Страшилы, всевидящий ящик заработал, и твои приключения известны. Друзья надеются скоро тебя выручить... К слову сказать, нашлось дело государственной важности и для моих подданных.

Энни сразу же поняла, что это за дело.

Старики предложили мышам роскошное угождение из кусочков сала и поджаренных хлебных крошек. Пир затянулся до ночи. Прощаясь, Рамина обещала в перерывах между государственной службой навещать Энни и бесперебойно поддерживать связь между Энни и её друзьями. В экстренных случаях Энни могла пользоваться свистком.

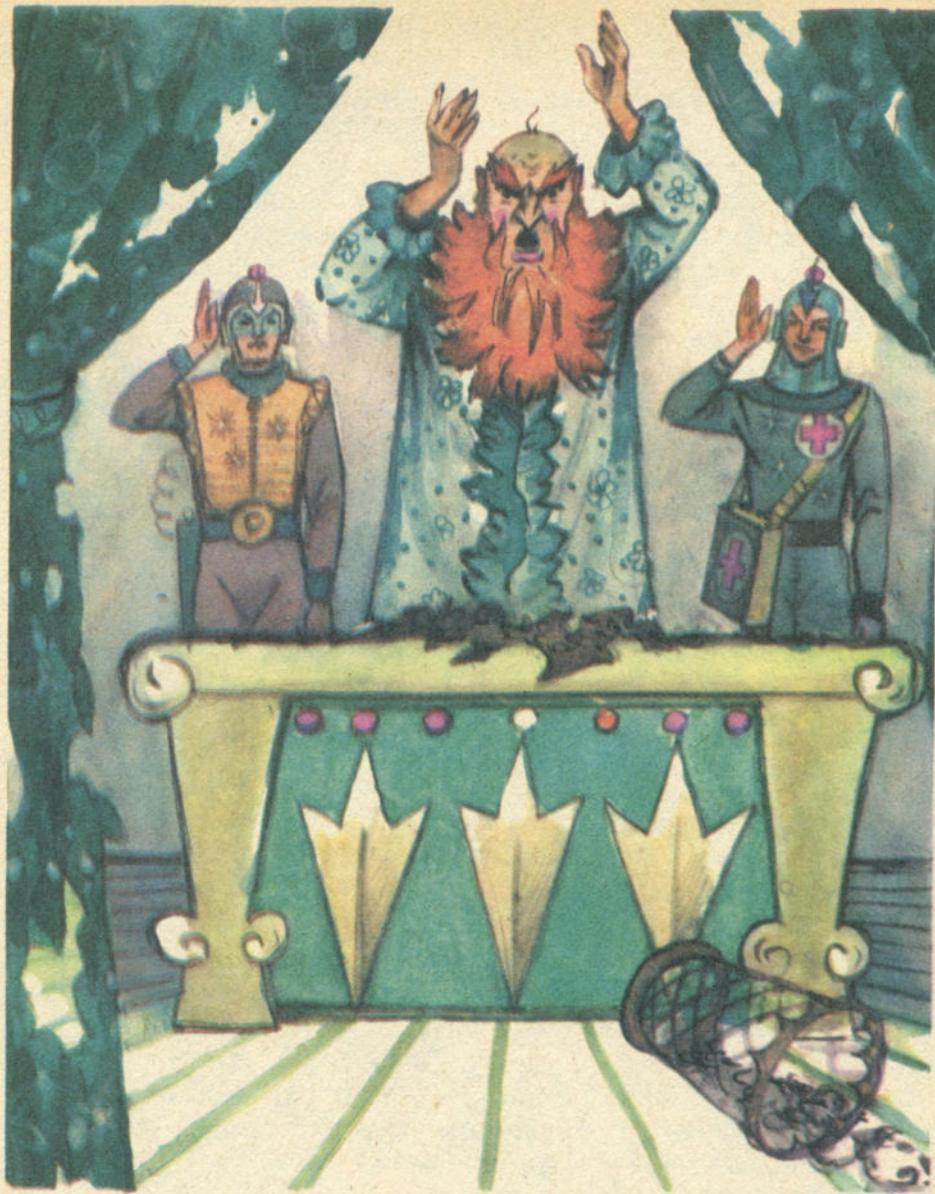
НАШЕСТИЕ НЕВИДИМОЙ АРМИИ

Мыши подключились к работе государственной важности, и подземный ход стал расти не по дням, а по часам. Вслед за полчищами мышей по мягкой взрыхлённой земле, специально оставленной для приглушения шагов, шли бригады Лестара и Ружера, прокладывая трубы, которые несли дуболомы.

Острозубое воинство разбилось на полки и батальоны, и у каждого подразделения был свой участок работ. Одни вгрызались в землю, проделывая тысячи норок, которые, сливаясь, образовывали большую нору, другие выносили землю аккуратно и понемногу, чтобы никто не заметил, ссыпали её в лесу у корней деревьев. Остальные пробрались в замок-убежище.

Энни мирно спала в Синем домике, у двери которого снова стоял часовой,

а тем временем в Ранавире сновали серые полчища. Мыши с удивительной ловкостью протискивались сквозь незаметные дыры и щели, словно вода, просачивалась через плохо притворённые двери комнат и дверцы шкафов.

И вот утром в мастерских менвитов у электрических проводов оказалась полностью обгрызанной изоляция. Колбы, мензурки, пробирки с различными веществами валялись разбитыми на полу. Баки с пробами топлива были продырявлены — из них вытекло горючее. От гербариев, собранных из растений Волшебной страны,

осталась одна труха. У комбинезонов, висевших на вешалках, уцелели только воротники: остальное клочьями лежало на полу.

Баан-Ну ешё спал, когда к нему вошёл Ильсор. Переступив порог личных покоев генерала, он так удивился, что начал протирать глаза.

— Мой генерал, господин Баан-Ну,— тихо позвал Ильсор.

Баан-Ну вздрогнул, и сон мигом слетел с него. Картина ужасного погрома предстала перед ним. От шкуры тигра, лежавшей у постели, остался один пух. Ночной халат генерала был изорван на полосы. Великолепные сапоги больше походили на сандалии, какие носили древние греки, остальное было съедено.

Ильсор хотел подать Баан-Ну его мундир, но в шкафу была груда лоскутьев.

Баан-Ну в ночной рубашке, не дожидаясь, когда ему принесут запасную одежду с «Диавоны», поспешил в свой кабинет. Сердце его замирало от предчувствия непоправимой беды. Накануне он так устал от описания схватки с полчищем невидимок, что, поставив точку, не убрал рукопись, как обычно, в портфель и не спрятал под подушку.

Этот бой с невидимками снился ему всю ночь, неужели он оказался пророческим?

Взглянув на стол и увидев там лишь горстки бумажной пыли, Баан-Ну со стоном обхватил голову руками и опустился в кресло.

В это время прибыл с докладом Мон-Со.

— Мой генерал,— начал он,— в Ранавире разбито, разорвано всё, что можно разбить и разорвать. Наверное, это земляне побывали...

Мон-Со не успел договорить, на пороге показался врач Лон-Гор.

— Мой генерал,— сказал он,— бинты исчезли, термометры перебиты, все порошки рассыпаны и перемешаны. Земляне...

— Какие земляне? Что вы мне голову морочите землянами?— закричал на них генерал, он больше не мог сдержаться.— «Завоевание Беллиоры», моя книга, труд всей моей жизни погиб,— запричитал он, к недоумению стоявших менвитов.

Самым любопытным во всей неразберихе оказалось то, что личное имущество арзаков не пострадало. Баан-Ну потребовал к себе пленников. К нему в кабинет привели Энни, Эльвину и Ментахо. Но затворники Синего домика не ведали ничего. Да и как они могли знать, если окна дома закрывали стальные решетки, дверь снаружи была заперта, а часовой-менвит ни на шаг не отходил от крыльца...

СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ В РАНАВИРЕ

И

вот настал день, к какому Тим долго, самым основательным образом готовился. Мальчик надел не стесняющий движений спортивный костюм, сапоги на мягкой подошве, чтобы бесшумно ступать. В карманы положил гаечный ключ, отвёртки, маленькие клещи. За пояс заткнул кинжал в кожаных ножнах. Серебряный обруч, чтобы не потерять в суматохе, закрепил на голове ремешком.

Пожалуй, было предусмотрено всё, но инженер Каннинг ещё и ещё раз напомнил мальчику об осторожности.

— Пришельцы не догадываются, — говорил Фред, — откуда Энни. Но если рамерийцы схватят тебя, по твоему росту и силе поймут: ты не коренной обитатель Гудвии.

Тим соглашался со всеми доводами, лишь бы его быстрей отпустили. Когда же Фред посоветовал: «Не будет возможности — не торопись, оставь пока Энни в пленау», — мальчишка так упрямо стиснул зубы, что сразу стало видно — это наставление Фреда он выполнять совсем не собирается. Про себя Тим давно решил: если Фред его не отпустит, он сделается невидимкой и сбежит из города. Ведь волшебный обруч у него на голове!

— Ох, боюсь, наделаешь ты беды! — озабоченно сказал Альфред, расставаясь с мальчиком.

Наконец-то Тим забрался в кабину Тилли-Вилли, и великан скоро доставил его в долину Гуррикапа. Всю дорогу Железный рыцарь расспрашивал мальчугана про Чарли Блека. Тим редко встречался в Канзасе с одногим моряком, но, не желая огорчать великана, фантазировал и рассказывал уйму историй про геройские подвиги Чарли на Большой земле, которая, по его словам, кишила колдунами и ведьмами. Простодушный великан выражал свой восторг так громко, что гул его голоса разносился на многие мили вокруг. Хорошо ещё, что дорогой им не попался ни один вертолёт Пришельцев.

Железный рыцарь укрылся в павильоне Гуррикапа, а Тим, повернув рубиновую звёздочку, сделался невидимым и смело зашагал к Ранавири.

Старейшина гномов Кастальо, описывая последующие дни в лагере пришельцев, назвал их сумасшедшими.

Всё началось с того, что железная бочка с горючим, стоявшая на горке близ взлётных площадок, неожиданно скатилась по наклонному помосту. Она мчалась так стремительно, что лётчики и инженеры едва успевали от неё уворачиваться. В довершение беды бочка наскочила на личный вертолёт Баан-Ну, которым генерал ещё ни разу не пользовался, и разнесла его вдребезги.

А это была лучшая машина эскадрильи, самая роскошная и быстроходная.

Генерал пожелал лично убедиться в случившемся. Но, когда он проходил мимо колодца, шланг, тянувшийся от него, сам собой отскочил. Тугая холодная струя ударила в грудь и лицо Баан-Ну. Новый нарядный костюм генерала, только что после нашествия мышей извлечённый из запасника «Диавоны», в один миг был окочен потоком воды.

Генерал пытался хоть что-то сказать, но всякий раз точно в рот ему хлестала вода, и он захлёбывался. Водяной поток, ударяясь о землю, разбивался на мельчайшие водяные брызги, в которых весело сияла радуга.

Конец неприятному приключению положил Ильсор.

Поднырнув под струю, он ухватил извивающийся как змея шланг. Вождь арзаков мог бы поклясться, что со шланга соскользнула чья-то невидимая рука. Тут же послышались мягкие, быстро удаляющиеся шаги. Ильсор завернул кран и скорее повёл мокрого генерала переодеваться.

Баан-Ну был вне себя от гнева. Но он не избавился бы от жгучего стыда до конца своих дней, если бы знал, что всю сцену с начала до конца наблюдали во дворце Страшилы.

— Ну и Тим! Ну и молодчина! — выкрикивал Фарамант, хлопая в ладоши.— Вот так баню устроил!

Страшила важно сказал:

— Экс-тра-ор-ди-нар-но-е зрелище!

И только Каннинг нервничал, приговаривая:

— Ох, боюсь, наделает он беды!

В лагере Пришельцев как будто начало успокаиваться.

Уборочная машина засыпала песком огромную лужу возле колодца, где искупался генерал.

И вдруг в Ранавире снова всё взбудоражилось, да ещё как! Виновником новой суматохи оказался сам Баан-Ну.

На случай опасности в лагере предусматривался сигнал боевой тревоги, а секретная кнопка находилась в кабинете Баан-Ну.

Сухому, но растрёпанному генералу, едва успевшему натянуть на себя шорты, по причинам, понятным ему одному, захотелось проверить, готовы ли его подчинённые к отражению внезапной атаки землян...

Рамерийцы снова переполошились. Каждый бежал к тому месту, которое предназначалось ему по уставу. Менвиты тащили огнетушители, щёлкали кнопками лучевых пистолетов, проверяя их исправность. Часовые из отряда особого назначения, захлопнув люк звездолёта, как грозные изваяния, стояли возле него.

День и ночь сутились рамерийцы, выполняя приказы генерала, а утром их ждали новые сюрпризы.

Столы и стулья в зале, где обедали менвиты, взгромоздились в пирамиду, вершина которой уходила под потолок. Из палатки рабов все сапоги ушли на лесную поляну и расположились кругом с таким видом, будто собирались водить хоровод.

Арзаки со смехом разобрали свою обувь: над ними, конечно, пошутили, но им не хотели причинять вреда.

На взлётных площадках ночью раздавались треск, пощёлкивание, но часовые никого не заметили. И тем не менее почти у всех вертолётов с приборных досок исчезли важные детали...

Баан-Ну приказал привести к себе Ментахо. Злобно уставившись на него, генерал сказал:

— Слушай, землянин, ты должен объяснить причину этих непонятных явлений.

Ментахо не растерялся. Ильсор уже передал ему наказ Страшилы.

— Что поделаешь, господин генерал! В этом году Дни Безумия наступили раньше обычного, и я не успел вас предупредить.

Он виновато развёл руками.

— Какие Дни Безумия? — нахмурился генерал.

— Дни Безумия Вещей, господин генерал! У нас в Гудвинии такое случается ежегодно. Мы уже привыкли к этому и держим ухо востро.

— Что значит «держать ухо востро?»

— Это значит остерегаться, когда имеешь дело с вещами.

Они выходят из повиновения и стараются причинять людям всяческие неприятности. Лопата бьёт землекопа по лбу, посуда со стола скачет на пол, изгороди от домов уходят в лес...

— Ну и дикая страна у вас,— произнёс генерал.— И сколько времени продолжаются эти Дни Безумия?

— Обычно день-два, редко больше. Я полагаю, господин генерал, что вещи уже успокоились. Дальше всё пойдёт тихо и мирно,— сказал ткач.

Генерал отпустил Ментахо и долго размышлял о том, что много на Земле диковинного и непонятного, чего никогда не происходит на Рамерии.

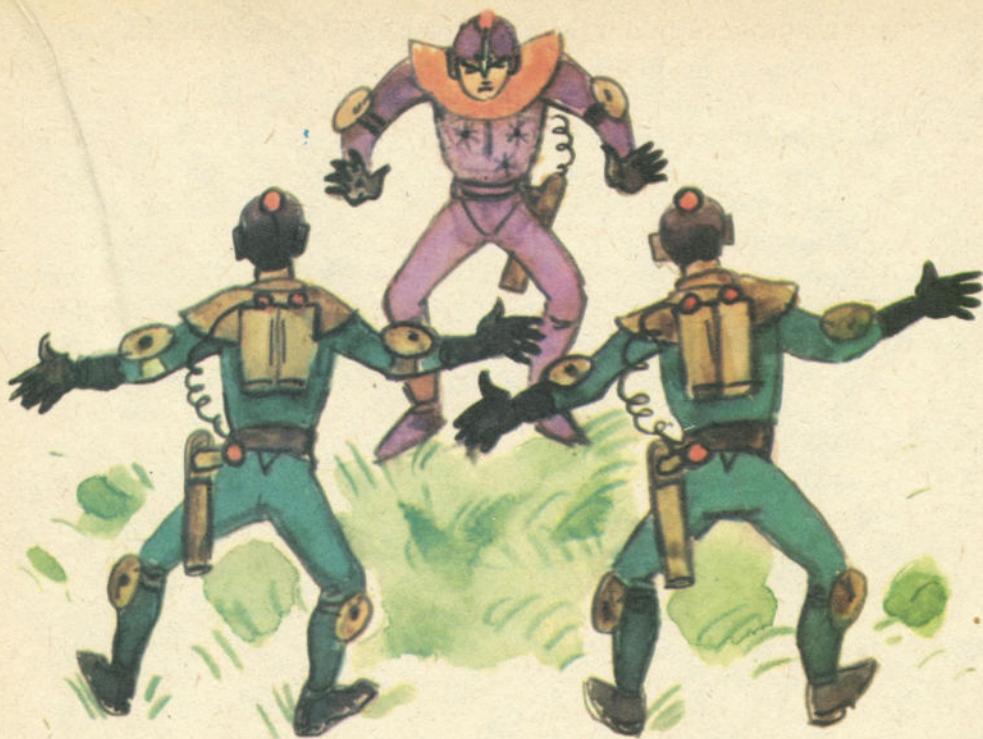
БЕГСТВО

После необъяснимых событий в Ранавире инопланетяне ходили настороженные, на вещи поглядывали с опаской, ожидая от них новых проделок. Открыв дверь, они быстро проскачивали, боясь, что она стукнет по лбу или по затылку.

На этот раз генерал не поверил рассказням Ментахо и распорядился на всякий случай удвоить караулы у всех проходов и приказал патрулям ежечасно прочёсывать территорию лагеря.

Тим попал в затруднительное положение и жалел, что в своих попытках насолить Пришельцам переусердствовал. Не случись этого, он без всяких помех похитил бы Энни. Но теперь, когда менвиты начеку, дело осложнилось. Однако Тим не терял надежды. Затаившись за штабелями дров, он неустанно вёл наблюдения за Синим домиком. И в конце концов дождался!

Энни под стражей повели из домика к замку Гуррикапа, видимо, генералу опять понадобилось что-то уточнить.

Тим не мешкая выскочил из-за дров, схватил Энни за руку
шепнул:

— Бежим!

Обруч скрывал от людского взора не только того, на ком был
надет, но и всех, кто прикасался к его обладателю.

Менвит, смотревший за Энни во все глаза, оцепенел от изум-
ления: пленница, которую он вёл в замок, мгновенно растворилась.

Энни и Тим побежали. Менвит же, услышав топот, закри-
чал изо всей мочи:

— Невидимки! Держите невидимок! Они здесь, недалеко!

По лагерю была объявлена тревога. Дорога к ближайшему
проходу оказалась отрезанной отрядом менвитов. Тим и Энни
всюду натыкались на Пришельцев. Мальчик замер в растерян-
ности, но, к счастью, увидел вблизи сторожевую вышку. Она
была пуста.

— Лезем на вышку! — прошептал он Энни.

Взбираться по узкой лестнице вдвоём, всё время держась
друг за друга, было нелегко, но ребята сумели это сделать. И
вовремя!

Менвиты повсюду ходили цепью, взявшись за руки, про-
чёсывая территорию базы. А невидимки как сквозь землю про-
валились.

Мон-Со руководил поисками в районе вышки. Заметив, что в ней нет охраны, он послал арзака проверить, действительно ли она пуста.

Арзак проворно вскарабкался по лестнице на площадку, где безмолвно замерли Энни и Тим. Он сразу услышал их взволнованное дыхание, небрежно провёл рукой в пространстве и громко крикнул вниз:

— Никого, господин офицер! — и лихо спрыгнул на землю. Ещё долго продолжались поиски, но безрезультатно.

«Может быть, земляне умеют становиться не только невидимыми, но и неосязаемыми? — с беспокойством думал генерал. — Если это так, и представить не могу себе, как с ними бороться?»

Под вечер на базе стало спокойнее: её обитатели разошлись отдыхать, и даже часовые сидели у своих постов.

Без скрипа и шума Энни и Тим спустились по лестнице и тихо прошмыгнули мимо часового у ближайших ворот. Они направились в павильон, где их ждал Железный рыцарь.

ЗЛОВЕЩИЕ ПЛАНЫ

Бaan-Ну созвал секретнейшее совещание своего штаба. Из арзаков присутствовал только Ильсор, и то в качестве слуги генерала.

Открывая совещание, Баан-Ну провозгласил здравицу в честь великого, непобедимого Гван-Ло. Присутствующие встали, протянули вверх руки и троекратно прокричали хриплыми голосами:

— Горр-ай!

— Пора покончить с Гудвинией,— объявил генерал без всякого предисловия.— Начнём с Изумрудного города — сердца Гудвии. Уничтожим всё, а изумруды захватим. Покажем землянам, на что мы способны. До сих пор мы только удивляли их, они старались разгадать, кто мы такие. Теперь пусть живут в страхе, пусть трепещут.

Безмолвно Ильсор обходил присутствующих, подавая напитки и фрукты, и ловил каждое слово.

— Кодовое название операции «Страх». В ней будут участвовать все вертолёты. Вооружим их бомбами. Когда большинство жителей будет перебито, оставшиеся покорятся нашему взгляду.

Генерал умолк, тут же раздались возгласы одобрения.

— Мы все вернёмся на Рамерию богачами,— пообещал Баан-Ну.

Он не сказал, конечно, того, что давно решил присвоить сокровища Изумрудного города.

— Мой генерал,— почтительно обратился к Баан-Ну командир вертолётчиков Мон-Со,— после того как невидимый враг побывал у нас, почти все вертолёты в неисправности.

— Сколько вам нужно времени для ремонта? — спросил генерал.

— При самой усиленной работе не меньше десяти дней,— ответил тот.

Ответ обрадовал Ильсора. Есть время и сообщить куда нужно, и что-нибудь придумать.

Тоном, не допускающим никаких возражений, генерал сказал:

— Вертолёты должны быть готовы в срок. Людей для ремонта и запасные части получите полностью. За готовность машин отвечают лично Мон-Со и ты, Ильсор.

— Слушаю, мой генерал,— склонил голову командир эскадрильи Мон-Со.

Ильсор, который вновь почувствовал себя главным техником, поклонился. И совещание на том закончилось.

Часть третья

УСЫПИТЕЛЬНАЯ ВОДА

НАСТУПЛЕНИЕ ДУБОЛОМОВ

Ч

ерез Ментахо Ильсор передал о готовящемся налёте ино-планетян на Изумрудный город.

Военный Совет собрался за полночь в Тронном зале Изумрудного дворца. Дня уже не хватало. На учёте была каждая минута. Все только и думали, как отвести страшную угрозу, нависшую над Волшебной страной. После дня непрерывных дум члены Совета валились от усталости. Даже у Страшилы краска трескалась от сильного перенапряжения. Энни приходилось брать краски, кисть и подрисовывать ему лицо. У Дровосека от переживаний слёзы выступали на щеках, и, чтобы они не заржавели, требовалось каждый час капать на них из маслёнки.

Особенно трудно было участвовать в заседании Кагги-Карр. То один, то другой её глаз закрывался набухшими тяжёлыми веками: только тряхнув головой, ей удавалось снова открыть глаза. Первым высказался Страшила. Речь его, как всегда, отличалась краткостью и свойственной ему мудростью.

— Мы не должны отдавать инициативу Пришельцам, — сказал он. — Пока ведётся прокладка водопровода, нужно предпринять активные наступательные действия. Нужно навязать Пришельцам свою тактику и заставить их перейти к обороне. Какие будут предложения? — спросил правитель. Говорите кратко. Помните, где много слов, там очень мало мудрости.

Речь Страшилы, конечно, одобрили, но выступать с предло-

жениями не торопились. Легко говорить просто так, и уж совсем другое дело быть мудрым.

Первым отважился нарушить молчание Фарамант. Длительные вахты у ворот вообще располагают к серьёзным размышлению, и если вам нужен добрый совет, спросите его у Стража Ворот: у него их не счесть.

— Нужно сделать вылазку в лагерь Пришельцев, — сказал Фарамант. — Нападение должно быть мощным, быстрым, а главное оружие Пришельцев — лучевые пистолеты — бессильным. Короче, я не вижу других кандидатов для участия в вылазке, кроме дуболомов.

Тут вмешался Дин Гиор, который как фельдмаршал отвечал за успех военной компании Волшебной страны.

— Мысль Фараманта верна, — сказал он, — однако смогут ли осуществить операцию дуболомы? Мы им нарисовали добрые лица и не знаем, как такая перемена сказалась на их умственных способностях. Я не возражаю, я предполагаю обсудить это обстоятельство: от него зависит исход операции.

Возникло противоречие, самое время было вмешаться Мудрому, и Страшила сказал:

— Кто добр, тот и умён. У дурака не может быть доброго лица, у него на это не хватит ума. Лучших кандидатов, чем дуболомы, нам, по-видимому, не найти. Единственно, о чём стоит подумать, как защитить их от лучевых пистолетов. Луч их не убьёт, но может поджечь деревянные тела. Какие мнения у членов Совета?

— Можно надеть на дуболомов мокрые плащи, — прокаркала Кагти-Карр; привычка давать советы поборола её сон.

— Плащи под солнцем или на ветру быстро высохнут. Не годится, — высказался, наконец, Железный Дровосек, которому никак не удавалось вставить словечко после того, как члены Военного Совета разговорились.

— Нужно защитить дуболомов зеркальными щитами, — тут же выпалил Страшила. Как энциклопедист он не знал трудностей в правильных ответах. Естественно, следующее слово было за Каннингом, поскольку речь шла о поисках технических решений на основе научных знаний.

— Зеркальные щиты — не только превосходная защита от лучевого оружия, — заметил он. — Если их расположить в виде кривого зеркала, то можно сфокусировать лучевую энергию и направить её по обратной дороге — против Пришельцев.

Совет можно было закрывать, так как его основная цель — опередить менвитов собственной наступательной операцией — была достигнута. Были ясны исполнители. Понятно, как защитить их от оружия Пришельцев. Найден способ, как повернуть

это оружие против самих врагов. Подготовка к вылазке не заняла много времени. Пока мастера готовили латунные щиты, обрабатывали их по рецепту Каннинга ртутью — для зеркального блеска, дуболомы под руководством генерала Лана Пирота обучались перестроениям, позволявшим на ходу отражать лучевую энергию и направлять её то на один, то на другой предмет.

Танцевальные способности Лана Пирота и его командирские навыки как нельзя лучше пригодились при обучении дуболомов упражнениям с зеркалами в пешем строю.

Чтобы не раскрывать замысла операции, дуболомы держали в руках вместо зеркал разноцветные обручи.

Жители Волшебной страны с интересом наблюдали за этими танцами ансамбля дуболомов под руководством Лана Пирота, хотя и не могли взять в толк, почему деревянные солдаты предаются праздным развлечениям перед грозящим нападением менвитов. Как бы там ни было, никто не остался в обиде за неожиданный красивый праздник.

Был и ещё один плюс от выступления ансамбля. С борта вертолёта, который вёл наблюдение за Изумрудным городом, генералу Баан-Ну поступила телеграмма: «Беллиорцы пляшут».

— Что ж, попляшите, попляшите, — подумал генерал, перечитывая телеграмму. — Хорош танец только победителя.

На следующее утро фельдмаршал Дин Гиор давал войскам, участникам вылазки, последний смотр. Он глядел на радостно улыбающиеся лица солдат и хмурился. Уж очень легкомысленно настроены. Фельдмаршал суроно спросил Лана Пирота:

— Вы осознаете важность задания?

По лицу деревянного генерала от правого уха до левого пробежала улыбка.

— Так точно, ваше превосходительство, господин фельдмаршал,— и он нетерпеливо сделал несколько па какого-то весёлого танца.

Дин Гиор только вздохнул. Если уж генерал таков, то чего от солдат требовать?

— Справитесь? — снова мрачно спросил он.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство,— ответил Лая Пирот. Если вы всё хорошо продумали, успех будет полный, потому что сделаем мы выше похвал,— и снова стал приплясывать на месте.

По сигналу боевой трубы отряд построился в колонну, все солдаты подняли щиты перед собой и быстро побежали по дороге в направлении замка Гуррикапа. Не переводя дыхания, они проделали весь путь от Изумрудного города до поляны перед Ранавиром.

Сторожевые посты Пришельцев заметили дуболовов своевременно. По тревоге были подняты отряды менвитов, готовых пустить в ход своё испытанное оружие — лучевые пистолеты, но их озадачило, что беллиорцы сами перешли в наступление.

«Значит, они успели опередить нас в подготовке к войне.

Успели или не успели, а надо отбивать их нападение. Не мешает хорошенько проучить самонадеянных беллиорцев», — так думали менвиты.

Тем временем отряд дуболовов на бегу перестроился в цепь. Цепь сомкнулась, образовав большой, во всю поляну полумесяц, плотно прикрытый сверху сияющими щитами. Не сбавляя хода, полумесяц двинулся навстречу отрядам менвитов.

По команде инопланетяне включили пистолеты, и вопли ужаса пронеслись в их толпе. Лучи пистолетов, отразясь от зеркального полумесяца, ударили в центр отряда менвитов.

Прежде чем Пришельцы сообразили, что это они сами себя поранили, и бросились врассыпную, несколько менвитов, получив сильные ожоги, рухнули на землю.

Не теряя времени, зеркальный полумесяц развернулся, и собранный щитами луч ещё не выключенных пистолетов обратил в гигантский костёр одну из бочек с припасённым для вертолётов горючим. Затем он заплясал на мастерской, из которой сразу пошли клубы дыма. Когда к менвитам вернулся, наконец, дар соображения, они выключили свои горе-пистолеты и пустили в ход пушки-картечницы. Полумесяц рассыпался снова в цепь, дуболовы повесили щиты на спины и бросились бежать в обратную сторону.

Когда пожары потушили, раненых перевязали, менвиты рассмотрели трофеи, оставленные неприятелем: несколько голубых и жёлтых щепок, отлетевших от дуболовов при попадании картечи.

Радужное настроение завоевателей сменилось унынием.

В тот же день всему деревянному воинству был сделан ремонт. Солдатам нарисовали яркие новые мундиры, добавив к ним погоны и медали, а заново выкрашенному, сияющему Лану Пироту — золотые эполеты и орденскую ленту через плечо.

ОПЕРАЦИЯ «СТРАХ»

Страшила не согласился с предложением Фараманта снять для пущей сохранности изумруды с городских башен и стен, с мостовых и крыш домов. Остаться без изумрудов означало обнаружить страх перед врагом, всё равно что сдаться на его милость.

— С ними веселее драться, — сказал Страшила. — Надо сохранить сияние зелёного огня. Он помогает и пусть играет всеми переливами.

— И верно, Изумрудному городу нельзя без изумрудов, — согласился фельдмаршал Дин Гиор.

А поскольку нельзя, и изумруды должны, наоборот, помочь сражающимся, их не убрали, а начистили, чтобы ярче сверкали. И вот перед нападением менвитов Изумрудный город стоял во всём великолепии. На его защиту решили встать все жители и все удивительные создания Волшебной страны. Но что они могли перед чужестранцами? Могли быть храбрыми, а это уже немало.

Самыми храбрыми оставались в армии Волшебной страны железные и деревянные создания: Тилли-Вилли, Дровосек и дуболомы под командой Лана Пирота. Дуболомы уже прошли боевое крещение перед Пришельцами. Тилли-Вилли наточил свой меч, который едва сдвигали с места сорок человек. Его огромный щит блестел, как зеркало, отражая солнечные лучи в сторону неприятеля (неплохая военная хитрость, которой он научился от дуболомов).

Железный Дровосек со своим тяжёлым топором, хотя и был раз в десять ниже Железного собрата-рыцаря, тоже умел воевать.

Дин Гиор горячо взялся за дело. Недаром он из летописей, хранящихся в кладовой позади Тронного зала, почти наизусть выучил описания знаменитых битв, когда-либо случавшихся в Волшебной стране. Прежде всего он умело распределил имеющиеся военные силы. Выставил боевое охранение вокруг города, состоявшее из горожан с винтовками и револьверами, которые раздал Каннинг. Альфред стоял во главе охранения.

Горожане неплохо научились стрелять: из каждого пяти пуль в цель попадала одна — для людей, никогда никого не обижавших, такой результат был достижением хоть куда.

На стенках и башнях замерли наблюдатели — армия, таким образом своевременно узнает о приближении неприятеля.

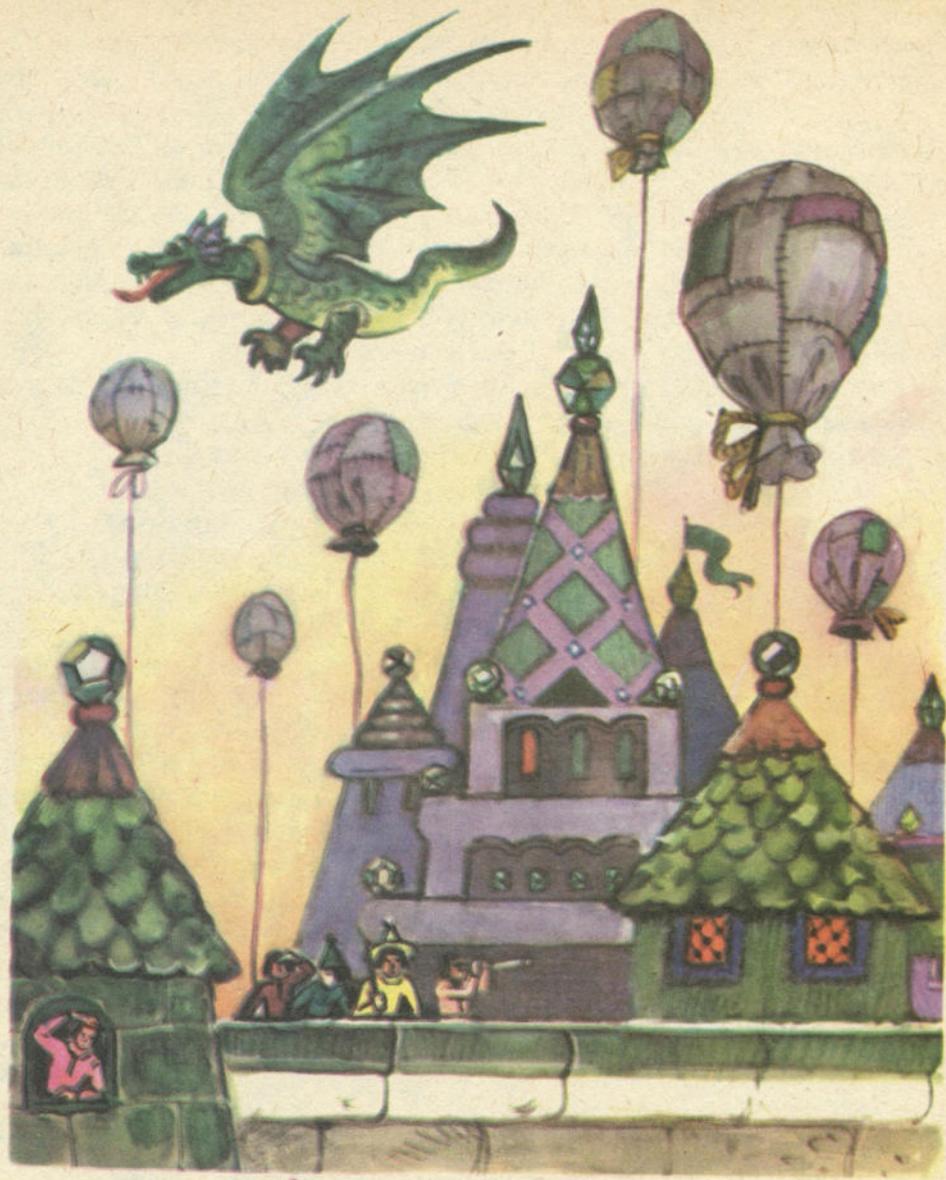
Основные силы, включая железных представителей армии Тилли-Вилли и Дровосека, Дин Гиор расположил в городе. Он не забыл о резерве. В нём он оставил деревянных солдат во главе с Ланом Пиротом. Их тщательно упрятали в лесу под листвой кустарников. А для связи фельдмаршал везде расставил деревянных гонцов. Но самое главное, что обязательно поможет в обороне Изумрудного города, предусмотрел Альфред Каннинг. По его указанию Энни вместе с женами Мигунов и рудокопов и все жители, кто умел держать иголку в руках, стежок за стежком шили мешки из плотной серой ткани. То было такое же боевое задание, как научиться стрелять из ружья. Серую ткань частично позаимствовал Ильсор в запасниках «Диавоны», а частично выткал Ментахо.

Когда шитьё было готово, разожгли костры в городе и держали над ними мешки, чтобы наполнить горячим воздухом. Наполняясь, мешки превращались в огромные воздушные шары, которые повисли над городом.

Пока жгли костры и готовили воздушные шары, в небе, отвлекая внимание менвитов, летал ручной дракон Ойхxo.

В лагере Пришельцев готовились к нападению на беллиорцев. Арзаки под неусыпным наблюдением менвитских лётчиков и инженеров, таким, когда ни вздохнуть, ни мигнуть, ремонтировали повреждённые вертолёты: чинили сломанные приборы, ставили на место исчезнувших новые детали, заряжали пушки-картечницы.

Они-то первыми и заметили в небе крылатое чудовище, похожее на ящера. Оно махало огромными кожистыми крыльями, сильные когтистые лапы его болтались под жёлтым чешуйчатым брюхом, среди длинных острых зубов в разинутой пасти трепетал красный язык.

— Смотрите,— закричали сразу несколько арзаков,— летающий ящер!

Кау-Рук как раз проверял свой вертолёт. Он внимательно пригляделся.

— Откуда взялось это ожившее ископаемое? — сказал он. И сейчас же отправился к Баан-Ну.

— Взгляните на небо, мой генерал,— обратился штурман к Баан-Ну.— Вы ничего не замечаете?

— Дракон? — спросил изумлённый генерал, не веря своим глазам. Он следил за полётом Ойхxo с замиранием сердца.

— Может быть, повременить с операцией «Страх»? — вопросительно посмотрел на генерала Кау-Рук.

— Нет,— решительно возразил генерал,— боевой вылет не может быть отменён из-за каких-то фокусов землян. Надо кончать с этими земными невероятностями, и чем скорее, тем лучше.

Скоро и наступил день, предназначенный Баан-Ну для операции. Вертолёты устремились к Изумрудному городу. В каждой машине, кроме пилота, находился стрелок. Лётчики запаслись большими шкатулками для изумрудов и других ценностей. Они верили Баан-Ну, который обещал:

— После боя ваши шкатулки наполнятся доверху. Сначала вы доставите их в Ранавир — мне на хранение. В дальнейшем возьмёте с собой на Рамерию. На родине вы станете самыми богатыми людьми.

Машины двигались к цели, члены экипажей переговаривались по радио. В то время как от Ранавира к Изумрудному городу двигалась эскадрилья из тридцати вертолётов, от северной части Кругосветных гор им навстречу спешила тоже своя эскадрилья. Это были орлы Карфакса. Орлы проявляли особую осторожность с тех пор, как пушка инопланетян ранила Гориэка. По природе своей они вообще с людьми общались мало. Но они тоже были жителями Волшебной страны. Почуяв в поведении Пришельцев недоброе, Карфакс повелел собратьям глаз не спускать с непрошеных гостей.

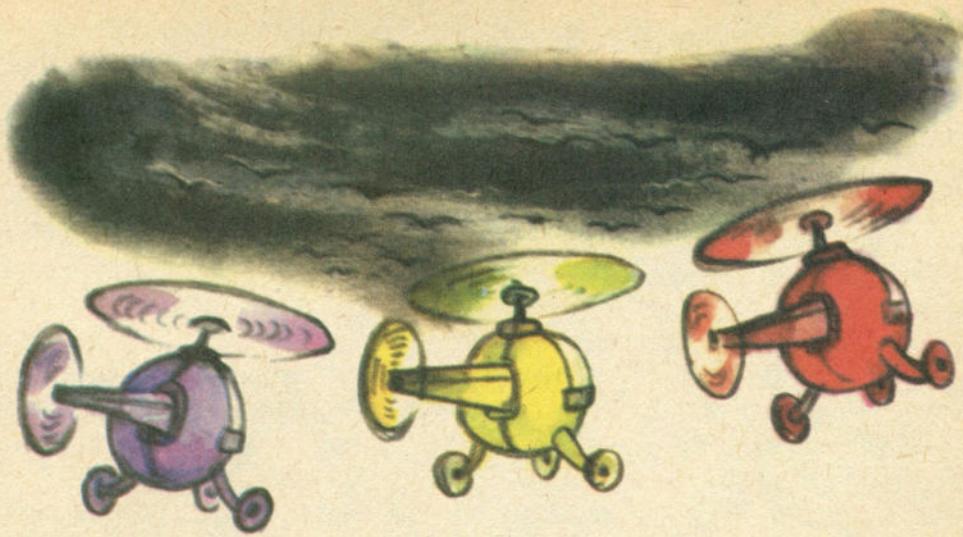
Вот почему, заметив совсем не мирные намерения отряда вертолётов, орлы тотчас помчались навстречу. До города оставалось меньше трёх десятков миль, когда командиру Мон-Со, да и другим пилотам показалось, будто на их трассе далеко впереди замелькали тёмные точки, похожие на птиц. Они то скрывались, то приближались. Нарастал неясный гул.

И тут на зеркало, укреплённое перед Мон-Со, легла серо-чёрная тень, падающая сверху, как будто прямо из облака. Несколько гул перешёл в воинственный клёкот. Из любопытства Мон-Со опустил боковые стёкла кабины, высунул голову... И в тот же момент чуть не лишился её. От взмаха гигантского крыла в него ударил ветер такой сокрушительной силы, что Мон-Со вдавило в кресло кабины.

Ещё бы чуть-чуть, и его вообще выбросило из вертолёта.

Скорее от страха, чем что-либо соображая, Мон-Со поднял стёкла и вернулся вертолёт от крыльев гигантского орла. Торопливо оглянувшись по сторонам, он заметил: около других машин происходит то же самое, орлы, распластав крылья, бросаются к вертолётам.

— Ну что, мой полковник, будем делать? — услышал Мон-Со по радио насмешливый голос Кау-Рука.— Как вы рассчиты-

ваете отражать это исполинское нападение? Не лучше ли сразу выйти из игры? Не знаю, как вы, а я поворачиваю. Не хочу ни сам погибать, ни истреблять этих гордых птиц. С орлами воевать — мы так не договаривались!

— Запрещаю! — закричал Мон-Со сорвавшимся голосом. — Будете отвечать перед Баан-Ну!

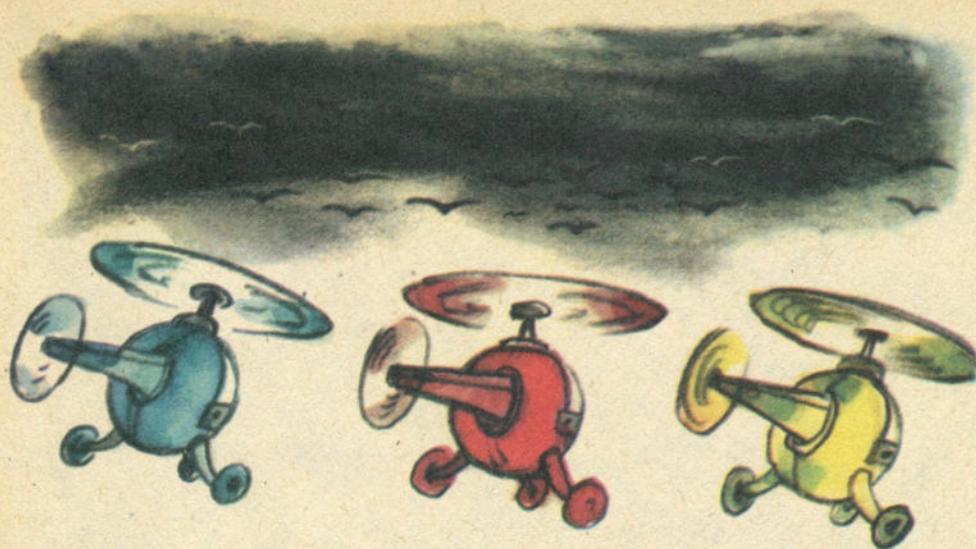
— Как вы не понимаете?! — тоже прокричал Кай-Рук, поскольку шум вокруг стоял невообразимый... — Побоище — сплошная бесмыслица. Зачем нам калечить таких благородных птиц и самим погибать при этом?

— Вы трус! — почти зарычал Мон-Со.

Но Кай-Рук, не слушая больше его, развернул вертолёт и направил на одну из лесных полян.

В воздухе закипел ожесточённый бой.

Орлы камнем падали на вертолёты, обхватывали их мощными крыльями; со стороны лобового стекла перед лётчиками вырастали огромные клювы. Дневной свет мерк перед пилотами, закрытый теменем. Они наугад хватались за рычаги, вертели штурвалы. Стрелки палили перед собой из лучевых пистолетов. Для птиц-гигантов не выстрелы были страшны. Крутящийся винт вертолёта подрубал их, врезаясь в тела. Испытывая боль, орлы только сильнее сжимали крылья. Пилоты выпускали из рук штурвалы, машины теряли управление. Несколько вертолётов полетело вниз, но разбились и орлы. Карфакс, видя гибнувших соплеменников, снизу ринулся на ближайший вертолёт, стал хлестать его крыльями, вцепился когтями в шасси, тряхнул так, что машина перевернулась. Зависнув на какой-то миг в воздухе, она стремительно рухнула вниз и взорвалась.

Расправившись с одним вертолётом, Карфакс бросился к другому, третьему...

Часть орлов атаковали вертолёты со стороны малого хвостового винта. Издавая воинственный клич, они смертной хваткой впивались в него когтями, ломали сильными лапами, разбивали клювом-молотом.

В битве не просили и не давали пощады. Лучевые пистолеты стреляли непрерывно, правда, без толку. Наученные горьким опытом, орлы больше не приближались к лобовым стёклам. Нападая снизу или с хвоста, они, лишь машина теряла управление, оставляли её в покое.

Гигантские размеры птиц и их неистовость вселили в инопланетян ужас. Тот самый страх, который они хотели принести в Изумрудный город, собираясь поставить землян на колени.

Армии Дина Гиора не пришлось участвовать в бою, но его бойцы были самыми пристрастными зрителями на свете. Успехи союзников-орлов они встречали восторженным рёвом, а гибель — горестными стонами. Тилли-Вилли долго бежал за одним падающим вертолётом, надеясь хватить по нему мечом, но вертолёт ухнул на огромный дуб и разлетелся на куски.

Наконец эскадрилья Пришельцев обратилась в бегство. С погнутыми винтами, с повреждёнными моторами, разбитыми шасси, виляя, вычерчивая невообразимые фигуры, уцелевшие вертолёты пробирались в Ранавир. Пустые шкатулки для изумрудов давно были брошены за борт. Враги убегали, а летучее воинство преграждало им путь в долину Гуррикапа. Только десятку машин удалось добраться до убежища. Кое-как дотянулся до места и Мон-Со. Его доклад, а больше всего вид разрушен-

ных вертолётов произвели на Баан-Ну потрясающее впечатление. Страх поселился и в сердце генерала, ещё так недавно считавшего себя всесильным.

Он никак не мог понять, что же происходит в такой маленькой стране, населённой совсем робкими жителями?

Переводчик Ментахо уверял генерала, что орлы не собираются нападать на Ранавир. Они не питают враждебных намерений. Баан-Ну всё равно била дрожь и страх не проходил.

Спустя несколько дней правители Изумрудного города и Фиолетовой страны, феи Виллина и Стелла пожаловали Карфаксу для его воинства высшие ордена своих государств.

Страшила приказал внести в летопись подробное описание исторической битвы. Гномы добросовестно исполнили свой долг.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА МЕНВИТОВ

Г

енерал мрачно взглянул в зеркало, и сразу замерли его бесшумные размеренные шаги. Подойдя к креслу, он грузно сел в него, словно, кроме тяжести тела, с ним вместе опустились и его заботы. Ещё никогда за всё пребывание на Беллиоре он не ощущал их так отчётливо. Неудачи последних дней сдавили его плечи и грудь, но сильнее всего от них болела голова.

«Что же делать? Что происходит? — размышлял Главный менвит. — Воздушный налёт на Изумрудный город закончился полным провалом. Кто знает, может, пока мы на Рамерии создавали технику, беллиорцы открывали недоступные нам тайны природы? Почему гигантские орлы напали на вертолёты? Уж не люди ли Гудвинии их научили? А набег грызунов — случайность или дерзкая вылазка? И почему атакующие людишки оставляют после себя щепки? По всему видно: беллиорцы додгадались, что мы хотим их покорить. Что ж, силой не удалось, возьмём хитростью. И вот здесь нам поможет говорильная машина С ней не будет осечки».

Генерал взял со стола серебряный колокольчик и нетерпеливо затряс им. Тотчас открылась дверь, на пороге кабинета появился Ильсор.

— Ильсор, всё ли готово для опытов? — спросил Баан-Ну.

— Машина в полной готовности, полковник Мон-Со доставил двух землян в Ваше распоряжение. Препятствий для опытов нет, мой генерал.

Доклад успокоил Баан-Ну. Уж больше он не попадёт в плен к событиям, он подчинит их своей воле.

— Испытания назначаю немедленно. Кроме Кау-Рука, Мон-Со и тебя никто не должен присутствовать, — приказал Баан-Ну.

Участники самого важного сейчас для менвитов опыта собрались во главе с генералом в Синем домике.

— Начнём с Ментахо, — предложил Баан-Ну.

Ментахо и Эльвина, почувствовавшие, что в Синем домике готовится что-то необыкновенное, присели на стульях у самой

двери. Они думали, что их немедля отошлют за грибами. Вместо этого Баан-Ну поприветствовал ткача неожданным возгласом:

— Привет тебе, высокоочтимый беллиориец!

«Пойди пойми этих генералов», — подумал Ментахо и тут же выпалил на менвитском языке:

— И тебе привет, мой повелитель.

Баан-Ну чуть нахмурился, бросив короткий взгляд на Кау-Рука.

— Немного переусердствовал Ментахо. «Повелитель» — еще рановато, — посчитал он. И, пристально глядя в лицо ткачу, приказал без лишних предисловий: — Ну-ка придвинь ко мне свой стул, а сам отойди к говорильной машине и там стой.

Ментахо, который сидел, уставившись себе на ноги, он так всегда делал, разговаривая с Баан-Ну, не понял, кому адресованы последние слова, и не проявил ни малейшего интереса, чтобы выяснить.

— Расскажи без утайки, Ментахо, что тебя волнует, — спросил генерал, сверля глазами лицо ткача, но не находя его плутоватых глаз.

— Да что там волнует, — сказал Ментахо и озадаченно почесал затылок. — Ничего не волнует. Вот разве скучновато у вас, нам с Эльвиной поговорить не с кем, кроме какого-то ящика, — ткач кивнул в сторону говорильной машины.

«С этим толку не будет, — понял Баан-Ну. Он не только выучил наш язык, но и разобрался, для чего понадобился нам. Тем хуже для него, мы его навсегда изолируем от жителей Гудвинии».

— Однако мы увлеклись беседой, — снова заговорил генерал. — Отдохни, Ментахо. Сходи с Эльвиной за грибами.

Ткач с женой ушли, прихватив корзинку.

— Давайте свеженьких, — сказал Баан-Ну. Часовые ввели в комнату одного из Жевунов. Он с любопытством осмотрелся вокруг и принял изучать ордена, украшавшие грудь Главного менвита.

— Привет тебе, достойный сын Земли, — приветливо произнёс генерал, подняв руку над головой. Раздался щелчок, мигнула лампочка, и говорильная машина отчеканила слова генерала его же голосом, но на языке жителей Волшебной страны.

Жевун широко улыбнулся, сложил свои руки, изображая рукопожатие, и произнёс:

— И тебе мой поклон, добрый человек.

Машина тут же выдала перевод голосом Жевуна. Всматриваясь в глаза беллиорца, генерал сразу подал команду:

— Заговори с Ильсором.

Жевун, услышав перевод, растерянно захлопал глазами.

— От чего я должен заговорить Ильсора? — спросил он.

Машина снова перевела, настал черёд удивляться Баан-Ну.

— Заговаривать можно с кем-то, а не что-то, — поучитель но произнёс он.

Ильсор незаметно нажал одну из кнопок, говорильная машина принялась объяснять без всякой посторонней помощи:

— Заговорить можно и кого-то и чего-то, и даже самого себя, как это происходит теперь с вами, мой повелитель.

Только изумление помогло генералу снести эту неслыханную дерзость. Он так и сверкал глазами на ни в чём не повинного Жевуна.

— Заруби себе на носу, — резко заметил он, — что с генералом так не подобает говорить.

Крайнее недоумение отразилось на лице беллиорца.

— Я готов отрубить себе нос, но не могу понять, при чём тут генерал, и какая вам от этого польза? — пролепетал он.

— Что ты мелишь, болтушка? — завопил, не выдержав, Баан-Ну.

Жевун совсем перепугался.

— Если бы я был мельницей, я молол бы муку. А если я болтушка, то яичницу-болтунию жарят на сковороде. Про что вы меня спрашиваете? Я вижу, вы сердитесь. Я ничем не хочу вас обидеть. Но отдавайте мне понятные приказания, а то я не

знаю, что мне делать,— тихо молвил он и покорно и преданно взглянул на Баан-Ну.

— Мон-Со,— рявкнул генерал во всю глотку,— где вы взяли этот медный лоб?

Мон-Со вытянулся перед Баан-Ну, собираясь дать ответ, но в это время Ильсор снова нажал кнопку, в машине что-то заскрипело, и до присутствующих донёсся её собственный хриплый голос:

— Ну вот, уже и обзывается, а ещё генерал. Сам не может толком объяснить чего хочет, а обзывает медным лбом.

— Ильсор, выключи немедленно машину. Мон-Со, отвечай, почему ты перестал нести службу? Тебе надоело быть полковником? Я могу сделать тебя лейтенантом! — кипел генерал.— Привести другого беллиорца! Ильсор, включи машину!

К Баан-Ну, который никак не мог успокоиться, подвели второго Жевуна.

— Возьми с подоконника лист бумаги,— отрывисто бросил Жевуну генерал и выразительно взглянул в его глаза.

Глаза беллиорца округлились, он ошалело начал вращать головой, что-то разыскивая.

— С чего я должен сорвать листок? Я не знаю таких цветов — подоконники. У нас растут подснежники, да и то высоко в горах. И где вы видите в комнате цветы? Что вы называете «бумаги»? — наконец спросил он генерала и, поведя плечами, бессильно опустил руки.

— О чём он говорит? — повернулся генерал к Ильсору. Он не менее ошалело тряхнул головой.

— Это случайный набор слов; видимо, не все сочетания машина пропускает,— спокойно ответил слуга.— Мой генерал, позвольте мне задать беллиорцу вопрос, чтобы выяснить причину сбоя.— Дожидаясь разрешения, Ильсор почтительно глядел на генерала.

— Действуй, Ильсор,— позволил Баан-Ну.

— Достойный сын Земли, отвечайте,— молвил Ильсор.— Кто правит в Изумрудном городе?

— Там правит Мудрый Страшила.

— Ильсор, он втирает тебе очки. Как могут правителя именовать таким именем?

Жевун, которому машина успела перевести слова генерала, недоумённо уставился на лицо Баан-Ну.

— Какие очки я должен натереть господину, если он не носит никаких очков?

— Что, опять рассуждать? — рассвирепел Баан-Ну.— Ты сейчас поймёшь меня, глупец. Мы говорили тебе слишком много слов, и твои куцые мозги не в состоянии их все переварить. Тебе проще понять язык команды. Возьми лист,— Баан-Ну сам взял с подоконника бумагу.— Нарисуй мне ваше страшилище.

Жевун подумал и изобразил саблезубого тигра с огромными клыками.

— Я так и думал, что речь идёт не о правителе,— удовлетворённо заметил Баан-Ну.— Стоять,— скомандовал он с такой силой, что Жевун подпрыгнул чуть не под потолок, но тем не менее успел вытянуть руки по швам.— Бегом! — бушевал генерал, сверкая глазами.— Марш!

И Жевун, сделав два скачка, вдруг перешёл на церемониальный шаг, затем при команде «Бегом!» встрепенулся, бросился скакать и тут же начал отбивать шаг при команде «Марш!»

— Часовой,— взвыл Баан-Ну,— всыпать этому тупице десять палок!

— Вот вы, генерал, значит, самый важный господин, так растолкуйте мне,— сказал Жевун,— какая связь между часовщиками и палками и куда он должен мне их насыпать?

Машина подмигнула Жевуну и издала бормочущие звуки на языке менвитов.

Генерал побагровел и молча ринулся к дверям.

Кай-Рук и Ильсор переглянулись между собой, и штурман пожал плечами.

«Почему так нервничал генерал?» — подумал Мон-Со и торопливо пошёл за ним.

УРФИН ПОМОГАЕТ АРЗАКАМ

Урфин за всем наблюдал и всё замечал.

Приключения менвитов с Чёрными камнями Гингемы казались ему неоконченными, нет-нет да снова возвращался он к ним в мыслях. И вот однажды Урфин отправился к Великой пустыне. Он не боялся магической силы Чёрных камней. Когда-то он был помощником злой колдуньи Гингемы, и поэтому на него не действовали их волшебные свойства.

С собою Джюс взял пилу, скорее, по привычке — единственно, чтобы иметь какой-то инструмент под рукой. Не тут-то было. И дело не в огромных размерах каменных исполинов. Пилою камень не распилишь, тем более волшебный. Пила не оставила на нём даже царапины. Урфин взобрался на чёрное творение Гингемы и уселся поудобней. Он вспоминал одно за другим действия колдуньи. Как ни силился знаменитый огородник, ни одного зловещего заклинания не приходило на ум, все зелья позабылись. Да и зло злом не разрушишь. Внезапно его осенила великолепная мысль:

— А что если развести костёр и подогреть этот камешек? Всё колдовство начинается с огня.

Так он и сделал. Притащил на тачке вязанки дров. Разложил гигантский костёр, на центр которого пришёлся Чёрный камень.

Костёр разгорелся на славу. Языки пламени целиком объяли исполина, разогревая его больше и больше.

Вдруг надпись «Гингема» оплавилась и начала пропадать. Урфин не на шутку испугался: что, если он перестарался и всё волшебство колдуньи сейчас испарится? Как угорелый помчался он за ключевой водой, а потом принялся бегать вокруг камня, выплёскивая на него содержимое вёдер и бочонка. Чёрный испо-

лин весь загудел, напрягся и рухнул, рассыпался на мелкие кусочки. Но что самое удивительное — на каждом кусочке красовалась надпись «Гингема». Урфин нескованно обрадовался. Лучшего ничего было и желать. В несколько рейсов перевёз он кусочки развалившегося волшебного камня к своему дому.

С тех пор он искал случая воспользоваться заколдованными обломками.

Джюс весело катил тачку с овощами по лесной тропинке. Огурцы, клубника, орехи радовали своим видом даже иску-

шённое огородной премудростью сердце. Если бы не дума, тяжёлым грузом лежавшая на душе Урфина.

«Как забрать изумруды у предводителя менвитов? — гадал он. — Ведь у него накопилось столько, что можно помочь освободить целый народ — арзаков на далёкой Рамерии».

Размышляя, Джюс вспомнил листок, который похитила у Баан-Ну ворона. Кагги-Карр полагала тогда, что перехватила план важной военной операции. Когда же Ильсор прояснил текст, всё оказалось забавным: и генерал, и его выдуманные приключения. Сочинения вояки-фантазёра не вызвали интереса, забылись, а Джюс запомнил, что генерал любит приключения.

— Ну что же, — думал огородник, — надо устроить Баан-Ну приключение с камнями Гингемы.

Как ни мелки были волшебные обломки, всё же каждый не меньше булыжника, а как такой незаметно вручишь Главному менвиту? Если же булыжник оставить где-нибудь в сторонке, генерал не обратит на него никакого внимания. Камень ничем, кроме надписи, внешне не примечателен.

В замок-то подарок Гингемы можно доставить вместе с овощами, задача нетрудная. Но что дальше?

Не единожды пришлось Урфину покатать тачку от своего огорода до замка и обратно, прежде чем у него созрел план действий.

Как-то на кухне он услышал от повара-распорядителя, который переговаривался с часовым, что генерал накопил гигантскую коллекцию изумрудов. К тому времени Джюс мог кое-как объясняться на языке менвитов, а о чём они говорили между собой, понимал достаточно хорошо.

— Возможно, ваш генерал богат, — пробормотал Джюс как бы про себя, — но вряд ли его коллекция может сравниться с сокровищами из тайника Гуррикапа.

— А где эти сокровища? — немедленно заинтересовался повар.

— Да здесь, у вас, — объяснил Джюс, — тайник в замке, но тщательно замаскирован. Никто не знает его местонахождения.

— А ты откуда знаешь?

— Мудрый странник прочитал в одной старой книге.

С того часа повар-распорядитель и часовий, вооружившись металлическими палками, бродили по замку, обстукивали стены и пол, тщетно пытаясь найти тайник.

В одно прекрасное время стук привлёк внимание Баан-Ну. Повара сразу же доставили к генералу. На допросе бедняга сознался, что разыскивал тайник.

— Ты веришь в эти басни? — усмехнулся Баан-Ну, но мысль о сокровищах крепко засела в его голове, и он захотел сам пого-

ворить с огородником. Такой случай вскоре представился. Генерал подкараулил Урфина, когда тот вновь привёз в замок овощи и фрукты, и затащил его в свой кабинет.

— Что тебе известно о тайнике Гуррикапа? Где его искать? — нетерпеливо спрашивал он.

Урфин ждал вопросов.

— Знаю только, что тайник находится в одной из башен замка, — отвечал огородник, — замурован камнем с надписью «Гингема». Но Гуррикап мог закодировать сокровища. Как бы там ни было, никто в нашей стране никогда не пытался искать их.

«Жалкие трусы! Впрочем, это даже хорошо. Я сам овладею всеми сокровищами», — подумал Баан-Ну, а вслух сказал:

— Урфин, попрошу тебя больше никому не говорить об этом.

Чтобы облегчить генералу поиски, Джюс заменил несколько старых обветшалых камней на более крепкие с надписью «Гингема». План, который придумал Урфин, чтобы отнять изумруды у предводителя менвитов, походил на рыбную ловлю несколькими удочками, отстоящими далеко друг от друга.

На следующее утро огородник оставил на кухне принесённые им плоды, а затем, прошмыгнув мимо часового, обошёл свои камни-удочки. В одном из тёмных закоулков замка он увидел то, что предвидел наперёд: генерал корчился в неестественной позе, рядом с ним стоял подсвечник.

Свеча успела оплавиться только на

четверть: значит, Баан-Ну

угодил в ловушку

недавно.

Он молча силился оторвать руку от камня, но не мог. Страх и жадность боролись в его душе. Страх говорил: «Зови на помощь, самому тебе не вырваться», а жадность шептала: «Позовёшь на помощь, придётся сокровища поделить. Лучше поднатужься и освободись сам».

Пока страх не одолел жадность, Урфин бросился в кабинет генерала, отыскал ключи от сейфа и мигом пересыпал содержимое шкатулок в мешок. Шкатулки он наполнил булыжниками. В путь к дому огородник пустился с тяжёлой тачкой, но везти её было легко — в руках Урфина оказались средства, способные освободить целый народ.

Припрятав изумруды, Джюс поспешил снова в замок, громко громыхая тачкой. Свеча успела погаснуть, но Баан-Ну ещё молчал, не теряя надежды вырваться. Заслышав шум тачки, Главный менвит окликнул огородника. Урфин пришёл и помог генералу освободиться от камня. Пока Баан-Ну приходил в себя в своём кабинете, Урфин заменил камни Гингемы на обычные.

Но ещё долго по замку тайно друг от друга бродили генерал и повар-распорядитель, разыскивая тайник Гуррикапа. Баан-Ну никак не мог вспомнить то место, где неведомая сила, исходившая от камня с надписью «Гингема», продержала его несколько часов.

ТРЕВОЖНОЕ ОЖИДАНИЕ

В

эти трудные для Волшебной страны дни продолжала вестись напряжённая и совершенно незаметная для менвитов-завоевателей работа под землёй.

Бригады Лестара и Ружеро жили одной неотвязной мыслью: «Вода, вода, Усыпительная вода. Она должна появиться в лагере Пришельцев».

Той же мыслью о воде было занято серое усатое войско: мышиные мордочки шныряли уверенно и торопливо; подданные Рамины добросовестно справлялись с работой. Одни по-прежнему рыли землю, другие таскали её подальше.

Ружеро и Лестар не являлись новичками в такого рода труде. Именно они восстанавливали источник, когда вода ушла из него по вине, правда случайной, прислужника злых сил в человеке Руфа Билана. Дело происходило ещё при семи подземных королях, которым возвращение воды объяснили волшеством Элли.

На самом деле дуболомы под руководством Ружеро и Лестара опускали колонну труб в землю до тех пор, пока не нашу-

пали водоносный слой. Со временем неустойчивые горные породы рухнули, раздробив глиняные трубы, по которым поднималась вода. Решили выкопать колодец и убрать обломки труб. Колодец получился довольно глубоким, и, чтобы земля не посыпалась и не рухнула, стены его укрепили брусьями. Брусья доставляли сверху, из страны Жевунов. Тут уж правитель Жевунов Прем Кокус постарался вовсю. Действовать приходилось чрезвычайно осторожно. Пришельцы вполне могли починить вертолёты и с их помощью вести наблюдения. Обитатели Гудвии, перевозившие брусья, маскировались. Груз накрывали травой, и выходило, будто фермеры везут сено. Конечно, прокладчики подземного водопровода волновались. Никто не знал, пойдет ли Усыпительная вода по трубам. Надеялись на механика Лестара,— у него изобретательная голова, он на выдумку горазд. А если нет, тогда и подумать страшно.

Взрыв звездолёта — последнее средство, предложенное Каннингом,— не желателен. Никто ведь понятия не имеет о последствиях катастрофы.

Возможно, рухнет замок Гуррикапа, погребя под обломками менвитов. Но погибнут и арзаки. Даже если их известить о времени взрыва, всё равно всем незаметно скрыться не удастся. Погибнет Синий домик с Ментахо и Эльвиной.

Альфреда пугало и другое: что, если от сотрясения обвалятся своды Подземной пещеры, раздавив старинный, семи цветов радуги дворец подземных королей. Перестанет существовать неповторимое чудо природы.

И всё же мина была заложена Ильсором на «Диавоне».

Вот когда звери и птицы начали переселение подальше от замка Гуррикапа. Страх за будущее вывел на одну тропу белохвостых оленей и чернохвостых зайцев. По соседству с ними мягко ступали ягуары, похожие на тигров, и горные львы — пумы.

Рыжие гривастые волки шли за медведями-исполинами с чёрной пушистой шерстью и белыми отметинами вокруг глаз, казавшимися большими очками. Стремительно скакали антилопы. А еноты неторопливо брели, останавливаясь перед каждым ручьём, чтобы пополоскать в воде то ягоды, то орехи. Не слышалось ни лязга зубов, ни злобного рычания. На время переселенцы стали добрыми соседями. Птицы, охваченные тем же предчувствием беды, покидали свои леса. Вслед за птицами и зверями лесными дорогами двинулись люди. Только угрюмые совы да филины — ночные хищники не поддались общему переполоху и остались в родных гнёздах.

Внезапное переселение не укрылось от глаз Пришельцев. При виде опустевших лесов и селений в окрестностях замка у них кошки скребли на душе. Местность, где они обитали, вдруг показалась им тонущим кораблём, с которого в панике бежит всё живое.

Почему все спасаются бегством? Уж не почуяли они какое-нибудь стихийное бедствие вроде извержения вулкана или землетрясения? Надо быть начеку, как бы не погибнуть в этой неизвестной стране.

Между тем работы под землёй продолжались с неослабевающим темпом. И вот наступил момент, когда водопровод для Усыпительной воды подсоединили к колодцу. Мыши, у которых был тонкий нюх, сами захотели, чтобы их опустили в колодец в клетках.

Теперь оставалось ждать. Если Усыпительная вода проникает в колодец, мыши заснут.

Переселенцы нашли приют в Жёлтой стране — владениях добной феи Виллины. Придётся ли изгнанникам вернуться в родные края или остаться там навсегда — зависело от мышей.

МЫШИ ЗАСНУЛИ!

Д

ело было ночью. Неизвестно уж как, его не отпускали, но Тим пробрался к колодцу. Он осторожно приложил ухо к стенке и ничего не услышал. Вернее, услышал слабый свист.

«Уж не сопят ли это мыши во сне?» — подумал Тим. Он быстро вытянул за верёвку сначала одну клетку, затем другую. Остроглазый мальчишка заметил даже в темноте, что зверюшки лежат в клетках, беспомощно раскинув лапки.

Опрометью он бросился к входу в подземелье, влетел в него и громко закричал:

— Спят, спят! Наконец-то они заснули! Вода пошла!

Ружеро как раз находился внизу. Мастер подбежал к Тиму и бережно принял у него клетки. Он пощекотал травинкой носы мышей, подёргал их за хвосты, за лапы — серые зверюшки не проснулись. Ружеро приходилось прежде усыплять подземных королей, и он понял — мыши спят не обычным, а очарованным сном.

Это известие, от которого зависело, может быть, само существование Волшебного государства, укладывалось всего в два слова:

— Мыши заснули!

Ружеро хотел было отправить сообщение в Изумрудный город обычным путём по птичьею эстафете, но птицы покинули близлежащие леса. На счастье, у ручья он увидел филина Гаумоко. Тот сразу оценил важность вести и без промедления принёс её Кагги-Карр. С появлением Гуамоко Страшила поднял на ноги всех жителей Изумрудного города. Фарамант, Дин Гиор, Энни, Тим, Кагги-Карр — все они бегали, прыгали, стучали (даже

Гуамоко своим крепким старым клювом) в дома жителей, передавая, как пароль, два слова:

— Мыши уснули!

К тому времени население города знало, что это значит. В Изумрудном городе жили маленькие доверчивые люди, которые всей душой хотели, чтобы Пришельцы убрались восвояси, поэтому они ни за что на свете не сказали бы менвитам правду об Усыпительной воде.

Радость радостью, а медлить было нельзя. Мина-то оставалась заложенной на звездолёте. Ильсору предстояло вынести мину или хотя бы разобрать её механизм. Но прежде вождю арзаков надо передать, что «мыши уснули».

Путь к Ильсору не так уж далёк, но опасен. И нельзя посыпать одного гонца, мало ли что может случиться в пути. Случайности были учтены, и одновременно из города отправились Железный рыцарь, дракон Ойххо и семья, чтобы удачнее был поход, деревянных курьеров.

Тилли-Вилли мчался по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом. В кабине у него сидел Фарамант и болезненно охал при каждом прыжке, он ведь не Лестар, который привык за годы дружбы с великаном к подобным скачкам. Железные ступни Вилли выбивали ямы огромной глубины. Но что за беда? Ямы можно заделать, лишь бы вовремя доскакать.

Тилли-Вилли озорно напевал:

— Мыши заснули, клянусь рифами; мыши заснули, мыши заснули, клянусь отмелями; мыши за-асну-у-ули!..

Над лесами и полями летел дракон Ойххо; на его спине находился сам Трижды Премудрый.

Да, Правитель Изумрудного города оставил трон, подданных

и друзей. Он спешил спасти сказочную страну, её поля и леса, а главное, обитателей.

Страшила подпрыгивал на сиденье в такт взмахам драконьих крыльев и распевал:

— Эй-гей-гей-го, мыши заснули, заснули, заснули-и-и!

Время от времени он поглядывал вниз и, если Тилли-Вилли отставал хоть самую малость, победоносно выпрямлялся, а если рыцарь вырывался вперёд, гневно топал ногами, понукал Ойххо

лететь быстрее. Ничего тут не поделаешь, добрый Страшила был очень обидчив.

Звериными тропами следом за рыцарем бежали деревянные курьеры. Шаги их не были так велики, как у Тилли-Вилли, зато ноги мелькали, как спицы велосипедного колеса, а деревянные тела-стволы, казалось, летели по воздуху.

Слова донесения им приказали повторять, чтобы не позабыть, и они без передышки гомонили:

— Мыши заснули, мыши заснули, мыши заснули!..

Бег наперегонки разбудил в гонцах чувство азарта, один старался обогнать другого. И когда такое кому-нибудь удавалось, тот, чья брала, дразнил соперников:

— Улитки! Черепашьи дети! Раки бесхвостые!

Игра достигала наивысшего предела, если Тилли-Вилли, не желая отставать от Страшилы, приостанавливался, чтобы отыскать в небесах Ойххо, а в это время кому-нибудь из курьеров удавалось, правда, ненадолго, вырваться вперёд. Деревянные гонцы поднимали тогда невообразимый визг.

Это очень удачно получилось, что одновременно три разных посланника — Тилли-Вилли, дракон и курьеры отправились в путь. А всё догадливая голова Страшилы.

Казалось, прямо с неба слетают слова, которые потом несутся по всему пути следования по земле, повторяясь эхом:

— Мыши заснули, мыши заснули, мыши заснули!..

На пути курьеров не встало серьёзных препятствий. Только Большую реку Тилли-Вилли перешёл вброд (он боялся сломать мост), вода в самом глубоком месте достала ему до плеч. Фарамант поёживался, слушая, как плещутся волны, разбиваясь о железную грудь великана. Хорошо было дракону — он не обратил никакого внимания на блеснувшую внизу голубую полосу.

Деревянные гонцы, переходя мост, немного отстали от своих соперников. Зато, очутившись на твёрдой земле, припустились во всю прыть.

В Волшебной стране давно наступила ночь. Дорога, мощёная жёлтым кирпичом, кончилась, а значит, не было больше фонарей с качающимися лампами, освещавших путь в темноте. Тилли-Вилли и деревянные посланники поневоле замедлили бег, даже Ойххо стал тише взмахивать крыльями: ночью легко было потерять нужное направление и залететь не туда, куда нужно. Песни стихли, молчали семь курьеров. И всё-таки гонцы точно держали путь к цели, словно их притягивали невидимые магниты.

Никто не перегнал друг друга, все явились к павильону Гуррикапа одновременно.

СВОБОДА

Н

а следующий день ясно было одно: жизни арзаков спасены, избавлены от смерти Ментахо с Эльвиной, уцелел замок Гуррикапа, остался невредим корабль «Диавона». На нём в случае удачи возвращаться на Рамерию Ильсору и его товарищам.

В тот же день взятая из ранавирского колодца волшебная вода оказалась во всех кушаньях менвитов. Никто не знал, какая доза подействует на их мощные организмы, поэтому арзаки подливали воду, не жалея, и в суп, и в соусы, и в морсы.

Обед проходил как обычно. Волнения арзаков не было заметно, они спокойно разносили стряпню, может, только глаза их смотрели более внимательно, чем всегда. Повара-арзаки готовили вкусно, на аппетит менвиты не жаловались, стало быть, и в этот раз ели много. Результаты не замедлили сказаться. Обед ещё не закончился, а менвиты — тут и лётчики во главе с Мон-Со, охрана звездолёта, подменённая Ильсором арзаками, врач Лон-Гор, сам Баан-Ну — мирно спали, уронив головы на столы.

Не усыпили одного лишь штурмана Кау-Рука. В последнее время было видно, что Баан-Ну его только терпит, и он сам держался в отдалении от генерала и других менвитов.

Ильсор слышал от Баан-Ну, что тот передаст Кау-Рука, едва они вернутся на Рамерию, не кому-нибудь, а в руки Верховного правителя Гван-Ло, — штурман, по-видимому, понесёт строгое наказание за самовольный уход от битвы с орлами. Его могут даже приковать в Рамерийской пустыне к камню и оставить одного. И дальше уж, по менвитским законам, его дело — выжить.

— Мой полковник,— обратился Ильсор к штурману,— согласны ли вы помочь арзакам?

— Согласен,— не раздумывая, ответил Кай-Рук.— Я давно приглядываюсь к вам, Ильсор, и всё больше уважаю вас. Когда я бродил тут в тиши, без всяких занятий, я подумал: не всегда же вы будете пребывать в положении слуги, очевидно, это вам нужно... И теперь пришло время перемен?

— Я предлагаю вам быть среди нас, арзаков,— сказал Ильсор.— А задание такое — вместе со мной вести звездолёт на Рамерию. Но там рассказывать о событиях, которые вы знаете, лишь так, как скажем мы.

— Я охотно выполню все ваши поручения,— ответил штурман.— Однако не могу обещать быть с вами, я как-то привык сам по себе.

На том и порешили. И тогда на базе Ранавир раздались сначала несмелые, даже удивлённые возгласы:

— Свобода? Свобода?

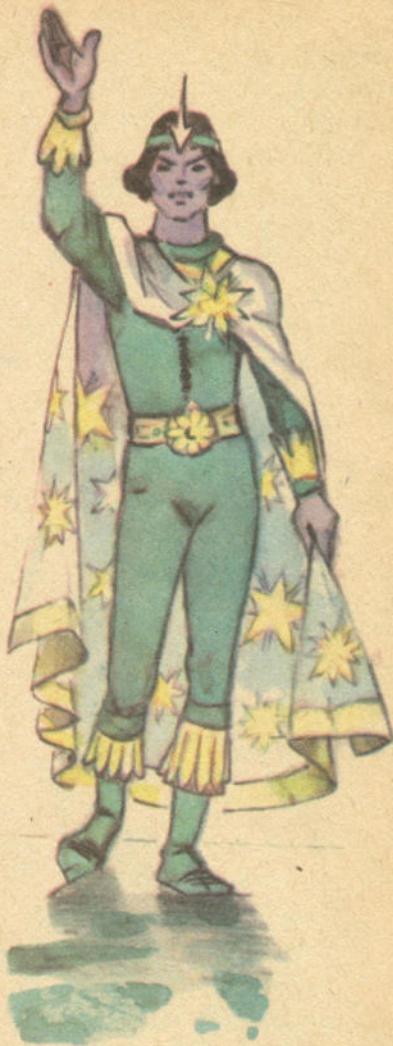
Потом голоса зазвучали уже более решительно:

— Свобода! Свобода!

Арзаки, не сговариваясь, бросились друг к другу, поздравляя себя; они обнимались и целовались, плакали, а некоторые, словно Страшила Премудрый в минуты радости, пустились в пляс.

Ильсору, отважному вождю рабов, целые годы рисковавшему жизнью, потому что в любой момент могло раскрыться, что он вождь, выпали особые почести. Арзаки принесли мантию, которая была спрятана на «Диавоне» даже не в специальных тайниках, а среди прочей одежды, ведь менвиты всё равно не угадали бы её предназначения.

И вот он, Ильсор, вождь своего народа, стоит в голубой мантии с золотыми звёздами. В голубую мантию, по обычаям арзаков, облачают по особо торжественным случаям, если кто-то из людей заслужил самого высшего звания, каким награждают

в стране арзаков,— Друга народа. На этот раз высшее звание выпало вождю. Ильсор так горд, что оправдывает своё имя — Прекрасный. Добрый светом сияют и оттого тоже прекрасны его чёрные блестящие глаза.

Арзаки внимают каждому слову Ильсора, его приказания выполняют точно и беспрекословно.

Первый приказ вождя такой. Никто не знает, как долго будет действовать Усыпительная вода на менвитов. Вдруг они проснутся очень скоро. Земляне спали по несколько месяцев и пробуждались, подобно ничего не ведающим младенцам. Менвиты могли проснуться через несколько часов и как ни в чём не бывало приняться за свои дела.

Потому Ильсор распорядился немедленно перенести спящих избранников на «Диавону», погрузив их в те самые отсеки сна, в которых инопланетяне совершили путешествие к Земле. Так и было сделано. К утру все менвиты, находясь в состоянии волшебного сна, были охлаждены в барокамерах, где сон продолжается десятки лет.

— Вот так-то надёжнее! — сказал Ильсор.

Пожалуй, настало самое время для сообщения в столицу Рамерии Бассанию. Оно было согласовано со штурманом Кау-Руком и выглядело так:

«Верховному правителю Рамерии, достойнейшему из достойных Гван-Ло. По поручению командира сообщаю. На Земле нет жизни. Существовать в тяжёлых условиях, не снимая скафандров, дальше не представляется возможным. Экипаж одолел непонятный сон. Возвращаемся назад.

*Заместитель командира,
звёздный штурман Кау-Рук».*

К ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЕ

М

осле того как Усыпительная вода выполнила свою задачу, краны завернули, а у волшебного источника, как обычно, поставили сторожа.

— Да, загадочная вещь — ваш источник, — задумчиво сказал Ильсор. — В нём содержатся наверняка ещё не открытые вещества; они-то и усыпляют.

— Вот бы вам такой воды побольше на вашу планету. Здорово, да? — сказал Тим, у него даже глаза заблестели. — Вы бы всех господ менвитов усыпили.

— Возьмите воды с собой побольше,— попросила и Энни.

— Сколько нужно, не возьмёшь,— вздохнул, улыбаясь горячности ребят, Ильсор.— Да и не довезёшь. Вы же сами знаете: долго она не хранится, теряет чудесные свойства.

Всё было готово к тому, чтобы «Диавоне» отправиться в обратный путь к далёкой Рамерии. Оставалось лишь попрощаться.

— Вы не забыли, Ильсор,— напомнил Альфред Каннинг,— всех вас ждёт к себе Страшила.

Ильсору и его друзьям самим хотелось побывать в Изумрудном городе.

Познакомиться с Железным Дровосеком и Смелым Львом, увидеть своими глазами знаменитую бороду Дина Гиора и не менее известные зелёные очки Стража Ворот. Верно же говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Арзаки выбрали наименее пострадавшие в битве с орлами отремонтированные механиками вертолёты. К одному из них направился Ильсор. Он уже взялся за руль управления, как его опередил штурман Кау-Рук, который поднялся за Ильсором вместе с группой арзаков.

— Разрешите,— сказал он,— я знаю дорогу в Изумрудный город.

— Погодите! Не трогайтесь,— проговорил кто-то звонким голоском с земли у самого трапа.

Вождь арзаков и штурман, нагнув головы, поглядели вниз, да Кау-Рук так и остался стоять не разгибаясь: он никогда ещё не видел таких крошечных людей. На земле копошились гномы в серых плащах и разноцветных колпаках. В руках они держали удилища из тростинок. Впереди всех стоял Кастальо в красном колпаке.

— Вы от нас чего-то хотите, друг Кастальо? — спросил Ильсор старейшину гномов.

— Как же чего? Станный вопрос! — обиделся гном.— Мы собрались к себе, в свою Пещеру. Сюда-то нас доставил рыцарь Тилли-Вилли, у него вон какие длинные ноги!

— Ах, только-то? — рассмеялся Ильсор.— Вы хотите домой. Так забирайтесь в кабину вертолёта. Садитесь. Друзья мои,— обратился он к арзакам,— помогите же!

Один из арзаков сбежал по трапу и принялся осторожно собирать в корзину человечков в серых плащах. Другой арзак располагал всех по местам. Гномы заполнили вертолёт. Они крутились на сиденьях и под сиденьями, усаживались, подстелив плащи, прямо на полу, устраивались даже на коленях Тима и Энни. Хоть и были они умудрённые опытом и годами, всё равно к озорству остались неравнодушными, любили визжать, хохотать, толкаться.

Сколько было крика, визга и смеха, когда вертолёт отделился от земли и поплыл по воздуху!

Гномы видели бесконечную синеву неба, над которой громоздились снежные комья облаков. Внизу простиралась такая же бесконечность полей и лесов, окрашенная в зелёный цвет. Не привычно тихо, наверное, было бы наверху, если б вертолёт не стрекотал да не гомонили сами человечки. Гномы чувствовали: может, всю жизнь отныне вспоминать им этот полёт, слишком радостно им было. Кастальо, расположившись на плече Кау-Рука, указывал дорогу к бывшим владениям Арахны, туда, где в продолжение тысячелетий жили их деды, прадеды и прапрадеды.

Путешествие получилось весёлое, было жаль, когда оно кончилось, но всему когда-нибудь приходит конец. Гномы простились со своими друзьями, и вертолёт взял курс на Изумрудный город.

Традиция, заведённая Гудвином, и на этот раз была соблюдена: Страж Ворот вручил гостям зелёные очки. А потом проводил всех в пиршественный зал Изумрудного дворца. Столы уже накрыли: там происходил настоящий парад закусок, но для гостей важнее был другой парад — чудес.

Арзаки с живым любопытством рассматривали Соломенного Страшилу и Железного Дровосека, их поразила колоссальная голова Тилли-Вилли с раскосыми глазами и страшными клыками, видневшаяся в раскрытое окно, их изумила почётная стража вдоль зала, вырезанная явно из деревянных стволов с сучьями, но ходили и говорили стражи совсем как люди.

«Как могут двигаться, мыслить, разговаривать эти необыкновенные существа из соломы, дерева и железа? — думали гости.— Поистине земляне раскрыли секреты, ещё не доступные нам, рамерийцам, поистине Земля — планета чудес...»

Арзаки не знали, разговора об этом так и не зашло, что они находятся в Волшебной стране и что всех землян, обитающих за горами, страна Гуррикапа поразила бы так же, как и их. С нескрываемым интересом слушали гости Льва и не менее смелую ворону Кагги-Карр, которые, как равные, вместе со всеми расположились за столом и храбро вступали в общий разговор.

— Дорогой Ильсор,— сказал Лев,— хорошо бы и у вас на Рамерии люди дружили со зверями, как в нашей стране.

— И с птицами тоже,— пожелала Кагги-Карр.— Конечно, я побывала в Большом мире, но так высоко, как полетите вы, мне ещё возноситься не доводилось.

ТО БЫЛ ВЗАПРАВДУ ДЕНЬ СЮРПРИЗОВ!

Страшила хлопнул в ладоши, растворились парадные двери, вошёл Дин Гиор. Его золотистая борода после непрерывного причёсывания блестела как шёлковая. В руках фельдмаршал держал серебряный поднос, на котором поблескивали алмазами ордена, совсем новые, только что изготовленные мастерами Мингуами.

— Я считаю своим долгом заявить,— торжественно проговорил Страшила,— что Альфред Каннинг и Ильсор проявили весьма ценную и-ни-ци-а-ти-ву. И мы просто должны наградить каждого из них орденом, который так и называется: «За инициативу!»

Присутствующие переглянулись, выражая восторг: давно уж Страшила не произносил таких мудрёных слов. Страшила прикрепил награды. А перед гостями предстал Джюс с филином на плече и с большим серебряным блюдом — знаменитый огородник, как представил его Страшила. Впрочем, Урфина арзаки не раз видели спешащим к кухне замка Гуррикапа. Потом слышали о переполохе с кражей изумрудов. Отнятые у Баан-Ну камни сверкали на блюде. Филин брал изумруд за изумрудом с подноса и передавал огороднику. Джюс, преисполненный гордости, дарил зелёные переливчатые драгоценности арзакам.

— Смотрите, больше не поддавайтесь власти менвитов,— приговаривал он.

Всё это было слишком торжественно, арзаки растерялись

от таких почестей. И в то же время их охватила безудержная радость. Они привезут на Рамерию могучее средство борьбы, их соплеменники освободятся от рабства, наступит такой великий день.

Конечно, на пути к нему много препятствий. И прежде всего, как объяснить своё возвращение на Рамерию?

Самый прекрасный вариант, если после пробуждения менвиты окажутся во власти чудесной воды. Тогда в полёте им можно внушил любую историю, в которую они поверят.

Если же с внушением не получится, ничего не поделаешь, придётся арзакам спустить «Диавону» в Рамерийской пустыне и самим раствориться среди соплеменников, прежде чем на их след нападёт менвитская полиция.

Время отлёта настало. В Ранавир проводить Ильсора и других арзаков пришли Страшила и Дровосек, Лев и Тилли-Вилли, фельдмаршал Дин Гиор и Страж Ворот Фарамант, ворона Кагги-Карр и королева мышь Рамина; Урфин Джюс с неразлучным Гуамоко, Ментахо с Эльвиной и даже доктора Бориль и Робиль; были тут орёл Карфакс и дракон Ойхxo. Рядом с необыкновенной компанией, какую вряд ли сыщешь ещё во Вселенной, стояли люди из-за гор: Энни Смит, Тим О'Келли, Фред Каннинг.

Расставание с арзаками, как и всякое расставание, было печальным. Смешными и неуместными выглядели бы здесь обещания писать друг другу.

Может, когда-нибудь оставленный Ильсором передатчик оживёт и примет привет с далёкой Рамерии. Может быть... А пока оставалось ждать.

Друзья простились так, как прощаются навек.

Укрывшись в безопасном месте, провожающие наблюдали, как в снопах пламени «Диавона» дрогнула, поднялась, словно гигантское чудище, сначала медленно, потом всё быстрее, и вот, на миг ещё раз мелькнув, исчезла совсем, оставив за собой клубы жёлтого дыма.

Энни, Тим, Альфред благополучно вернулись домой, их доставил, как обычно, дракон Ойхxo.

И побежало время — секунды, минуты, часы...

Гостям из Большого мира часто снилась Волшебная страна, её необыкновенные жители. Наяву их взгляд нередко обращался в сторону Кругосветных гор.

В ясные зимние вечера и летние ночи они не раз, не сговариваясь друг с другом, выходили из домов и смотрели на тёмное небо, где вблизи созвездия Орион горела холодным голубым светом планета Рамерия. И тогда они думали о людях с небесными лицами, ставших им такими близкими...

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вот и закончились удивительные приключения наших друзей в Волшебной стране, о которых поведал нам замечательный детский писатель Александр Мелентьевич Волков. Над серией из шести повестей-сказок он работал более двадцати лет. Много всяких событий происходило в стране за высокими горами. Порой казалось, что не совладать нашим друзьям с врагами. А врагов было много. В первой повести-сказке «Волшебник Изумрудного города» — это повелительница злых волков и летучих обезьян Бастинда, в книге «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» — угрюмый, честолюбивый столяр со своим свирепым войском, в «Семи подземных королях» — жившие в пещере злые и ленивые короли, в «Огненном бое Марранов» — опять же хитроумный Урфин Джюс, в «Жёлтом тумане» — огромная, с сосну ростом, злющая великанша Арахна и, наконец, в этой книге завоеватели — инопланетяне.

К сожалению, Александр Мелентьевич Волков не дожил до выхода в свет этой кни-

ги, и я, художник, проработавший с ним многие годы, взял на себя смелость написать это послесловие. Возможно, что, кончая последнюю повесть о своих героях, А. М. Волков предоставил бы слово своему любимцу, милому и добродушному Страшиле. И тот бы, наверное, сказал: «Нам грустно расставаться с вами, дорогие мальчики и девочки. Помните, что мы учили вас самому дорогому, что есть на свете,— дружбе!»

Леонид Владимирский

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЁЛТЫЙ ТУМАН

Вступление	6
Сон длиной в пять тысячелетий	6

КОЛДУНЬЯ АРАХНА

Пробуждение	12
Летопись гномов	14
Дела недавних дней	17
Огненный бог Марранов	23
Искушения Урфина Джюса	25
Искушение Руфа Билана	36
Первый блин комом	39
Пушка Лестара	43
Ночной штурм	49
Происшествие с ковром	54

ТРУДНЫЕ ДНИ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ

Жёлтый туман	58
Посол Арахны	62
Открытие докторов Бориля и Робиля	67
Новая беда	76
Важное решение Страшилы	79
На ферме Джона Смита	85
Гонец из Волшебной страны	88
Полёт на драконе	93
Большой Совет	97

ЖЕЛЕЗНЫЙ РЫЦАРЬ ТИЛЛИ-ВИЛЛИ

Рождение великана Тилли-Вилли	102
Первые шаги Железного рыцаря	107
Королева полевых мышей	111
Великий поход мышиной армии	114
Тилли-Вилли — изобретатель	119
Козни колдуны Арахны	123
Конец волшебного ковра	129
Новый союзник	132
Битва гигантов	136
Жёлтый туман исчез!	146
Возвращение	153

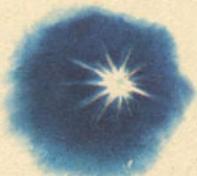
ТАЙНА ЗАБРОШЕННОГО ЗАМКА

Вступление	
Инопланетяне	164
Пробуждение Ильсора	167
Арзаки и менвиты	169
На борту звездолёта	173
Некоторые события, связанные с Урфином Джюсом	176
Неведомая земля	176

Часть первая ПЕРВЫЕ ДНИ НА ЗЕМЛЕ

Урфин Джюс — огородник	179
Жёлтый огонь	182
Приземление	185
Разведка	190
Птичья эстафета	194
Важное решение	199
Обида Урфина	205
Гномы-разведчики	207
Похищение Ментахо	215
Говорильная машина	220
Установка радаров	223
Схватка Гориэка	230
Снова чёрные камни Гингемы	233

Часть вторая
ЭННИ, ТИМ И ПРИШЕЛЬЦЫ

Беда грозит человечеству	239
Невесёлый пир	242
Тайна изумруда	247
Урфин в Ранавире	250
Первая победа Альфреда Каннинга	252
Как бороться с менвитами?	253
Похищение Энни Смит	256
Королева полевых мышей	261
Нашествие невидимой армии	263
Странные события в Ранавире	266
Бегство	270
Зловещие планы	272

Часть третья
УСЫПИТЕЛЬНАЯ ВОДА

Наступление дуболомов	274
Операция «Страх»	280
Последняя надежда менвитов	287
Урфин помогает арзакам	292
Тревожное ожидание	296
Мыши заснули!	299
Свобода	303
К далёкой звезде	305
То был взаправду день сюрпризов!	308

Волков Александр Мелентьевич

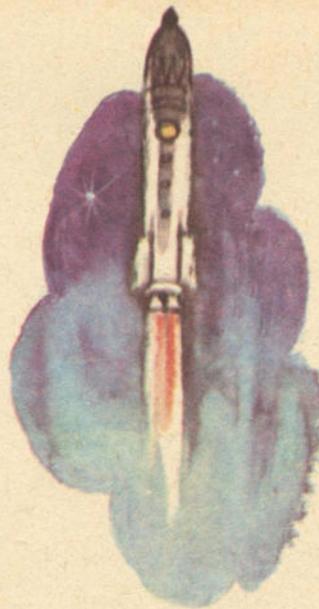
В 67 Жёлтый туман; Тайна заброшенного замка: Сказочные повести. Для
мл. школ. возраста / Худож. Л. Владимирский.— Кишинев: Лит. артисти-
кэ, 1987.— 316 с., ил.

Две сказочные повести известного советского писателя. В первой («Жёлтый туман») продолжаются приключения девочки Энни и её друзей, освободивших Волшебную страну от злой колдуньи Арахны и Жёлтого тумана. Во второй («Тайна заброшенного замка») читатели вновь встречаются с полюбившимися им героями, познакомятся с новыми, узнают об испытаниях, вновь выпавших на долю жителей Волшебной страны.

4803010102—37

В——————104—87
M756(12)—87

84.8Р7-44

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Александр Мелентьевич Волков

ЖЁЛТЫЙ ТУМАН
ТАЙНА ЗАБРОШЕННОГО ЗАМКА

Сказочные повести

Художник Леонид Викторович Владимирский

Редактор Л. Симова

Художественный редактор С. Букур

Технические редакторы Л. Моргунова, М. Кривенцова
Корректор Ю. Цуркан

ИБ № 3059

Подписано к печати с диапозитивов 28.05.87.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офс. 2.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 21,15. Усл. кр.-отт. 105,95.

Тираж 400 000 (6-й з-д 350 001—400 000). Заказ 61653.

Цена 1 р. 70 к. на бум. № 1; 1 р. 60 к. на бум. № 2.

Издательство «Литература артистикэ»

277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Полиграфкомбинат

Государственного комитета Молдавской ССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

277004, Кишинев, ул. Берзарина, 35.

*В издательстве
«Литература артистикэ»
в 1986 году вышли в свет
книги для детей дошкольного
и младшего школьного возраста:*

**Спиридон Вангели
«СОЛОВЕЙ»**

**Николае Дабижа
«И СКАЗАЛА МНЕ ЖАР-ПТИЦА...»**

**Аурел Скобиоалэ
«УДАЛЕЦ-МОЛОДЕЦ
ИЗ СТАРШЕЙ ГРУППЫ»**

**Филипп Миронов
«НА КУКУШКИНОЙ ПОЛЯНЕ»**

**«ГРОЗДЬЯ РАДОСТИ»
(коллектив авторов)**

**Аркадиe Сучевяну
«УШЛА ИЗ ДОМУ УЛИТКА»**

*В издательстве
«Литература артистикэ»
в 1987 году
готовятся к выпуску
книги для детей
младшего школьного возраста:*

**Ариадна Шаларь
«ОЗОРНИКИ»**

**Галина Вахнина
«ДЕНЬ МЕДА»**

**Петру Кэраре
«ТРОПОЦЕЛ СРЕДИ ПЕРВЫХ»**

**Юлиу Кыркелан
«ЯБЛОНЯ»**

Ион Хадыркэ

«БЕЛОЕ ПОЛЕ — ЧЕРНЫЕ ОВЕЧКИ»

**Николай Савостин
«МЫ ЛЕТИМ НА ВИТИМ»**

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

1 р. 60 к.

